

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НОИТЭ ... ЭНЗ.

Славян

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1977

ИИ Слав

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1

1977

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Октябрьский Пленум ЦК КПСС и проблемы развития социалистического содружества	3
<i>А. И. Недорезов.</i> Клемент Готвальд и революционное преобразование чехословацкого общества	9
<i>Т. М. Исламов, А. Х. Клеванский.</i> Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии	16
<i>Г. Пиастро.</i> Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-й Украинский фронт. Сентябрь 1944— май 1945 г.)	31
<i>Э. Урибес.</i> Балканский кризис 1911 г. и европейские державы	39
<i>И. Светлов.</i> Монументы народной Польши	49
<i>А. А. Турилов.</i> Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII веков (По материалам древнерусской библиографии)	67
<i>С. М. Толстая.</i> К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках	83
Из истории славяноведения	
<i>П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов.</i> Первая послевоенная научная сессия по славяноведению	89
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ	
<i>Душан Моравец (СФРЮ).</i> Революционная роль Ивана Цанкара в словенском и югославском театре	97
<i>Ф. И. Стеклова.</i> Тайна одного письма	101
<i>В. П. Гудков.</i> К выяснению обстоятельств издания «Истории разных славянских народов» Йована Раича	106

<i>Г. Мурашко.</i> Новое исследование чехословацких историков о Кошицкой программе	110
<i>С. Л. Каиров.</i> В. Н. Казак. Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран (1941—1945)	112
<i>Н. П. Митина, Ю. И. Штакельберг.</i> О. П. Морозова. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце	114
<i>В. А. Борис.</i> В. Lopuszański. «Stowarzyszenie ludu polskiego (1835—1841)»	116
<i>Н. А. Мохов.</i> Исследование по аграрной истории Молдавии позднего феодализма	117
<i>М. М. Фрейденберг.</i> Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма	119
<i>А. А. Бакин, Л. Г. Канчавели.</i> Монография о болгарской народной музыке	122
<i>Г. П. Клепикова.</i> W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego	124
<i>В. Мокиенко.</i> Ryszard Stypuła. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski	127
<i>Э. А. Григорян.</i> Лингвистический сборник памяти профессора Ст. Стойкова	131

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории культуры и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976 г. (продолжение)	134
Содержание иностранных журналов	136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н. Прокофьева.</i> Деятельность Международной комиссии по истории славистики	139
<i>И. Калужская.</i> IV Международная конференция по Общекарпатскому диалектологическому атласу	142

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией И. И. Коголовская

ОКТАБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

В соответствии с решениями XXV съезда КПСС, определившего задачи партии и всего советского народа на новом этапе коммунистического строительства в СССР, и указаниями Политбюро ЦК КПСС Советом Министров и Госпланом СССР были разработаны проекты планов социально-экономического развития страны на 1976 — 1980 гг. и 1977 год и проект Государственного бюджета СССР на 1977 год. Состоявшийся 25 — 26 октября 1976 г. Пленум ЦК КПСС обстоятельно рассмотрел эти проекты. На Пленуме с большой и яркой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В ней дана характеристика особенностей десятой пятилетки, намечены пути выполнения народнохозяйственных планов, определена программа действий партии и всего народа по претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС.

На Пленуме подчеркивалось, что план десятой пятилетки предусматривает непрерывное наращивание экономического потенциала страны, совершенствование социалистических общественных отношений, повышение материального и культурного уровня жизни народа, дальнейшее продвижение к коммунизму. Это обеспечивается прежде всего за счет больших капитальных вложений в народное хозяйство, которые составят более 624 млрд рублей. Планируется увеличение продукции промышленности на 36%, в том числе производства средств производства на 38% и предметов потребления на 32%, сельскохозяйственной продукции на 16%. При этом обращается особое внимание на качественные показатели, повышение эффективности производства. За счет увеличения производительности труда в народном хозяйстве на 25% предполагается получить 90% прироста продукции промышленности и весь прирост продукции сельского хозяйства и объема строительно-монтажных работ.

Высокие темпы развития народного хозяйства обеспечат увеличение национального дохода, используемого на потребление и накопление, на 26%. Это позволит повысить реальные доходы на душу населения на 21%, среднюю заработную плату рабочих и служащих примерно на 17%, доходы колхозников от общественного хозяйства в среднем на 26%, выплаты и льготы населению за счет общественных фондов потребления примерно на 30%, ввод в эксплуатацию жилых домов общей площадью 550 млн кв. метров.

Вместе с тем будут осуществлены следующие меры по улучшению жизни народа: завершено повышение минимума заработной платы с одновременным увеличением ставок и окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в непроизводственных отраслях народного хозяйства; предпринято новое повышение минимальной заработной платы рабочих и служащих; введены коэффициенты к зарплате в некоторых районах Урала и Казахстана и надбавки за стаж работы на Дальнем

Востоке; установлена дополнительная оплата за работу в ночное время; увеличены минимальные пенсии рабочим, служащим и колхозникам; введены надбавки к пенсиям инвалидам первой группы из числа колхозников; улучшены условия труда и быта работающих женщин; введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года; повышены нормы расходов на питание и другие нужды в домах-интернатах, некоторых лечебных заведениях, школах-интернатах и детских домах.

Пятилетний план намечает проведение ряда важных социально-экономических мероприятий, направленных на улучшение условий труда, усиление его творческого характера, сокращение ручного, малопроизводительного и тяжелого физического труда на основе широкого применения достижений науки и техники, совершенствования технологических процессов и повышения технического уровня производства. Предусматриваются и существенные меры по дальнейшему развитию бытового обслуживания населения, здравоохранения, образования, науки и культуры.

План развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 гг., как отметил Л. И. Брежнев на Пленуме, «учитывает специфические особенности и потребности каждой союзной и автономной республики, обеспечивает их гармоническое развитие, их общий подъем к новым высотам социального прогресса. Наша пятилетка — это ленинская политика дружбы народов, переведенная на язык экономики»¹.

Исходя из основных показателей пятилетнего плана определяются задания на 1976 г. — первый год пятилетки. Эти задачи успешно выполняются.

Пленум уделил большое внимание вопросам реализации социально-экономической программы, разработанной XXV съездом КПСС, осуществления плана десятой пятилетки. При этом подчеркивалась важность и необходимость повышения эффективности производства и качества продукции, обусловленного объективными потребностями современного этапа развития народного хозяйства. Выполнение этой задачи позволит расширить источники экономического роста, улучшить сбалансированность экономики и создать условия для значительного продвижения вперед в последующие годы.

Одной из важных проблем пятилетнего плана, указывал Л. И. Брежнев, является капитальное строительство. При огромном объеме работ темпы ввода основных фондов будут превышать темпы роста капитальных вложений. В связи с этим значительно увеличиваются ресурсы на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий. Другая важная задача пятилетки заключается в том, чтобы повысить эффективность базовых отраслей народного хозяйства — добывающей промышленности, энергетики, металлургии. В области сельского хозяйства ставится задача по-хозяйски использовать огромные ресурсы, бережно относиться к земле, добиваться максимальной отдачи с каждого гектара, с каждого рубля вложений, с каждой тонны удобрений. Предусматривается значительное расширение производства товаров народного потребления и повышение их качества. Важное значение придается вопросам рационального использования трудовых ресурсов, совершенствования управления, развития социалистического соревнования, усиления партийно-организаторской и идейно-политической работы.

На Пленуме были рассмотрены некоторые вопросы международной деятельности партии. Истекшие месяцы, подчеркнул Л. И. Брежнев, ознамено-

¹ «Коммунист», 1976, № 16, стр. 8.

вались значительными успехами в дальнейшем упрочении позиций мирового социализма. ЦК КПСС считает, что в борьбе за прочный мир в настоящее время нет более важной задачи, чем прекращение гонки вооружений, осуществляемой империалистическими державами, переход к разоружению. Советское правительство внесло предложение заключить Всемирный договор о неприменении силы в международных отношениях, представило на рассмотрение ООН меморандум, содержащий широкую и всестороннюю программу мер по разоружению, прилагает усилия к достижению соглашения о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, стремится к развитию мирных и взаимовыгодных отношений с капиталистическими и развивающимися странами. Инициативы Советского Союза в этом направлении встречают признание и поддержку многих государств и широких кругов мировой общественности. Важное значение имеют решения Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий. В принятом ею документе содержится конкретная программа дальнейшей борьбы за мир, безопасность и разрядку в Европе.

Пленум ЦК КПСС одобрил в основном проекты пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 гг. и 1977 год и Государственного бюджета СССР на 1977 г. Он целиком и полностью одобрил деятельность Политбюро ЦК КПСС по реализации социально-экономической программы и внешнеполитического курса, разработанного XXV съездом партии, положения и выводы, изложенные в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Пленуме. Пленум обязал все партийные организации осуществить необходимые меры, обеспечивающие успешное завершение заданий 1976 г., безусловное выполнение народнохозяйственного плана 1977 г. и пятилетнего плана в целом, призвал коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся еще шире развернуть социалистическое соревнование за успешную реализацию заданий десятой пятилетки, что обеспечит дальнейшее укрепление могущества Советского государства, неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа.

Решения Пленума единодушно одобряются всей партией, всеми советскими людьми и вдохновляют их на самоотверженный труд по реализации великих предначертаний партии. В соответствии с решениями Пленума на пятой сессии Верховного Совета СССР были приняты законы о государственных планах развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 гг. и 1977 год и Государственном бюджете СССР на 1977 год. Мероприятия КПСС и Советского государства встречают положительный отклик у людей доброй воли во всем мире.

Реализация плана десятой пятилетки имеет большое значение и для дальнейшего развития братских социалистических стран. Отношения между социалистическими государствами базируются на принципах социалистического интернационализма, равноправия, взаимовыгодного сотрудничества, братской помощи и дружбы. Это обеспечивает условия для координации и успешной реализации планов социально-экономического развития социалистических стран, экономической интеграции социалистического содружества.

Л. И. Брежнев отмечал на Пленуме: «Крепнет и успешно развивается великое содружество социалистических государств». Съезды братских партий «вновь подтвердили нерушимое идейное единство и политическую сплоченность нашей дружной семьи... Продолжает идти вперед экономическое сотрудничество стран социализма. На XXX сессии Совета Экономической Взаимопомощи этим летом были приняты важные решения. В частности о разработке долгосрочных целерых программ — сырьевой,

энергетической, продовольственной и других. Словом, социалистическая экономическая интеграция набирает силу»².

Важную роль в объединении усилий народов социалистических стран в их совместной борьбе за общие цели играют встречи между руководителями партий и государств для всестороннего обмена мнениями по актуальным вопросам строительства социализма и коммунизма, борьбы за мир во всем мире.

2 ноября 1976 г. состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, находившимся в Москве по приглашению ЦК КПСС с кратковременным дружественным визитом. Л. И. Брежнев и Г. Гусак обменялись информацией о ходе выполнения решений XXV съезда КПСС и XV съезда КПЧ, о состоявшихся в октябре Пленуме ЦК КПСС и Пленуме ЦК КПЧ, обсудили вопросы дальнейшего развития и углубления советско-чехословацкого сотрудничества, а также ряд актуальных международных проблем.

Г. Гусак вручил Л. И. Брежневу высшие награды ЧССР — вторую Золотую Звезду Героя ЧССР и орден Клемента Готвальда, которых он был удостоен за выдающиеся заслуги в освобождении Чехословакии от фашистских захватчиков, в развитии советско-чехословацкой дружбы, в борьбе за мир и социальный прогресс.

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с 9 по 15 ноября 1976 г. в Советском Союзе находилась с визитом партийно-государственная делегация ПНР во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Герекком. Многочисленные сердечные встречи руководителей ПНР с советскими руководителями, трудящимися СССР превратились в яркую демонстрацию нерушимых уз дружбы и братства, объединяющих народы обеих стран.

На переговорах, проходивших в атмосфере братской дружбы и полного единства взглядов, стороны обменялись информацией о ходе выполнения решений XXV съезда КПСС и VII съезда ПОРП и обсудили кардинальные вопросы дальнейшего развития братских связей между КПСС и ПОРП, СССР и ПНР. Было констатировано, что на нынешнем этапе созданы необходимые предпосылки для повышения эффективности советско-польского сотрудничества, состоялся плодотворный обмен мнениями о формах и методах совершенствования взаимодействия обеих стран в различных областях социалистического и коммунистического строительства. Переговоры завершились подписанием совместного заявления «За дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, за укрепление дружбы советского и польского народов».

«Основные направления всестороннего развития и укрепления польско-советских отношений, — сказал Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, — определены решениями VI и VII съездов ПОРП, XXIV и XXV съездов КПСС. Велики в этом деле Ваши заслуги, товарищ Брежнев, велика роль Ваших визитов в Польшу, которые всегда выливались в яркие демонстрации единства партий и дружбы наших народов»³.

Советские и польские руководители выразили убеждение, что дружественный визит партийно-государственной делегации ПНР в СССР будет способствовать дальнейшему укреплению братской дружбы и расширению всестороннего сотрудничества между народами обеих стран, явится вкладом в сплочение социалистического содружества.

² «Коммунист», 1976, № 16, стр. 18.

³ «Правда», 1976, 10 ноября.

По приглашению Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев с 15 по 17 ноября 1976 г. находился с дружественным визитом в Социалистической Федеративной Республике Югославии. В ходе переговоров, прошедших в атмосфере сердечности, взаимопонимания и в духе взаимного уважения, Л. И. Брежнев и И. Броз Тито информировали друг друга об основных направлениях деятельности КПСС и СКЮ, провели всесторонний обмен мнениями о развитии советско-югославских отношений и сотрудничества, рассмотрели наиболее важные вопросы международного положения и мирового коммунистического и рабочего движения.

В ходе обсуждения вопросов двустороннего сотрудничества советские и югославские руководители с удовлетворением отметили неуклонное укрепление отношений между СССР и СФРЮ, КПСС и СКЮ и подчеркнули, что всестороннее развитие сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях является результатом постоянных обоюдных забот и усилий.

В принятом после завершения переговоров Советско-югославском коммюнике было отмечено, что отношения между нашими социалистическими странами «строятся в соответствии с принципами, содержащимися в Белградской декларации 1955 года, Московской декларации и заявлении 1956 года, подтвержденными и развитыми в заявлении 1971 года и последующих совместных советско-югославских документах. Эти документы и в особенности результаты встреч Л. И. Брежнева и И. Броз Тито дали мощный импульс советско-югославскому сотрудничеству, обеспечили успешное развитие отношений двух партий и стран, упрочили дружбу Советского Союза и Югославии».

Во время пребывания в Югославии И. Броз Тито вручил Л. И. Брежневу за выдающуюся роль в борьбе против фашистских захватчиков, за его усилия в борьбе за мир и всестороннее конструктивное сотрудничество между народами и государствами и особенно за его личный вклад в развитие сотрудничества и укрепление дружбы народов Югославии и Советского Союза высшую военную награду СФРЮ — орден Свободы.

«Минувшие десятилетия в полной мере научили нас ценить дружбу народов наших стран и дорожить ею, — сказал Л. И. Брежнев. — И как коммунисты, мы испытываем глубокое удовлетворение, что вдохновляемые марксистско-ленинскими идеалами наши партии, страны и народы тесно сотрудничают в решении исторических задач социалистического и коммунистического строительства⁴».

По приглашению Генерального секретаря РКП, Президента СРР Николае Чаушеску Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев с 22 по 24 ноября 1976 г. находился с дружественным визитом в Социалистической Республике Румынии. Во время переговоров советские и румынские руководители информировали друг друга о социалистическом и коммунистическом строительстве в своих странах, о ходе претворения в жизнь решений XXV съезда КПСС и XI съезда РКП, рассмотрели узловые вопросы дальнейшего углубления всестороннего сотрудничества между КПСС и РКП, СССР и СРР, обменялись мнениями по актуальным проблемам мировой политики, международного коммунистического и рабочего движения.

По завершении переговоров между товарищами Л. И. Брежневым и Н. Чаушеску, прошедших в атмосфере теплой дружбы и сердечного взаимопонимания, было подписано «Заявление о дальнейшем развитии сотрудничества и братской дружбы между КПСС и РКП, Советским Сою-

⁴ «Правда», 1976, 16 ноября.

зом и Румынией», в котором было подчеркнуто, что во всестороннем развитии советско-румынских отношений решающую роль играют расширение сотрудничества и упрочение уз солидарности между КПСС и РКП.

По случаю семидесятилетия и за особый вклад, внесенный в развитие дружбы и сотрудничества между РКП и КПСС, между румынским и советским народами Л. И. Брежневу был вручен высший орден СРР — «Звезда Социалистической Республики Румынии» первой степени с лентой.

Визит и состоявшиеся плодотворные переговоры между товарищами Л. И. Брежневым и Н. Чаушеску явились важным событием в советско-румынских отношениях, они будут способствовать дальнейшему укреплению нерушимой дружбы и расширению всестороннего сотрудничества между КПСС и РКП, СССР и СРР, советским и румынским народами в интересах строительства социализма и коммунизма в обеих странах, укрепления единства социалистических стран, общего дела социализма и мира во всем мире.

Активная и конструктивная внешнеполитическая деятельность ЦК КПСС служит залогом дальнейшего укрепления единства и мощи великого содружества социалистических стран.

Состоявшееся 25—26 ноября 1976 г. в Бухаресте совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора ярко продемонстрировало единство взглядов его участников по коренным проблемам мировой политики, общность их целей в борьбе за мир и социализм, международное сотрудничество и дружбу между народами. Оно приняло декларацию «За новые рубежи в международной разрядке, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе» и внесло на рассмотрение государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе проект договора о неприменении первыми ядерного оружия друг против друга, имеющие большое значение для упрочения мира.

С 2 по 17 декабря 1976 г. состоялись дружеские визиты в Москву и встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова, Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР Э. Хонеккера, Первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбала, Второго секретаря ЦК Компартии Кубы, первого заместителя Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Р. Кастро, Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека, Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара. Во время этих встреч руководители братских партий обменялись мнениями и констатировали единство взглядов по актуальным вопросам двусторонних отношений и международной обстановки. За выдающиеся заслуги в деле развития и укрепления дружбы и сотрудничества СССР с братскими социалистическими странами и в связи с 70-летием Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу были вручены высшие награды Народной Республики Болгарии, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Республики Куба, Польской Народной Республики, Венгерской Народной Республики.

Проблемы развития социалистического содружества и его роли в мировом революционном процессе вызывают большой интерес у широких кругов общественности. Задача ученых — глубоко и всесторонне исследовать эти проблемы.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

КЛЕМЕНТ ГОТВАЛЬД И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА

В ноябре 1976 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Клемента Готвальда — выдающегося деятеля чехословацкого и международного коммунистического и рабочего движения.

Почти четверть века К. Готвальд руководил деятельностью чехословацких коммунистов, находясь на посту генерального секретаря, а затем председателя КПЧ. Последние восемь лет своей жизни он являлся одновременно председателем правительства, а затем президентом Чехословацкой республики. Это был период острых классовых битв пролетариата с буржуазией, напряженной борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом в рабочем движении страны, героического антифашистского национально-освободительного движения, национально-демократической революции и начала строительства социализма. К. Готвальд активно участвовал в работе руководящих органов Коминтерна, в решении важных вопросов международного коммунистического и рабочего движения.

Чехословацкие коммунисты, возглавленные К. Готвальдом, опираясь на поддержку Коминтерна, нанесли решающее поражение оппортунистам-ликвидаторам; боролись за осуществление идеалов пролетариата и всех трудящихся. В результате этого укрепился авторитет партии, углубились ее связи с массами, возросла ее роль как боевого руководителя рабочего класса в его борьбе за освобождение трудящихся от всякого угнетения и эксплуатации.

КПЧ закалилась в классовых боях с буржуазией, смогла выдержать тяжчайшие удары, обрушившиеся на нее в годы гитлеровской оккупации, и, находясь в глубоком подполье, успешно боролась против оккупантов. Она обобщила опыт борьбы народа за национальное и социальное освобождение и выработала новую генеральную линию, стратегию и тактику освободительного движения трудящихся масс в условиях оккупации страны фашистской Германией.

Велики заслуги К. Готвальда в разработке программы освободительного движения и в успешном ее осуществлении. В его статьях, выступлениях по радио, в секретных депешах и директивах были определены основные программные положения антифашистского движения и меры борьбы за новую, народно-демократическую республику.

Изучив уроки национально-демократической революции 1918—1920 гг., проходившей при гегемонии чешской буржуазии, и, руководствуясь решениями Коминтерна о народном фронте, К. Готвальд пришел к выводу, что в новых условиях пролетариат страны, опираясь на Советский Союз, может в ходе решительной борьбы с оккупантами повести за собой все патриотические силы нации и добиться перерастания освободительного

движения в национально-демократическую революцию. Уже в 1939 г. он писал: «К Чехословакии в еще большей степени, чем ко всем другим малым народам, относится то положение, что не только классовые интересы рабочего класса, но и национальные интересы всего народа неразрывно связаны с Советским Союзом. Поэтому это справедливое дело победит во что бы то ни стало»¹. Руководствуясь этими принципами, КПЧ добивалась всемерного развития национально-освободительного движения и обеспечения ведущей роли рабочего класса в сплотившемся союзе патриотических сил.

В чехословацком движении Сопротивления существовало и другое — буржуазное течение, возглавлявшееся Э. Бенешем. Его цель заключалась в том, чтобы восстановить доиюнкхенское буржуазное государство. Антифашистски настроенные буржуазные круги создали правительство и другие органы власти и обладали определенным влиянием в стране и авторитетом на международной арене.

В условиях фашистской оккупации, угрожавшей самому существованию народа, КПЧ осуществила идею единства всех антифашистских патриотических сил; идя на соглашение в определенных вопросах с буржуазными и мелкобуржуазными кругами, она последовательно боролась за демократическое и революционное преобразование общества. Партия раскрывала перед народом непоследовательность оппозиционной буржуазии в борьбе с оккупантами и предательство той части буржуазии, которая сотрудничала с гитлеровцами.

Политическая концепция партии, предусматривающая объединение всех сил народа для борьбы с оккупантами и революционные преобразования после освобождения страны, опираясь на широкий демократический фронт, явилась творческим применением ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию к конкретным условиям Чехословакии.

Эта стратегическая концепция успешно реализовалась. В ходе Словацкого национального восстания, в подготовке и проведении которого К. Готвальд сыграл большую роль, органы власти, созданные на основе соглашения подпольного ЦК КПС во главе с К. Шмидке и Г. Гусаком с антифашистскими группами словацкой буржуазии, смогли осуществить такие революционно-демократические преобразования, как введение контроля на предприятиях, установление демократических прав и свобод, а затем проведение аграрной реформы и других важных мероприятий. Вместе с тем Словацкий национальный совет как орган власти восставшего народа отверг притязания чехословацкого эмигрантского буржуазного правительства установить на освобожденной территории свою власть.

Словацкое национальное восстание, ставшее началом национально-демократической революции в стране, подтвердило возможность и целесообразность создания Национального фронта с участием антифашистски настроенной буржуазии для привлечения на сторону народной власти социальных слоев, находившихся еще под влиянием буржуазии.

Антифашистская революционная борьба в Словакии имела большое значение для дальнейших судеб страны, для формирования народно-демократического правительства Национального фронта чехов и словаков в связи с начавшимся освобождением страны Советской Армией.

К. Готвальд разработал в основном Кошицкую программу правительства Национального фронта чехов и словаков и активно участвовал в создании самого фронта. В Кошицкой программе предусматривался переход власти в руки народа в лице создаваемых им в ходе освободитель-

¹ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. IX. Praha, 1954, s. 34.

ного движения новых революционных органов власти — Национальных комитетов. В ней прокламировалось введение государственного управления на предприятиях, принадлежавших немцам и врагам республики, что означало существенное ограничение капиталистической собственности. Вместе с тем предусматривалось и последующее установление государственного контроля над экономикой и финансами. Правительство, говорилось в программе, «будет стремиться поставить всю денежную и кредитную систему, важнейшие промышленные предприятия, систему страхования, народные и энергетические ресурсы под государственное руководство и управление...»².

В программе в качестве первоочередного мероприятия намечались проведение конфискации земель и имущества немецких и венгерских землевладельцев, чешских и словацких помещиков, сотрудничавших с оккупантами, и передача этой земли и имущества беднейшим и средним крестьянам. Ставились задачи создания народной армии, предоставления широких демократических свобод трудящимся, ликвидации национального гнета в стране и обеспечения словацкому народу права на самостоятельное развитие, запрещения деятельности фашистских и других реакционных партий, устранения враждебных элементов из всех государственных учреждений и общественных организаций. Основным принципом чехословацкой внешней политики провозглашался союз и дружба с Советским Союзом, сотрудничество с ним в военной, политической, экономической и культурной областях³.

Таким образом, в программе правительства Национального фронта определились мероприятия, осуществляемые на этапе национально-демократической революции, «так, — говорил К. Готвальд в апреле 1945 г., — чтобы в дальнейшем в ходе этой революции мы могли открыть путь к новым целям, идя к ним насколько можно более широким Национальным фронтом и во главе наций»⁴.

На основе Кошицкой программы было сформировано правительство Национального фронта, в которое вошли восемь коммунистов, в том числе и К. Готвальд в качестве заместителя председателя правительства.

Кошицкая программа стала знаменем, под которым КПЧ повела народные массы на борьбу за революционное преобразование общества. С созданием правительства Национального фронта начался новый этап классовой борьбы рабочего класса и крестьянства против буржуазии. Теперь рабочий класс, заняв ведущее положение в обществе и имея своих представителей в органах власти, мог осуществить революционные меры и сверху при поддержке трудящихся масс снизу.

Рабочему классу необходимо было не только сломить яростное сопротивление буржуазии и овладеть экономикой, но и научиться управлять народным хозяйством, восстановить разрушенное войной и оккупацией хозяйство. Победа над буржуазией не могла быть достигнута без укрепления союза с крестьянством, связей с интеллигенцией и мелкобуржуазными слоями населения. Партия сумела успешно решить все эти задачи.

В октябре 1945 г. была проведена национализация ключевых отраслей промышленности и банков. Эта мера в условиях народно-демократического строя явилась важнейшим залогом движения страны к социализму.

На VIII съезде КПЧ в марте 1946 г. К. Готвальд четко сформулировал цели коммунистов в последующем развитии общества: «Мы стоим перед нацией, как партия честного труда, партия чистой совести и чистых рук.

² «Program Narodni fronty Cechů a Slováků», Praha, 1945, s. 9.

³ Ibid.

⁴ К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения. М., 1956, стр. 79.

Конечная цель всех наших усилий, всей жизни всех нас коммунистов — это осуществление великих и святых идеалов коммунизма. Мы на правильном пути. Перед нами еще много препятствий. Но мы, составляющие с народом одну душу и тело, мы вместе с народом преодолеем все препятствия»⁵.

Действительность полностью подтвердила справедливость этого прогноза. В мае 1946 г. на выборах в Законодательное Национальное собрание КПЧ вышла на первое место среди других партий страны. В результате было сформировано новое народно-демократическое правительство во главе с К. Готвальдом. Новая программа революционных преобразований и восстановления экономики страны на основе двухлетнего плана была названа Созидательной программой правительства Готвальда.

После осуществления национализации основных отраслей промышленности, банков и страховых обществ и проведения первого этапа земельной реформы на повестку дня был поставлен вопрос о новом ограничении помещичьего землевладения. КПЧ выдвинула предложение о ревизии проведения закона 1919 г. о земельной реформе, в обход которого при буржуазном строе значительное количество земли было оставлено крупным землевладельцам. Были определены и другие меры в интересах крестьянства. Однако эти предложения натолкнулись на яростное сопротивление защитников крупного землевладения, находившихся в Национальном собрании. КПЧ организовывала многочисленные собрания крестьян, на которых обсуждались предлагаемые меры. Делегации крестьян в Национальном собрании и других учреждениях протестовали против саботирования этих мер реакцией.

Так, партия подняла широкие массы крестьянства на борьбу за их насущные интересы, укрепила союз рабочих и крестьян. Крестьянство в своей основной массе активно включилось в революционный процесс и помогло рабочему классу одержать окончательную победу над буржуазией.

Как подлинный интернационалист, К. Готвальд видел залог успешного развития революционного процесса в своей стране в союзе и дружбе с Советским Союзом. В связи с 30-летием Великой Октябрьской социалистической революции он указывал: «Благодаря существованию Советского Союза, благодаря кровавым жертвам, которые принес его народ во время Октябрьской революции, мы можем сегодня идти к социализму мирным путем. Благодаря тому, что мы опираемся на Советский Союз и его могучую социалистическую экономику, мы могли приступить к национализации нашей промышленности, плановому ведению экономики и не должны продавать зарубежным монополиям тело и душу»⁶.

Летом 1947 г., когда страну постигла катастрофическая засуха, К. Готвальд предложил обратиться за помощью к Советскому Союзу, а не на Запад, как рекомендовали некоторые буржуазные деятели, и СССР оказал помощь братской Чехословакии.

И в те дни, когда реакция подняла голову и начала распространять антисоветские вымыслы, подрывать чехословацко-советскую дружбу, К. Готвальд со всей решительностью заявил: «Заключительный вывод из нашего довоенного, военного и послевоенного опыта может быть только один: сила и непобедимость Советского Союза есть и наша сила и непобедимость, наше самое тесное сотрудничество и союз с ним являются гарантией нашей свободы и независимости нашего движения вперед, нашего спокой-

⁵ Там же, т. II, стр. 140.

⁶ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. XIV. Praha, 1958, s. 165.

ствия и счастья. Поэтому верно вместе с Советским Союзом, всегда, везде и в каждый момент»⁷.

Развитие революционного процесса в Чехословакии со всей убедительностью показало, что буржуазия будет яростно сопротивляться, когда дело дойдет до полной ликвидации капиталистического способа производства. В феврале 1948 г. революционная бдительность К. Готвальда, его деятельность как талантливого организатора и руководителя классовых боев, его умение анализировать положение во многом способствовали успешному решению кардинального вопроса о власти в стране в пользу рабочего класса.

Грандиозные митинги протеста против действий министров-реакционеров, проходившие при участии К. Готвальда, съезды профсоюзов и крестьянских комиссий, Союза чехословацко-советской дружбы, комитеты действия, созданные на предприятиях, в общественных организациях и учреждениях, сформированная рабочим классом милиция — верный страж его завоеваний — вот формы классовой борьбы, которые избрала партия в февральские дни. Они оказались весьма эффективными и в конечном счете обеспечили победу трудящихся над буржуазией.

Выработанная руководством КПЧ при активнейшем участии К. Готвальда стратегия перехода страны от капитализма к социализму мирным путем была с большим успехом осуществлена в Чехословакии в 1945—1948 гг. Опыт КПЧ, претворившей в жизнь эту стратегическую концепцию классовой борьбы в промышленно развитой стране, имеет большое международное значение.

Под руководством К. Готвальда партия разработала программу строительства социализма в своей стране. Она была определена в Отчетном докладе ЦК КПЧ IX съезду партии, с которым выступил К. Готвальд. В докладе была обоснована необходимость комплексного глобального развертывания строительства материально-технической базы социализма как в городе, так и в деревне.

«Без перехода деревни к социализму у нас социализма не будет», — заявил К. Готвальд в докладе⁸. Народные массы, в творческую силу, инициативу которых всегда глубоко верил К. Готвальд, с энтузиазмом включились в строительство нового общества.

В годы первой пятилетки в условиях экономической блокады и других враждебных актов со стороны империалистических государств, при всесторонней помощи СССР были достигнуты большие успехи в хозяйственном, политическом и культурном развитии страны, в строительстве основ социализма. При этом ярко проявились личные качества К. Готвальда как выдающегося организатора хозяйственного и культурного строительства, его понимание всей важности использования советского опыта. Поистине историческое значение для страны имело социалистическое преобразование деревни, начатое по инициативе К. Готвальда. И если теперь Чехословацкая Социалистическая Республика являет всему миру великолепный пример внутренне сплоченного, основанного на полном равноправии населяющих страну наций и интенсивно развивающегося социалистического общества, то это еще одно прекрасное свидетельство торжества ленинских идей, за осуществление которых боролся великий сын чехословацкого рабочего класса К. Готвальд.

Незадолго до своей безвременной смерти в январе 1953 г. в речи на торжественном открытии Музея В. И. Ленина в Праге К. Готвальд говорил: «Лишь потому мы можем успешно строить социализм, что идем путем

⁷ Ibid., s. 165—166.

⁸ K. G o t t w a l d. 1949—1950. Praha, 1951, s. 73.

Ленина и что для нас надежной защитой является могучая страна Ленина — Советский Союз. Только на этом пути мы можем одерживать новые победы, сделать наше отечество богатым и счастливым и сохранить мир для наших домов. Это обязывает нас всегда и при всех обстоятельствах оставаться верными ленинскому знамени»⁹.

История полностью подтвердила правоту слов К. Готвальда. Попытка оппортунистических антисоциалистических элементов навязать стране свой курс ввергла партию и страну в глубокий политический кризис, поставила под угрозу великие завоевания рабочего класса и всех трудящихся.

Опираясь на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран, чехословацкие коммунисты, следуя заветам великого интернационалиста К. Готвальда, разгромили враждебные силы и восстановили ленинские принципы в деятельности партии и в руководстве социалистическим государством.

XV съезд КПЧ разработал научно обоснованную программу строительства развитого социалистического общества. В решениях этого съезда, как и предшествующего XIV съезда партии, нашли свое воплощение идеи К. Готвальда. Оценивая историческое значение деятельности К. Готвальда для народов Чехословакии, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак говорил на XIV съезде КПЧ: «В наших сердцах будет вечно жить память о Клементе Готвальде, который в течение четверти века стоял во главе нашей партии и своей деятельностью внес существенный вклад в ее большевистское формирование, в развитие национально-демократической революции и в февральскую победу трудового народа. Под его руководством партия заложила прочные основы союза между Чехословакией и СССР, разработала генеральную линию строительства социализма в нашей стране»¹⁰.

Жизнь и труд К. Готвальда, его идеи и долготелетняя деятельность в качестве вождя чехословацких коммунистов, выдающегося политического и государственного деятеля были и остаются для трудящихся масс страны примером и источником вдохновения в деле служения своему народу, революционному делу созидания нового социалистического общества.

«Коммунистическая партия Чехословакии под руководством Клемент Готвальда заложила прочные основы социализма в нашей стране, — подчеркивал член Президиума, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк. — На этих основах мы сегодня успешно строим развитое социалистическое общество. Мы достигли этого благодаря тому, что учились у Клемент Готвальда трудолюбию, скромности и революционной дисциплине; учились не отступать перед трудностями, вовремя решать проблемы и преодолевать препятствия; учились принципиальности, умению не переоценивать успехи, не проявлять беспечности, избегать субъективизма и формализма в работе.

С гордостью мы обращаемся к заветам Клемент Готвальда как к неисчерпаемому источнику опыта и вдохновения при решении сложных задач, стоящих перед нами сегодня. Его жизнь являет пример жизни революционера-ленинца. Верность его заветам означает для нас верность принципам марксизма-ленинизма, означает уверенность и революционный оптимизм, глубокую убежденность в том, что путь, которым мы идем, путь, который в течение почти четверти века, находясь во главе Компартии Чехословакии, определял Клемент Готвальд, является путем правильным.

⁹ К. Готвальд. Там же, т. II, стр. 465—466.

¹⁰ Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1973, стр. 429—430.

Осуществление заветов Клемент Готвальда сегодня — это успешное выполнение решений XV съезда КПЧ, это умножение политической, экономической и оборонной мощи нашего социалистического государства, укрепление авторитета Коммунистической партии Чехословакии в международном коммунистическом и рабочем движении; это стремление крепить единство стран социалистического содружества, углублять нашу дружбу и союз с СССР, поддерживать рост и единство демократических и миролюбивых сил планеты»¹¹.

У советских людей имя К. Готвальда навсегда запечатлено в памяти как пример вдохновенного патриота, интернационалиста-ленинца, последовательного революционера, неустанного борца за укрепление советско-чехословацкой дружбы, за нерушимое братство народов социалистических стран.

¹¹ «Правда», 1976, 23 ноября.

Т. М. ИСЛАМОВ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ

С момента своего возникновения международное социалистическое движение развивалось под лозунгом солидарности трудящихся всех стран в борьбе против социального и национального гнета. Будучи имманентным свойством и неотъемлемой чертой озаренного марксистским учением революционного движения, идея интернациональной солидарности была порождена не субъективной волей его идеологов, а условиями бытия рабочего класса, его социальными и политическими устремлениями и идеалами. Космополитизму международного капитала он должен был противопоставить интернационализм труда. От эффективности распространения и осуществления на практике идей и принципов пролетарского интернационализма зависел в конечном счете также и исход гигантской, всемирного масштаба борьбы между силами реакции и прогресса, авангардом которого выступал самый передовой и организованный класс общества — пролетариат.

В превращении стихийной солидарности рабочих различных стран в сознательно применяемый принцип пролетарского интернационализма огромную роль сыграла деятельность Международного товарищества рабочих в 60-х — начале 70-х годов XIX в. Его идейные вожди К. Маркс и Ф. Энгельс неустанно подчеркивали необходимость гармонического сочетания интернациональных и национальных задач и целей международного социалистического движения. Уже тогда последовательный интернационализм, малейшее отступление от которого, как справедливо предупреждали Маркс и Энгельс, было чревато опаснейшими последствиями, стал одним из критериев политической зрелости рабочего движения каждой страны. Наиболее полное воплощение действительность идей пролетарской солидарности в прошлом веке нашла в Парижской Коммуне, явившей миру первый в истории образец высшего синтеза революционного патриотизма с пролетарским интернационализмом. Бросив вызов узкокорыстному национализму буржуазных национальных движений, Коммуна, одним фактом своего существования обнажив всю их ограниченность, воочию показала, что претензии национальной буржуазии на руководство национальными движениями в качестве якобы единственной представительницы интересов нации — уже вчерашний день истории. Решение национального вопроса отныне становилось делом интернационально организованного и классово сознательного пролетариата. Важным завоеванием рабочего движения явилось официальное признание массовыми социалистическими партиями, основанными в последние десяти-

летия прошлого века и объединенными II Интернационалом, принципов пролетарского интернационализма, а также принятие Лондонским конгрессом резолюции по национальному вопросу.

Действительное усвоение международной армией труда этих принципов политической борьбы было длительным процессом, протекавшим в острейшей конфронтации с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, которой присуще постоянное стремление внести в сознание трудящихся идеи шовинизма и национализма или космополитизма и национального нигилизма.

Особенно упорно и целеустремленно бороться против буржуазного национализма во всех его разновидностях необходимо было социалистам, действовавшим в условиях многонациональных государств. Труднейшую задачу разработки социалистической программы решения национального вопроса вообще и славянского в частности пришлось решать в первую очередь рабочим партиям двух многонациональных империй Европы — Российской и Австро-Венгерской.

На рубеже двух веков эти государства относились к тому типу стран, где общественный прогресс сдерживался не устраненными еще остатками средневековья, одним из которых являлось подавление национальностей¹. Во всей Восточной Европе либо еще начинались (Россия, Балканы), либо еще не закончились (Австро-Венгрия) буржуазно-демократические преобразования, спутниками которых были национальные движения². Тенденцией таких движений, как показывал опыт истории, являлось создание самостоятельных национальных государств или государств с близким и родственным национальным составом.

Вместе с тем новая эпоха — эпоха империализма существенно изменила и условия, в которых развивались эти движения, и сам их характер. Она помимо всего прочего характеризовалась расширением и обострением национального гнета. В новых условиях национальный вопрос превращался в вопрос национально-колониальный, существенно изменялось и его социальное содержание по сравнению с предшествующей эпохой. Социальная суть его теперь заключалась в эксплуатации международным финансовым капиталом трудящихся неполноправных и угнетенных народов. Национально-освободительные движения превращались в потенциального союзника пролетариата в борьбе против империалистической буржуазии. Именно поэтому национально-колониальный вопрос приобретал особую злободневность, от его правильного решения революционными партиями теперь во многом зависела судьба всего человечества.

Нет необходимости подробно останавливаться на характеристике того конгломерата экономических, социальных, политических и культурных условий, сложного взаимопереплетения межгосударственных и внутригосударственных, национальных и религиозных отношений, которые являла собой Восточная Европа на рубеже XX столетия.

Эта картина величайшего разнообразия условий и форм общественной жизни многократно усложнилась из-за возросшей неравномерности развития, свойственной эпохе империализма. Однако при всем этом необходимо иметь в виду то общее, что характеризовало развитие исторического процесса в этом районе мира. Следует прежде всего констатировать, что рост монополистических тенденций здесь происходил на базе сравнительно низкого уровня развития производительных сил, что было следствием предшествующего исторического развития. Далее, в России и Австро-Венгрии, этих многонациональных государствах востока Евро-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314.

пы, новая эпоха усилила тенденции к внутренней реакции со стороны господствующих классов и привилегированных наций. Правительственная политика, выражавшая эту тенденцию в обоих государствах, была направлена против большинства их народов, большинства их населения. В то же время обострилась и усилилась освободительная борьба угнетенных классов и неполноправных народов, борьба, объективно приобретающая в этих условиях антиимпериалистический характер. При этом наступление эпохи империализма в рассматриваемом регионе характеризовалось, с одной стороны, пробуждением самостоятельных демократических, в том числе и национальных, движений, а с другой — становлением самостоятельного движения пролетариата³.

Естественно, что и в Австро-Венгрии и в России ощущалась острая необходимость в определении позиции рабочего движения в национальном вопросе, в выработке программы его разрешения. Именно поэтому и австрийские и российские социал-демократы в течение длительного времени усиленно исследовали национальную проблематику, экономические, политические, культурно-психологические причины межнациональных противоречий, разрабатывали стратегию и тактику рабочего класса по отношению к национально-освободительным движениям. Сравнительный анализ того, с каким идейно-теоретическим багажом пришли они к тому моменту, когда мировая война, обострив и углубив экономические, социально-политические и национальные противоречия, являвшиеся объективной основой сложившейся в их странах революционной ситуации, положила начало общему кризису капитализма как системы, представляет, на наш взгляд, бесспорный и далеко не чисто академический интерес.

Пробным камнем подлинности интернационализма социалистических партий обеих господствующих наций двухцентровой империи Габсбургов явилось их отношение к национальным проблемам славянских народов Австрии и Венгрии. И не только из-за значительного численного преобладания славянского элемента в этнонациональной структуре каждой из них, а прежде всего потому, что в условиях резко обострившихся с наступлением эпохи империализма межнациональных конфликтов в рамках монархии, а также ее отношений с соседними славянскими странами, славянский вопрос становился вопросом самого существования империи. Понимание этого обстоятельства и осознание необходимости, жизненной важности сплоченного выступления всех национальных отрядов пролетариата в борьбе за осуществление тех целей, которые ставили перед собой социалистические партии империи, побуждало их уделить больше внимания национальному вопросу в целом и славянскому, в особенности. Уже на заре своего зарождения, в одном из первых программных документов, принятом в августе 1868 г., австрийская социал-демократия в общей форме высказалась за самоопределение народов⁴. Спустя 6 лет, в 1874 г., в Нойдёрфле (Лайтасентмиклош, Венгрия) партия, сделав шаг вперед, официально включила в свою программу принцип права на самоопределение народов монархии, подчеркнув при этом, что братское сотрудничество национальных отрядов рабочего класса с равными правами и равными обязанностями есть «единственная гарантия успеха»⁵. Так принцип права свободного самоопределения наций и политического единства пролетариев без различия национальной принадлежности стал программным. Лондонский международный конгресс II Интернационала

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 298.

⁴ L. Br ü g e l. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, Bd. I. Wien, 1923, S. 141.

⁵ H. Steiner. Die Arbeiterbewegung Österreichs. 1867—1889. Wien, 1964, S. 95—100.

1896 г. зафиксировал в своем решении эту двустороннюю задачу пролетарской классовой политики в национальном вопросе. В дальнейшем, однако, право наций на самоопределение прямо не выставлялось и не записывалось в программах общеавстрийской социал-демократии, хотя она и мирилась с тем, что его выдвигали ее отдельные национальные части, и таким образом, по мнению В. И. Ленина, фактически признавала право наций на самоопределение⁶. Вместе с тем в 1899 г. на съезде в Брно австрийская социал-демократия первой, и в этом ее неоспоримая заслуга, приняла специальную резолюцию (программу) по национальному вопросу. И хотя ее текст не без умысла был сформулирован недостаточно четко и конкретно, ибо она явилась результатом компромисса различных точек зрения на пути решения национального вопроса, необходимо подчеркнуть, что сам факт принятия национальной программы на съезде крупной и влиятельной социал-демократической партии Европы имел в свое время не только общеавстрийское, но и большое международное значение. Этот факт прежде всего означал, что отвергается довольно широко распространенная среди социал-демократов, и не только в Австро-Венгрии, точка зрения на автоматическое решение национального вопроса при социализме, взгляд на национальную проблематику как якобы на «пе пролетарское» дело, а следовательно признавалось неверным и игнорирование рабочим движением межнациональных отношений. Брненская программа предусматривала, во-первых, что Австрия должна быть преобразована в демократическое союзное государство национальностей, что вместо исторических коронных земель будут образованы национально разграниченные самоуправляющиеся единицы и наконец, что все самоуправляющиеся территории одной и той же нации, разбросанной по разным провинциям, образуют вместе единый национальный союз, который совершенно автономно решает свои национальные дела⁷.

Смысл указанных положений заключался, как нам представляется, в попытке примирить и соединить два противоположных начала — национально-освободительные устремления угнетенных народов Цислейтании, в том числе и в первую очередь, разумеется, славянских, в основе которых лежала пусть не всегда отчетливо выраженная тенденция к образованию национальных государств, с довольно четко обозначившимся стремлением ряда социал-демократических лидеров к сохранению многонациональной монархии, преобразованной не в федерацию, а в централизованное союзное государство.

Авторы программы отказались от выдвижения естественного для социалистов лозунга республики. За это, а также за чрезмерное почтение к особе монарха австрийская социал-демократия неоднократно подвергалась суровой и справедливой критике со стороны видных лидеров II Интернационала⁸.

Главным недостатком брненской программы было отсутствие в ней в какой бы то ни было форме требования права наций на самоопределение вплоть до отделения. Объяснялось это кроме всего прочего и непониманием того, что последовательное отстаивание социалистами господствующих наций принципа самоопределения вовсе не означает неременного и обязательного при всех условиях выхода той или иной нации из состава многонационального государства и его раздробления. Наоборот, забота лидеров австрийской социал-демократии о сохранении монархии

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 272.

⁷ L. B r ü g e l. Ibid., Bd. IV, S. 339.

⁸ См., в частности, переписку В. Адлера с А. Бебелем и К. Каутским: «Victor Adlers Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky». Wien, 1954.

любой ценой, вызывая обоснованные сомнения в их действительных намерениях, лишь подстегивала центробежные устремления славян и других национальностей монархии.

Брненская программа, первая в истории международного рабочего движения специальная программа решения сложнейших национальных проблем, актуальных для многих стран, привлекает и сегодня внимание исследователей. И в наши дни историки толкуют ее по-разному, подчеркивая в одних случаях ее культурно-национальные аспекты, в других — выдвигая на первый план территориальную автономию, в-третьих — с большими оговорками признают лишь «некоторые элементы» последней и т. д. Мы уже не говорим об огульном отрицании и игнорировании ее позитивной роли вообще или ее замалчивании, считая это пройденным для исторической науки этапом. Ленинский анализ содержания этой программы дает все основания утверждать, что официальное провозглашение партией принципа территориальной автономии явилось существенным достижением международного социалистического движения, шагом вперед в разработке марксистской национальной политики в эпоху империализма. Однако этот документ, по сути дела, остался клочком бумаги, который оппортунисты поспешили тут же и надолго положить под сукно⁹. Хотя брненская программа 1899 г. формально оставалась в силе почти до последних дней существования Австро-Венгрии, на практике она стала прикрытием другой, фактически мелкобуржуазной, националистической концепции в национальном вопросе, концепции, выраженной в программе так называемой культурно-национальной автономии¹⁰. Теоретиками и пропагандистами в рабочем движении монархии Габсбургов одного варианта этой концепции (так называемого чисто национально-культурного, экстерриториального) явился югославянский социал-демократ Э. Кристан, а другого (так называемого смешанного территориально-национально-культурного) — были австро-немецкие социал-демократы К. Реннер и О. Бауэр. Возникшая в национально пестрой Австро-Венгрии, она получила широкое хождение прежде всего в австрийской, а отчасти и в российской социал-демократии. По сути дела, именно с ней, в силу того, что правое, оппортунистическо-националистическое крыло партии накануне мировой войны возобладало во всех областях практической деятельности, вступила австрийская социал-демократия в период острых социальных и национальных катаклизмов 1914—1918 гг.

Нараставшие националистические, не будет ошибкой сказать антиславянские, тенденции в идеологии, политике и практической работе австро-немецкой социал-демократии с особой выразительностью проявились в теоретической деятельности К. Реннера. «Австрийские немцы, — писал он уже в 1902 г., — некогда были господствующим племенем в Австрии, господству пришел конец, но руководящим народом они будут всегда». Уже тогда Реннер мыслил категориями империалистическими, а не социалистическими, интернационалистскими. Он настаивал на быстрейшем решении национального вопроса сначала в самой Австрии, затем в монархии путем ликвидации дуализма. По его мнению такая Австрия должна была стать центром притяжения для немцев на всем пространстве Юго-Восточной Европы с тем, чтобы она могла занять выгодные позиции в грядущей борьбе за передел мира¹¹.

⁹ Подробнее см.: В. М. Турок. В. И. Ленин и брненская программа (1899 г.) по национальному вопросу. «Народы Азии и Африки», 1970, № 6.

¹⁰ И. В. Чуркина. К вопросу о культурно-национальной автономии. «Советское славяноведение», 1975, № 4.

¹¹ R. Springer. Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat. Wien, 1902, S. 5, 170.

Ему вторил редактор центрального партийного органа «Арбайтер-Цайтунг» Фр. Аустерлиц, призывавший к устранению национальных разногласий и преодолению центробежных сил во имя «ускорения развития государства»¹². Позднее он не постеснялся объявить 4 августа 1914 г. — день великого «грехопадения» германской социал-демократии — «днем немецкой нации»; ратовал за войну «до последней капли крови» во имя «священного дела немецкого народа»¹³.

Но еще до того, как вспыхнувший всемирный пожар позволил правоопортунистическим лидерам австрийской социал-демократии сбросить маску и называть вещи своими именами, стало ясно, что главным мотивом выдвигавшихся ими проектов урегулирования национального вопроса вообще и славянского в частности являлось стремление предотвратить надвигавшийся распад империи Габсбургов. Когда первая Балканская война со всей очевидностью поставила на повестку дня также и вопрос о национальном освобождении югославян Австрии и Венгрии, Аустерлиц на партийном съезде от имени австрийской социал-демократии заявил, что она желает превратить монархию в «союз свободных и независимых народов», фактически игнорируя тем самым стремление сербов и хорватов к созданию национальной государственности¹⁴. С той же целью — затормозить освободительные движения югославян монархии — другой австрийский социал-демократический лидер К. Лейтнер на съезде 1913 г., взывая к благоразумию правителей империи, предлагал дать автономию аннексированным провинциям Боснии и Герцеговине, восстановить конституционный режим в Хорватии и тем самым сделать «гравитационным центром югославян вместо Белграда Аграм»¹⁵.

Даже О.Бауэр, пожалуй, лучший из других в австрийской социал-демократии понимавший смысл происходивших событий, не отказывался от мысли о возможности спасения монархии путем реформ. Балканы, Восточная Европа, Россия, писал он в мае 1913 г., переживают буржуазную революцию, которая означает «выдвижение знамени национальной идеи, национализма». Признавая, что существование Австрии подрывается национальными устремлениями, причем не только южных славян и югославян, он подчеркивал, в частности, что распад Турции несомненно окажет влияние на судьбу империи Габсбургов, которая, по его мнению, будет зависеть от того, с какой решительностью будут проведены «необходимые реформы». «Монархия должна преобразоваться или пасть!»¹⁶. С этими рассуждениями О. Бауэра перекликаются высказывания венгерского центриста Ж.Кунфи, который на партийном съезде 1913 г. говорил, что введение демократической конституции и самоуправления национальностей настоятельно необходимо хотя бы потому, что в противном случае «гравитационным центром югославян неизбежно будет Сербия — балканский Пьемонт»¹⁷. И в ряде статей, опубликованных в 1913—1914 гг.,

¹² Fr. Austerlitz. Staat und österreichische Sozialdemokratie. «Der Kampf», Bd. IV. Wien, 1911, S. 436—437.

¹³ «Arbeiter-Zeitung», 5 VIII 1914.

¹⁴ Ibid., 2 XI 1912. Венгерский историк усматривает в подобном заявлении «националистическое одобрение австрийской геремонии». См. J e m n i t z J. A háború veszélye és a II. Internationale 1911—1914. Budapest, 1966, 201.1.

¹⁵ J e m n i t z J. Ibid., 289. 1.; «Protokoll der Verhandlungen des Parteitag des Deutschen Sozialdemokratischen Arbeiter partei in Österreich». Wien, 1913, S. 82.

¹⁶ O. Bauer. Nach dem Balkankrieg. «Der Kampf», Bd. I, 1913, S. 481. Бауэр, однако, решительно не желал распада Австрии, который, по его мнению, явился бы «предпосылкой победы империализма (!) в Германии, России и Италии и привел бы к поражению рабочего класса в этих странах». O. Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907, S. 506.

¹⁷ «A Magyarországi szocialisztikus munkásmozgalmak az 1913. évben». Budapest, 1914, 376—380. 1. Впрочем, идея образования в противовес «сербскому Пьемонту» в сос-

Кунфи, делая непривычное для венгерского социалиста признание в том, что национальный вопрос стал «чрезвычайно острым» и для Венгрии, а не только для Цислейтании, настаивал на срочном предоставлении национальностям демократических прав и национальной автономии, если только «монархия хочет сохраниться и в дальнейшем»¹⁸.

В обширной исторической литературе, посвященной проблемам австро-венгерской монархии, довольно часто, естественно, встречается тезис о том, что осью политической жизни империи, особенно в дуалистическую эпоху, являлась национальная борьба. Сосредотачивая внимание на национальном вопросе, действительно чрезвычайно важным для Австро-Венгрии в целом и для двух ее составных частей в отдельности, авторы иных исторических сочинений отрывают этот вопрос от его социально-экономических и классовых корней, придавая ему самостоятельный характер и самодовлеющее значение, и затушевывают тем самым, вольно или невольно, главное противоречие, свойственное любому капиталистическому обществу, в том числе и австро-венгерскому, — антагонизм между трудом и капиталом¹⁹.

Вследствие такого подхода возникает методологический тупик, из которого эти исследователи пытаются выйти посредством ссылок на социально-экономические факторы, оказывающие воздействие на характер, направление, интенсивность, а также и на идеологию того или иного национального движения. Но подлинно научное объяснение роли и места национального вопроса в сложной системе взаимосвязей общественных явлений возможно лишь в том случае, если он будет рассматриваться лишь как их часть, и не определяющая, а подчиненная общей задаче завершения буржуазных и буржуазно-демократических революций. В таком контексте следует, очевидно, подходить и к изучению национальных проблем монархии в целом и каждой из двух ее частей в отдельности.

Помимо существовавших между Австрией и Венгрией серьезных противоречий, с конца XIX в. подрывавших основы весьма непростого сооружения, называвшегося дуализмом, каждое из этих двух государств имело «собственный» национальный вопрос со своими особенностями. Дуалистической системе, основанной на гегемонии господствующих в Цислейтании и Транслейтании наций — австро-немецкой и мадьярской, угрожало освободительное движение славянских народов. Но подобно тому, как экономические, социальные, политические и культурные условия существования и развития угнетенных национальностей австрийской и венгерской частей империи не были абсолютно идентичны, точно так же различной была и степень остроты раздиравших их национальных

таве монархий блока югославянских земель во главе с Хорватией, способного успешно соперничать с независимой Сербией и стать центром притяжения для югославян не только в монархии, но и находившихся по ту сторону ее границ, отнюдь не являлась оригинальной. Различные ее варианты особенно интенсивно дискутировались в правящих кругах монархии после назначения министром иностранных дел А. Л. Эренталя. Подробнее см.: Т. М. Исламов. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Österreich und Ungarn am Anfang des 20. Jahrhunderts. In: «Österreich und Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965; Исламов Т. М. Az 1907. évi Kiegyezésmegkötése. In: «Századok». Budapest, 1967, № 1—2.

¹⁸ K ö v e s R., E r é n y i T. Kunfi Zsigmond életútja. Budapest, 1974, 63—64l.

¹⁹ Показательно в этом отношении новейшее двухтомное исследование группы австрийских историков во главе с проф. Р. Плашкой, посвященное событиям 1918 г. Хотя оно и носит многозначительное название «Внутренний фронт», тем не менее, подводя итоги основанной на большом архивном материале работы, авторы приходят к выводу, что не «национально-революционное развитие» страны и не «внутренний фронт» предопределили в конечном счете крушение Дунайской империи, а «победа Антанты» и ее «декларации, вызвавшие демонстрации в столицах (обеих ее частей. — Авт.) и парализовавшие силу ее сопротивления». R. G. P l a s c h k a, H. N a s e l s t e i n e r, A. S u p r a n. Innere Front. Zweiter Band. Wien, 1974, S. 334.

противоречий. Различия в положении угнетенных народов в Австрии и Венгрии, безусловно, должны были найти отражение как в характере, так и в формах проявления межнациональных конфликтов. Отсюда следует, что явления и процессы, характерные для политической жизни одной части монархии, не могут быть перенесены и распространены механически и априорно, без достаточных к тому оснований на другую ее часть.

В Цислейтании обострившиеся уже в последнем десятилетии XIX в. национальные раздоры, парализовав государственный механизм, лишили и исполнительную и законодательную власть в лице рейхсрата и провинциальных ландтагов каких-либо реальных шансов на конструктивную деятельность даже ради обеспечения узкокорыстных интересов господствующих классов — буржуазии и землевладельческой аристократии. Единственное за всю историю дуализма значительное достижение австрийского парламентаризма — введение всеобщего избирательного права в 1907 г. — не привело ни к устранению множества пережитков феодализма и абсолютизма, ни к сдвигам в области решения национальных проблем. Не оправдались также и возлагавшиеся на избирательную реформу надежды в отношении смягчения остроты национальных раздоров в самом парламенте. Национальный конфликт в Цислейтании отвлекал силы и внимание многонационального пролетариата Австрии от последовательной борьбы за осуществление его демократических целей и социалистических идеалов. Буржуазный национализм, расцветая пышным цветом в рабочем движении и в социал-демократии, отнимал одну за другой позиции у пролетарского интернационализма, которым характеризовался начальный этап развития социалистического движения в Австрии. Роковые последствия этого процесса со всей отчетливостью проявились в 1914—1918 гг.

Подобные же процессы, если иметь в виду общие линии развития и его результаты, имели место и в Транслейтании, но с некоторыми отклонениями, которые нельзя игнорировать и при общей оценке пройденного монархией пути. Межнациональный конфликт в Венгрии не проявлялся так непосредственно, с такой остротой и силой, как в Австрии. Объяснялось это весьма существенными различиями в экономической, социальной, политической, этнонациональной структуре и в конституции обоих государств. В Австрии по сравнению с Венгрией существовали минимально необходимые условия и возможности для легальной политической организации национальных движений. В Транслейтании, где с железной последовательностью и неумолимо осуществлялась сконструированная еще в начале 60-х годов XIX в. эфемерная концепция единой венгерской нации, узаконившая отрицание права миллионов угнетенных славян и румын на коллективную национальную жизнь и даже права называться нацией, где либеральные предписания закона о национальностях 1868 г. уже с конца 70-х годов стали приноситься в жертву агрессивным устремлениям возведенной в государственный принцип политики насильственной мадьяризации, отсутствовали элементарные предпосылки и условия для создания политических организаций освободительных движений немадьярских народов.

В противоположность мадьярским господствующим классам австро-немецкая буржуазия не могла позволить себе проводить в своей половине империи ассимиляцию ненемецких народов, сравнимую с масштабами принудительной мадьяризации в Транслейтании. В лице чешской буржуазии она имела грозного соперника, экономически сильного и политически организованного, одолеть которого было превыше ее сил и возможностей даже при помощи таких союзников, как немецкий элемент в Чехии и Моравии, польская аристократия в Галиции и т. д. По-

этому австро-немецкая буржуазия была вынуждена постоянно лавировать между национальностями Цислейтании, волей или неволей делать уступки то одним, то другим из них, с тем чтобы сохранить свою гегемонию. Такая политика вполне соответствовала вековым традициям применения принципа «разделяй и властвуй», которым до определенного времени так успешно пользовались австрийские Габсбурги. Кроме того, в отличие от Венгрии, процесс складывания самой господствующей нации в Австрии в начале XX в. еще далеко не был завершен, чему в немалой степени препятствовали также и усилившиеся с конца прошлого века пангерманистские тенденции.

Ничего подобного не было в Венгрии. Ни одна из ее угнетенных национальностей — ни румыны, численно превосходившие всех остальных, ни словаки, ни сербы, ни тем более закарпатские украинцы — не располагала тогда тем арсеналом средств национальной борьбы, какой уже имели в своем распоряжении чехи в Австрии. И не случайно, что венгерские господствующие классы не давали себе труда как-то прикрывать свою прямолинейную политику открытого подавления национальностей. А единственная в истории Венгрии попытка соглашения с буржуазией одной из них (мы здесь отвлекаемся от Хорватии-Славонии, пользовавшейся в соответствии с венгеро-хорватским соглашением 1868 г. территориальной, хотя и сильно урезанной, автономией) — с румынской была предпринята в 1912—1914 гг., когда уже война стучалась в дверь, и в ходе самой войны премьером И. Тисой под прямым давлением извне и преимущественно из-за внешнеполитических и стратегических соображений. Своеобразный, отличный от Цислейтании характер межнациональному конфликту в Транслейтании придавало и то немаловажное обстоятельство, что господствовавшая мадьярская нация, угнетавшая другие национальности, не имела полного государственного суверенитета, и следовательно не был снят с повестки дня и мадьярский национальный вопрос, обострившийся все более по мере углубления кризиса дуализма.

Что же касается позиции социал-демократической партии как в отношении борьбы угнетенных народов, так и собственно мадьярского национального вопроса, то ее без преувеличения можно охарактеризовать как беспомощную и в теоретическом и в практическом плане. Венгерская социал-демократическая партия, в отличие от австрийской, никогда не имела собственной национальной программы, да и не делала никаких попыток ее создать. В программе партии, принятой на съезде 1903 г., было зафиксировано требование о «полном равноправии для всех национальностей страны». И ни слова больше. Венгерская социал-демократическая партия, как правило, заимствовавшая идейно-теоретические установки у социалистов Германии и Австрии, проявив в национальном вопросе необыкновенную самостоятельность, не пожелала считаться даже с брненской программой. Съезд 1903 г. отклонил резолюцию сербских делегатов о включении в партийную программу требования об автономии, хотя в предвыборном манифесте 1901 г. и ряде других документов предыдущих лет партия высказывалась за предоставление автономии угнетенным народам, правда, в отвлеченно-общей форме, без конкретизации того, какая автономия имеется в виду.

Однако успехи социалистической агитации в национальных районах, особенно в сербских и румынских, заставили партию вскоре уделить несколько большее внимание национальному вопросу, который был включен в повестку дня съезда 1904 г. как специальный вопрос впервые. Но это ни на шаг не продвинуло дело. Принятая съездом резолюция лишь подтвердила соответствующий пункт партийной программы. Интересна в этой резолюции лишь ее аргументация. Социал-демократическая партия,

говорилось в ней, требует равноправия потому, что не признает различия между людьми, к какой бы нации они ни принадлежали, на каком бы языке они ни говорили. Резолюция констатировала, что трудящиеся национальных меньшинств страдают от экономического и политического гнета не только как немцы, сербы, словаки и т. д., но главным образом и в первую очередь как пролетарии, вместе с мадьярами разделяя их участь. Игнорируя по существу национальный гнет, резолюция ставила знак равенства между шовинизмом мадьярских буржуазно-помещичьих партий и национализмом подобных же партий угнетенных национальностей. Итак, ограничившись декларативным провозглашением национального равноправия, венгерская социал-демократия не выдвинула лозунга о праве угнетенных наций на самоопределение вплоть до отделения, единственного лозунга, который мог привлечь трудящихся немадьярских народов на сторону рабочего класса.

В противоположность лидерам официальной социал-демократии выдающийся деятель социалистического движения Венгрии Э. Сабо, вполне отдававший себе отчет не только в сложности, но и в важности национального вопроса, искренне искал путей его разрешения. Э. Сабо уже в 1905 г. пришел к выводу о том, что и в Венгрии не может быть иного его решения, кроме как «восстановления автономии и единства» хорватской, сербской, румынской, чешской нации (выражение «автономия и единство» им было взято из предисловия к итальянскому изданию Коммунистического манифеста 1893 г., в котором Ф. Энгельс применил его в отношении движений за объединение Италии и Германии). Такая позиция шла в разрез с политикой руководства венгерской социал-демократии, которое никогда не признавало даже формального права наций на самоопределение. В предвоенные годы, и особенно во время первой мировой войны, оно всеми силами отстаивало территориальную целостность Венгерского королевства.

Разработка до конца последовательной марксистской программы решения национально-колониального вопроса в рядах международного рабочего движения в условиях новой эпохи, эпохи империализма, является заслугой российской революционной социал-демократии. И это не было случайностью. На рубеже двух веков многоукладная и многонациональная Россия по сути дела представляла собой модель тогдашнего мира, олицетворяла собой главные черты общественного развития, характерные для самых различных стран и народов. Будучи средоточием основных противоречий империалистической системы, она в течение кратчайшего исторического срока пережила так много глубочайших потрясений, явила такое разнообразие форм и методов освободительной борьбы, что опыт ее революционной партии, которой в разное время и в разных обстоятельствах приходилось решать самые разнообразные задачи, не мог не стать всеобъемлющим. Вместе с тем она впитала в себя опыт всех основных потоков и национальных отрядов международного освободительного движения.

Вскрывая общие закономерности общественно-политического развития, в том числе и районов Европы, населенных славянскими народами, российские социал-демократы никогда не игнорировали специфику конкретно-исторической обстановки, складывавшейся в отдельных государствах и вокруг них, своеобразии отдельных периодов в развитии разных народов, особенности форм и методов решения выдвигаемых жизнью проблем различными классами, социальными группами и их политическими организациями. Естественно, однако, что главное внимание они уделяли выяснению обстановки в России, куда на рубеже двух веков переместился центр мирового революционного процесса. Эту главную особенность Рос-

сии, в том числе и по сравнению с другими государствами Восточной Европы, В. И. Ленин видел в том, что здесь были «невиданная еще в эпоху буржуазных революций сила пролетариата и страшная общая отсталость страны, объективно вызывающая необходимость в исключительно быстром и решительном движении вперед...»²⁰.

Указывая, что политика австро-венгерской и российской монархий состоит в порабощении наций, что обе они держатся только таким гнетом²¹, В. И. Ленин подчеркивал, что даже в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей Австро-Венгрии²² для славянского населения были созданы неизмеримо более культурные условия жизни, чем в царской России²³.

Выступая на заседании IV Государственной думы, депутат-большевик Г. И. Петровский мог с полным основанием утверждать, что «черносотенцы и их лакеи называют Россию великой славянской державой, вероятно, только потому, что в этой великой державе практикуется самое великое угнетение славянских народностей» — украинцев, белорусов, поляков²⁴.

В условиях Российской империи совместная борьба пролетариата угнетающей и угнетенных наций была абсолютной необходимостью, без нее не могло быть успешного натиска на царизм. Именно поэтому такую важность приобретало, в частности, взаимодействие русского и польского пролетариата, одного из самых мощных и ближайших союзников русского. Именно поэтому в трудах русских марксистов польскому национальному вопросу уделялось такое большое внимание. Для В. И. Ленина и его соратников польский вопрос имел существенное значение с точки зрения разработки теории национального вопроса вообще и выработки пролетарской стратегии и тактики в отношении национально-освободительного движения в частности. Как известно, В. И. Ленин неоднократно указывал на специфику польского вопроса, отношения к нему польских марксистов, исходя при этом именно из особых объективных условий исторического прошлого и современного положения польского народа, своеобразной расстановки классовых сил в его освободительном движении и его духовной атмосфере²⁵.

Анализируя опыт революции 1905—1907 гг. и, в частности, позицию польских господствующих классов, В. И. Ленин показал, как, используя националистические лозунги для разделения пролетариата, они на деле «отрекаются от революционной борьбы за свободу и ищут сближения с господствующими классами в России и с царской монархией из боязни перед революционным пролетариатом...»²⁶. Тот же методологический подход мы наблюдаем и при анализе российской революционной социал-демократией конкретно-исторических особенностей национального вопроса не только в России, но и в национально пестрой Австро-Венгрии. Так, В. И. Ленин отмечал, что в Австрии в отличие от России в период с 1848 по 1867 г. были осуществлены определенные буржуазно-демократические преобразования²⁷; с тех пор там действует буржуазная конституция, легально существует рабочая партия. И хотя в этой отсталой многонациональной стране оставались еще далеко не урегулирован-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 138.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 316.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 176.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

²⁴ «Правда», 22 мая, 4 июня 1913.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 45—46, 48—49.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 315—316.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270.

ными национальные взаимоотношения, в частности с большинством населения — славянами, обстановка здесь имела свои отличительные черты. В этой связи В. И. Ленин обратил внимание на ту чрезвычайно своеобразную позицию, которую занимали, например, чехи, а также венгры вплоть до первой мировой войны. Их выступления за сохранение целостности Австрии Ленин объяснял тем, что во внутренних условиях существования этих, экономически наиболее развитых наций монархии (т. е. с точки зрения развития капитализма) не было факторов, могущих вызвать взрывы, серьезную борьбу за самостоятельную государственность. С точки же зрения внешнеполитической, существовала реальная угроза поглощения более сильными и хищническими соседями²⁸. Однако русские революционеры ни тогда, ни позднее не исключали появления новых факторов, которые могли бы поставить такую борьбу на повестку дня, привести при определенных условиях к созданию ряда национально-независимых государств, даже при сохранении мировых империалистических отношений²⁹. Особенностью Австро-Венгрии являлось и отсутствие компактного национального центра, подобного великорусскому в России, в силу чего Австрия сложилась в дуалистическое государство и под угрозой худшего национального гнета существовала тенденция ее превращения в триалистическое (немцы, венгры, славяне)³⁰.

Большевики именно в Австрии увидели и наиболее яркий пример того, как буржуазия неполноправных наций мельчила, опошляла, извращала национальное движение, в результате чего вся общественная и политическая жизнь страны оказалась застопоренной «мизерно-мелкой драмой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков»³¹. Опыт социал-демократии Австро-Венгрии в целом, и чехославянской в особенности, позволил В. И. Ленину показать, что следствием оппортунизма и ревизионизма, отказа от марксистского подхода к национальному вопросу является сепаратизм, вся та, по выражению Ленина, мерзость национализма, тот «австрийский дух»³², который, внедряясь в рабочее движение, раскалывал и ослаблял его.

Российская революционная социал-демократия много сделала для осмысления основных закономерностей и особенностей сложного и противоречивого процесса развития национально-освободительного движения славянских народов в Юго-Восточной Европе, на Балканах, для определения места «национальной революции южного славянства», по формуле В. И. Ленина, в европейском освободительном движении, выяснении характера и значения Балканских войн в цепи важнейших мировых событий³³.

Революционеры России решительно и последовательно поддерживали лозунг создания федеративной республики балканских государств, как ближайшей цели революционной социал-демократии в этом районе Европы, как наилучшей перспективы для последовательно демократического решения национального вопроса на Балканах. Они энергично выступили против всякого «протезирования» южных славян великими державами, за предоставление им возможности самим устранить остатки средневековья и таким образом подготовить условия для своего подлинного социального и национального освобождения. В. И. Ленин вскрыл причины того, почему исторические задачи, стоявшие перед балканскими народами,

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 8, 105.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270—271.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 176.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 162.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.

решались путем войн, а не революций, почему объединение балканских народов осуществлялось в форме союза балканских монархий, а не в форме союза демократических республик. Главную причину этого он видел в неразвитости, темноте крестьянских масс, малочисленности и слабости пролетариата, реакционных влияниях могущественной европейской буржуазии. Все это, однако, не помешало русским марксистам увидеть в Балканских войнах на основе анализа их социально-экономического содержания один из важных этапов процесса буржуазно-демократических преобразований в этом районе Европы.

Революция 1905—1907 гг. в России, первая народная революция эпохи империализма, и одновременно начавшаяся в значительной степени под ее влиянием массовая борьба за демократизацию государственного строя в монархии Габсбургов, буржуазная революция в Турции, охватившая Македонию и оккупированные Австро-Венгрией Боснию и Герцеговину, разворачивавшаяся национальная революция южного славянства — являлись звеньями в цепи событий, давшие первые подтверждения правильности анализа российской революционной социал-демократией главных тенденций общественного развития, в том числе и районов Европы, населенных славянскими народами.

Именно такой анализ позволил им сформулировать программу последовательно демократического решения национального вопроса.

Со времен группы «Освобождение труда», «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», со времен старой «Искры», заложивших основы марксистской партии в России, в программных документах российской революционной социал-демократии неизменно присутствовали и принципы организационного единства классовой борьбы пролетариата всех наций государства и требования равноправия и свободы для всех граждан без различия вероисповедания и национальности. В проекте программы русских социал-демократов, подготовленном группой «Освобождение труда» (1887 г.), целью пролетарской борьбы провозглашалось завоевание демократической конституции, обеспечивающей, в частности, «полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения»³⁴. Проект программы социал-демократической партии, написанный В. И. Лениным в тюремной камере в конце 1895 г., содержал требование как всеобщего и прямого избирательного права для всех граждан «без различия вероисповедания и национальности», так и «свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей»³⁵. В проекте программы, подготовленном редакцией «Искры» и «Зари», были сформулированы требования «полного равноправия всех граждан независимо от пола, религии и расы» и признания «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»³⁶. Защищая этот проект, Г. В. Плеханов писал, что требование права наций на самоопределение обязательно для социал-демократов, иначе в их устах клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был бы постыдной ложью³⁷. В. И. Ленин на страницах «Искры» в свою очередь горячо защищал и отстаивал это программное требование, подчеркивая, что под ним подразумевается не только равноправие языков, национальностей и прочего, но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу, т. е. в том числе и права на создание своего государства. Это, конечно, не означало, что марксисты проповедовали отделение. Отстаивая право на отделение, они делали исключение из своей общей посылки централиз-

³⁴ Опубликован в брошюре «Чего хотят социал-демократы», Женева, 1888.

³⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 85.

³⁶ «Искра», 1902, 1 июня.

³⁷ «Заря», 1902, № 4, стр. 38.

ма, ибо перед лицом воинствующего шовинизма отказ от него означал бы не что иное, как оппортунизм.

Российские социал-демократы подчиняли поддержку требования национальной независимости интересам пролетарской борьбы, интересам интернационального сплочения пролетариата и именно поэтому уже тогда заявили, что они всегда и безусловно стремятся к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, но вовсе не всегда и безусловно поддерживают всякое требование национального самоопределения³⁸.

В 1903 г. требование обеспечения права «на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», т. е. их права на самостоятельное, отдельное от чуженациональных коллективов, государственное существование вопреки сопротивлению польских социал-демократов и бундовцев, предлагавших уже тогда, по словам В. И. Ленина, некий псевдоним культурно-национальной автономии, было включено в программу РСДРП³⁹.

В дальнейшем программные положения российской революционной социал-демократии по национальному вопросу были уточнены, развиты и дополнены в ходе непримиримой борьбы прежде всего с буржуазно-националистическими тенденциями в российском и международном рабочем движении.

Революционная социал-демократия в России исходила из того, что буржуазный национализм и пролетарский интернационализм являются двумя непримиримо враждебными лозунгами, соответствующими двум великим классовым лагерям капиталистического мира и выражающими две политики (и более того, два миросозердания) в национальном вопросе⁴⁰. Именно поэтому они решительно выступали против любых вариантов программы культурно-национальной автономии. Они сразу же увидели в ней мелкобуржуазную по своей сущности программу утонченного национализма, раскалывающую пролетариат, лишавшую его союзника в борьбе за преобразование общества, литературную выдумку, не способную решить национальный вопрос и поэтому не имевшую будущего. А то обстоятельство, что в Австро-Венгрии на ней фактически сошлись и правые реформисты, сторонники сохранения реформированного австрийского государства, представители господствовавшей нации, и соскальзывающий к анархизму социал-демократ нации угнетенной, для которого существование этого государства в лучшем случае было безразлично, лишь раз подтверждало и прозорливость и правоту российских большевиков.

Однако национальная программа российской революционной социал-демократии выкристаллизовывалась и утверждалась в борьбе не только с националистическими тенденциями, но и с национальным нигилизмом, недооценкой национальных движений, их революционных возможностей.

В рядах рабочего движения, особенно угнетенных наций, в частности польского, чешского и др., широкое распространение получили взгляды (Р. Люксембург, чешские централисты), согласно которым выдвижение лозунга о праве наций на самоопределение играет на руку буржуазному национализму угнетенной нации, а позднее даже теории вроде «империалистического экономизма», отвергавшие это требование ввиду того, что при империализме оно не осуществимо, а при социализме — излишне. Критикуя эти немарксистские построения, российская революционная социал-демократия неизменно подчеркивала, что их происхождение объ-

³⁸ «Искра», 1903, 15 июля.

³⁹ «Второй съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 421.

⁴⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 123.

яснимо и понятно, но опасность их состоит в том, что революционеры, выступая только против национализма угнетенной нации, объективно содействуют национализму нации угнетающей. Попытка же отмахнуться от национального вопроса, от использования освободительных национальных движений означает не что иное, как отказ от социальной революции, которая не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех угнетенных и недовольных, в том числе и борьбы за национальное равноправие и самоопределение.

Следовательно, задача состояла в том, чтобы создать такую программу, которая обеспечивала бы оптимальное сочетание массовой борьбы против национального угнетения с революционной борьбой пролетариата, гарантировала бы его политическое единство, широкую социальную базу для грядущей революции.

Накопленный РСДРП опыт был обобщен и зафиксирован в специальной резолюции по национальному вопросу, принятой летом 1913 г. на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками. Как писал В. И. Ленин С. Г. Шаумяну, опираясь на программу партии, развивая и закрепляя ее, совещание в «последовательно-демократическом духе, в марксистском (антиавстрийском)» дало полные и точные ответы на поставленные жизнью вопросы⁴¹. В резолюции было записано требование последовательно-демократического республиканского устройства государства, обеспечивающего «полное равноправие всех наций и языков», включения в конституцию закона, объявляющего недействительными «какие бы то ни было привилегии одной из наций». Объявлялся вредным, как с точки зрения демократии вообще, так и особенно интересов классовой борьбы пролетариата план так называемой культурно-национальной автономии. Указывалось на безусловную необходимость объединения рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях. Впервые в программном документе партии было записано, что право наций на самоопределение означает право на отделение и образование самостоятельного государства, осуществление которого должно быть обеспечено конституцией государства вполне свободным и демократическим способом. При этом, однако, резолюция указывала, что вопрос о целесообразности отделения той или иной нации социал-демократия решает в каждом случае конкретно, учитывая прежде всего интерес общественного развития и классовой борьбы пролетариата за социализм⁴².

Эта резолюция, именно в неразрывной связи обеих своих частей, давала, по убеждению российских революционеров, единственную правильную директиву пролетарской классовой политике в национальном вопросе. Общественная практика полностью подтвердила их правоту.

Националистическая программа культурно-национальной автономии, фактически заменившая компромиссную брненскую программу решения национального вопроса, оппортунистическая практика австро-венгерской социал-демократии привели к раздроблению рабочего движения страны на отдельные национальные отряды, развалу единого фронта трудящихся угнетенных и угнетающих наций, подчинению национальной буржуазии, не смогли предотвратить распада единого государства в ходе буржуазной национально-демократической революции.

Последовательно демократическая программа решения национального вопроса, разработанная революционной партией многонационального русского пролетариата, содействовала сплочению его рядов, победе революции, созданию крупного многонационального социалистического государства.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 236.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 58—59.

Г. ПИАСТРО

ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА
В СОВЕТСКИХ ВОЙСКАХ
И СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ БОЛГАРИИ
(3-й Украинский фронт.
Сентябрь 1944 — май 1945 г.)

Болгарский и советский народы издавна были связаны узами братской дружбы, возникшей еще в период освобождения Болгарии от ига Османской империи и получившей дальнейшее развитие в ходе революционной борьбы против капитализма.

В годы Великой Отечественной войны эта дружба между двумя народами и их армиями еще больше окрепла. В данной статье автор делает попытку осветить деятельность военных советов, командиров, политорганов и партийных организаций по воспитанию советских воинов в духе дальнейшего укрепления дружбы с братским болгарским народом и его воинами в завершающем периоде войны.

Еще до вступления советских войск на территорию Болгарии Военный совет 3-го Украинского фронта поставил перед военными советами армий, перед командирами и политорганами задачу усилить интернациональное воспитание советских воинов, выдвинутую Центральным Комитетом партии и изложенную на совещании членов военных советов фронтов в мае 1944 г.¹

Военный совет 3-го Украинского фронта в обращении к войскам ука-зывал, что болгарский народ ждет Красную Армию, как свою освободительницу². Политорганы в центр воспитательной работы поставили вопросы пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма. Во всех первичных и ротных партийных организациях прошли собрания с повесткой «О задачах коммунистов в связи с вступлением Красной Армии на территорию Болгарии»³, «Задачи партийной организации по обеспечению правильных взаимоотношений с болгарским населением»⁴ и др. Были проведены совещания офицерского состава, где обсуждались вопросы воспитания личного состава в духе братской дружбы с болгарским трудовым народом. На митингах и собраниях солдат и сержантов

¹ На совещании была тщательно проанализирована новая политическая обстановка, складывавшаяся в связи с вступлением Красной Армии на территорию иностранных государств, намечены новые задачи в деле политического руководства войсками, усиления интернационального воспитания воинов (См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 589).

² Архив МО СССР, ф. 401, оп. 9533, д. 177, л. 293.

³ Там же, л. 284.

⁴ Там же, ф. 228, оп. 329748, д. 1, л. 34.

разъяснялись внутривластная обстановка в стране, масштабы партизанского движения, роль Народно-освободительной повстанческой армии в борьбе с гитлеровцами, цели и задачи Отечественного фронта, антинародная политика фашистского правительства Багрянова ⁵.

В основе всей этой работы были ленинские идеи о том, что «надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей. . .», самоотверженность нашего народа нам даст миллионы союзников во всех странах ⁶. В результате ко времени вступления на территорию Болгарии все советские воины 3-го Украинского фронта имели ясное представление о стране, о ее народе, как дружественном, ждущем своих освободителей.

Партийно-политическая работа в войсках фронта по воспитанию личного состава в духе укрепления братской дружбы с болгарским народом особенно активизировалась после вступления Красной Армии на территорию страны.

Важное место в этой работе занимала деятельность командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций по дальнейшему разъяснению войнам отношения болгарского народа к советскому народу вообще и к Красной Армии в частности. С личным составом проводилась большая работа по разъяснению политического положения страны, роли Отечественного фронта в борьбе с гитлеровцами. Например, политотделами 37-й и 57-й армий была разработана тематика лекций и докладов, сыгравших важную роль в воспитании советских воинов в духе дружбы с болгарскими трудящимися. Вот некоторые темы, характеризующие направленность и содержание политической работы в войсках фронта: «Исторические корни дружбы болгарского и советского народов», «Внутриполитическое положение в Болгарии», «Географический и историко-экономический очерк Болгарии», «Высоко держать честь и достоинство советского воина в братской Болгарии» ⁷.

Большое внимание уделялось знакомству советских войск с героическим прошлым болгарского народа. Воинам рассказывали о его революционных традициях. Для них живой легендой, примером настоящего революционера являлся славный сын болгарского народа Г. М. Димитров. Командиры, политработники, ветераны КПСС рассказывали бойцам как Георгий Михайлович в ходе Лейпцигского процесса разоблачил фашизм как самое реакционное порождение международного империализма.

Личному составу рассказывали о совместной борьбе болгар и русских воинов за освобождение Болгарии от ига Османской империи. Около города Плевны группа советских солдат, командиров и политработников 73-й гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии встретила с болгаринами Христо Славичевым, которому в 1877 г. было 13 лет. Он хорошо помнил события прошлого, свидетелем которых был. «Я счастлив, — сказал Х. Славичев, — что мне довелось второй раз в жизни видеть на своей родной земле наших братьев-освободителей. Я был мальчиком, когда русские освободили наш народ от господства турок, сейчас я приветствую в своем доме преемников русских героев Плевны и Шипки, которые освободили нас от немецкого ярма и болгарских правителей, предавших свой народ...» ⁸.

⁵ См. Генерал армии С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Воениздат, 1974, стр. 161.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 242.

⁷ Архив МО СССР, ф. 413, оп. 10389, д. 13, л. 89—90.

⁸ Там же, л. 89—90.

Об этой встрече дивизионная газета «За нашу победу» 1 октября поведала всем воинам соединения и призвала их множить славные боевые традиции своих предков, крепить дружбу с болгарскими трудящимися. Эта встреча и выступление газеты имели большое политическое значение.

На страницах фронтовой, армейской и дивизионных газет регулярно публиковались материалы о героизме русских воинов в боях за освобождение Болгарии в 1877—1878 гг. Были напечатаны статьи: Н. Атарова «Накануне»⁹, подполковника В. Локшина, майора В. Кононенко «Через Дунай»¹⁰, «Шипкинская эпопея»¹¹, «Сражение за Плевну»¹², капитана В. Соколова «Слава на Дунае», «У памятника героям битвы 15 июня 1877 года»¹³, Н. Атарова «Штурм зимних перевалов»¹⁴, «Победа и мир»¹⁵. В газете 17-й воздушной армии «Защитник Отечества» был опубликован очерк о Самарском знамени¹⁶, которое получили от русских воинов храбрые дружины болгарского ополчения, сражавшиеся плечом к плечу с прославленной Орловской дивизией. «Под Самарским знаменем нет позора и малодушия, а только подвиги, геройство, честь и слава» — эти слова, опубликованные в газете, вызывали у советских воинов чувство симпатии к братскому народу.

В пропаганде боевых традиций русского народа на болгарской земле, традиций братства важное место занимали митинги у памятников героям Шипки, в которых участвовало местное население. В октябре 1944 г. состоялись такие митинги, например, воинов 113-й стрелковой Нижнеднепровской дивизии, организованные начальником политотдела подполковником Бездиным. Советские воины поклялись множить традиции дедов, а затем прошли у памятника строевым шагом с развернутыми боевыми знаменами, отдавая честь¹⁷.

Знакомство с героическим прошлым болгарского народа, историей зарождения его дружбы с русским народом способствовало укреплению у советских воинов дружеских чувств к трудящимся страны.

Одним из основных направлений в партийно-политической работе в войсках 3-го Украинского фронта по укреплению дружбы с болгарским народом было разъяснение освободительной миссии советских воинов, их поведения на территории Болгарии. Эти вопросы обсуждались на совещаниях офицерского состава, партийных и комсомольских собраниях, сборах и семинарах партийно-политического аппарата, низовых агитаторов. Политотделы 37-й, 46-й, 57-й и 17-й воздушной армий, 4-го механизированного корпуса во второй половине сентября 1944 г. провели семинары пропагандистских кадров, на которых были сделаны доклады на темы: «Политическое положение в Болгарии», «Происхождение болгарского государства»¹⁸, «Красная Армия — армия-освободительница»¹⁹, «Политико-экономическая характеристика Болгарии», «О поведении советских военнослужащих на территории Болгарии»²⁰.

На сборах офицерского состава соединений обсуждались такие вопросы, как «Политико-экономический обзор Болгарии», «Красная Армия —

⁹ Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2969, д. 27, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 4.

¹¹ Там же, л. 8.

¹² Там же, л. 26.

¹³ Там же, л. 28.

¹⁴ Там же, л. 30.

¹⁵ Там же, л. 58.

¹⁶ Там же, ф. 370, оп. 6540, д. 8, л. 73.

¹⁷ Там же, ф. 413, оп. 10389, л. 89.

¹⁸ Там же, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 122.

¹⁹ Там же, оп. 10431, д. 24, л. 222.

²⁰ Там же, ф. 413, оп. 10389, д. 13, л. 90, 106.

высококультурная армия», «Офицер — воспитатель личного состава». По этим же вопросам в частях были проведены сборы командиров рот и взводов, где докладчиками выступали командиры дивизий, их заместители, агитаторы полков, соединений, работники политотделов армий²¹.

Эти мероприятия сыграли важную роль в воспитании командных и политических кадров. Они расширили их политический кругозор, сориентировали, в каком направлении необходимо проводить идейно-политическое воспитание воинов, повысили методический уровень работы с личным составом. Это обеспечило непрерывность и целеустремленность партийно-политической работы, ее высокую эффективность.

Политуправлением фронта была подготовлена «Памятка воину Красной Армии в Болгарии»²². По распоряжению члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта А.С. Желтова она была отпечатана тиражом в полмиллиона экземпляров²³ и разослана в войска.

В Памятке говорилось: «С особой радостью, как освободителя, встретил тебя болгарский славянский народ — братский нам по языку и крови.... Ты, славный воин Красной Армии, потомок русских героев Плевны и Шипки, своими главными подвигами — разгромом немецко-фашистских армий и освобождением Болгарии от немецкого ига — усилил и укрепил любовь и благодарность болгарского народа к русскому народу и нашей великой Родине — СССР... Болгарские войска сражаются теперь на болгаро-югославской границе против немцев плечом к плечу с частями Красной Армии... Советский воин! Ты окружен любовью и уважением народа, как воин-освободитель. Высоко носи это почетное звание советского воина! Оказывай содействие и помощь местному болгарскому населению, солдатам и офицерам болгарской армии во всем, что помогает нашей борьбе против общего врага — немецко-фашистских захватчиков!»²⁴. Памятка зачитывалась перед строем во всех ротах, батареях. В этой работе активное участие принимал весь руководящий состав частей и соединений.

Кроме Памятки в частях и подразделениях читались лекции, доклады, в которых личному составу разъяснялись нормы поведения, взаимоотношения с местным населением. Вот некоторые из них: «Освободительная миссия Красной Армии», «Высоко держать честь и достоинство советского воина в Болгарии», «О долге советского офицера», «О взаимодействии с местным населением и поведении советских военнослужащих на территории Болгарии»²⁵, «О демократических преобразованиях, прошедших в Болгарии после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков», «Береги любовь и уважение народа, которому ты принес освобождение»²⁶.

Директивой командующего 3-го Украинского фронта в октябре 1944 г. было установлено проводить политзанятия с сержантами и солдатами три раза в неделю по два часа каждое, а в дни, свободные от политзанятий, — политинформации. На политзанятиях изучались темы: «Цели и задачи Красной Армии в связи с вступлением в Болгарию», «Великая освободительная миссия Красной Армии»²⁷.

На страницах фронтовой, армейских и дивизионных газет с первых дней вступления Красной Армии в Болгарию регулярно публиковались

²¹ Там же, л. 106—107.

²² Там же, ф. 243, оп. 2969, д. 17, л. 119.

²³ См. Вісник Харківського університету, 1967, № 22. Історична серія, вип. 2, стор. 64.

²⁴ Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА), ф. 2092, оп. 1, д. 248, л. 396—399.

²⁵ Архив МО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 188; ф. 413, оп. 10389, д. 13, л. 67, 90, 106; ф. 370, оп. 6548, д. 63, л. 127.

²⁶ Там же, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 136, 272.

²⁷ Там же, ф. 1, оп. 158143, д. 2, л. 127.

материалы самых различных жанров, в которых разъяснялись задачи личного состава на территории братской страны ²⁸. В газетах выступали руководящие партийные деятели БРП(к) с освещением внутреннего положения в стране ²⁹.

В результате проводимой партийно-политической работы советские воины с еще большим уважением стали относиться к болгарскому народу, к его обычаям, оказывая ему всяческое содействие в строительстве новой жизни, сохраняя одновременно высокую дисциплину и организованность.

В развитии и укреплении дружбы между войнами 3-го Украинского фронта и болгарским народом большую роль сыграла политическая работа, проводимая советскими командирами, политработниками и парторганизациями среди местного населения. Накануне вступления Красной Армии на территорию Болгарии Военный совет фронта выступил с обращением к болгарскому народу оказывать «всемерное содействие вступившим на территорию Болгарии частям Красной Армии» ³⁰. 9 сентября 1944 г. нашей авиацией было сброшено около 3 500 000 ³¹ листовок с текстом обращения, подписанным командующим фронтом генералом армии Ф. И. Толбухиным. С октября 1944 по июль 1945 г. политорганами было распространено среди местного населения около миллиона экземпляров политической литературы, в которой освещалась жизнь советского народа, назначение Красной Армии как организации, призванной защищать социалистические завоевания народа.

В политической работе среди местного населения важное место занимало чтение докладов, проведение бесед о советской действительности, источниках нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками, огромной роли в этом ленинской Коммунистической партии, с которыми выступали командиры, политработники, агитаторы и пропагандисты войск фронта. Вот темы некоторых из них, имевших большую популярность среди болгарского населения: «Освободительная миссия Красной Армии», «Экономическая мощь Советского Союза», «Восстановление народного хозяйства в освобожденных районах СССР», «Конституция Советского государства», «Исторические корни дружбы славянских народов», «Развитие культурных связей между СССР и Болгарией», «Города-герои Советского Союза», «Промышленность СССР — основа технической мощи Красной Армии», «Образование в СССР», «Природные богатства СССР», «Женщины в Советском Союзе» ³². Политотделом 37-й армии была разработана тема: «Сила славянских народов в их дружбе и боевом единстве». Ее тезисы были розданы агитаторам районных комитетов Отечественного фронта Софии. Только в октябре 1945 г. для населения Болгарии политотделом 37-й армии было прочитано 17 докладов ³³. К чтению докладов привлекались приезжавшие из СССР видные советские ученые, журналисты, писатели, артисты. Так, в ноябре 1945 г. были прочитаны доклады на темы «Русский балет» — И. Моисеевым, «Советская и западная литература в период Отечественной войны» — профессором Московского университета И. Анисимовым, «Советская литература сегодня» — председателем Союза советских писателей Н. Тихоновым, «Советская журналистика» — Б. Полевым ³⁴.

²⁸ Архив МО СССР, ф. 413, оп. 10389, д. 13, л. 107; оп. 10431, д. 24, л. 228, 237; ф. 243, оп. 2969, д. 17, л. 119.

²⁹ Там же, д. 27, л. 20.

³⁰ «Вопросы истории КПСС», 1969, № 5, стр. 91.

³¹ «Военно-исторический сборник», София, 1970, № 5, стр. 78; Архив МО СССР, ф. 413, оп. 103, д. 13, л. 55, 74.

³² Архив МО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 188.

³³ Там же, л. 205.

³⁴ Там же, л. 271.

В сентябре 1944 г. вместе с войсками 3-го Украинского фронта в Болгарию прибыли первые советские операторы военной кинохроники. В своих фильмах они показывали растущую дружбу между бойцами Красной Армии и болгарским населением³⁵. Большой интерес болгар вызывали также кинофильмы о победах Красной Армии, о жизни колхозного крестьянства, рабочих и интеллигенции, об индустриализации в СССР³⁶. С 8 сентября 1944 г. по 1 августа 1945 г. для болгарского населения было проведено 750 киносеансов³⁷.

Большой популярностью пользовались фотовыставки и витрины, организуемые политорганами. Так, 16 марта 1945 г. политотдел 37-й армии оформил витрину в центре Софии. Была выставлена большая карта европейского театра военных действий, на которой ежедневно отражалась обстановка на фронтах, а на специальной доске вывешивалась сводка Совинформбюро³⁸. В сентябре 1945 г. в здании партийного издательства Софии были организованы фотовыставки на тему: «Возрождение жизни в освобожденных от немецких захватчиков районах СССР» и «Боевая дружба, скрепленная кровью»³⁹, в которых показана боевая дружба Красной и Болгарской армий.

Постоянно использовались звуковещательные установки, с помощью которых для болгар передавались материалы ТАСС о болгаро-советских отношениях, сообщения Совинформбюро о победах Красной Армии над немецкими захватчиками, материалы из центральных советских газет о героической работе советского тыла, грамзаписи советской и болгарской музыки. Через мощную громкоговорящую установку (МГУ) с 8 сентября 1944 г. по 10 мая 1945 г. было проведено для населения различных районов Болгарии 364 передачи⁴⁰, а с 8 сентября 1944 г. по 1 августа 1945 г. — свыше 1300 передач⁴¹.

Целеустремленная политическая работа военных советов, командиров, политорганов и парторганизаций войск фронта среди местного населения повышала его политическую сознательность, сыграла огромную роль в укреплении братской дружбы с воинами Красной Армии. Это ярко проявлялось в дружественном отношении, всяческой помощи болгарского народа личному составу советских войск.

Важнейшим направлением в партийно-политической работе 3-го Украинского фронта являлась активная деятельность военных советов, командиров, политорганов и партийных организаций по укреплению боевого содружества и братской дружбы между советскими и болгарскими воинами. Советские воины передавали им свой боевой опыт, опыт политической работы. Например, для офицерского состава Софийского, Пловдивского, Варненского и Шуменского гарнизонов офицерами и генералами полевого управления 37-й армии были прочитаны доклады: «Суворовская наука побеждать», «Яско-Кишиневская операция», «Основы современного наступательного боя», «Артиллерия в Отечественной войне»⁴².

Советские военные журналисты оказывали всемерную помощь болгарским военным журналистам в организации освещения в газетах боевого опыта армии, а также опыта политической и культурно-массовой работы

³⁵ «Военно-исторически сборник», София, 1970, № 5, стр. 82.

³⁶ Архив МО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 159, л. 94; д. 128, л. 197; там же, д. 128, л. 120, 203; д. 144, л. 66.

³⁷ Там же, ф. 392, оп. 8900, д. 159, л. 94.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, д. 128, л. 197.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 120.

⁴² ЦВМА, ф. 2092, оп. 1, д. 333, л. 45; Архив МО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 128, л. 204, 205.

в войсках⁴³. По приглашению редакции газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин» редактор и ряд сотрудников болгарской армейской газеты «Фронтвик» несколько дней провели у советских журналистов, знакомясь с опытом работы их коллектива⁴⁴.

Большую роль играло совместное посещение советскими и болгарскими воинами памятников, музеев.

2 ноября 1944 г. на перевале Шипка к памятнику русским воинам представители 37-й армии возложили венки и установили мемориальную доску с надписью: «1877—1944, сентябрь, героям Шипки от имени частей 3-го Украинского фронта победоносной Красной Армии»⁴⁵. После этого состоялся митинг, который прошел под знаком дружбы воинов Красной Армии, болгарского народа и его воинов.

6 декабря 1944 г. в Плевне на мавзолее и на монументе в Скобелевском парке были установлены мемориальные доски. Город был украшен флагами и транспарантами. На центральной площади и улицах собралось свыше 10 тыс. жителей. В почетном карауле стояли слушатели курсов младших лейтенантов и части Плевненского гарнизона болгарских войск. Мемориальную доску открыл генерал-полковник С.С. Бирюзов. Затем состоялся торжественный митинг⁴⁶, на котором советские и болгарские воины поклялись в дружбе на вечные времена.

В частях проводилась большая работа по организации совместных спортивных мероприятий.

Политуправление 3-го Украинского фронта, политотделы армий, дивизий, Дунайской Военной флотилии большое внимание в своей работе уделяли чтению лекций и докладов для воинов Болгарии. Так, в январе 1945 г. в морской офицерской школе, расположенной в Варне, и среди болгарских матросов политработники провели ряд бесед на темы: «Ленин—организатор Красной Армии», «27 лет Красной Армии», «Красная Армия несет освобождение славянским народам от фашистского ига».

Политорганы войск фронта приложили немало усилий для того, чтобы болгарские воины посмотрели как можно больше советских кинокартин. Так, для личного состава 10-й, 12-й и 16-й пехотных дивизий Первой болгарской армии политуправлением фронта только с 22 февраля по 10 марта 1945 г. было организовано 30 киносеансов, на которых присутствовало 15 389 болгарских солдат и офицеров⁴⁷.

Для болгарских воинов устраивались концерты. Например, 3 февраля 1945 г. в театре народной оперы в Софии состоялся заключительный концерт участников армейского смотра художественной самодеятельности, который открылся выступлением сводного хора в составе 250 человек. Мощно прозвучали в исполнении хора «Песня о Родине», «25 лет Красной Армии» и «Стрелковая песня». Были исполнены русские и украинские народные песни, краснофлотская и украинская сюиты, гимнастические номера⁴⁸. Концерт имел успех у зрителей и командование решило повторить его 4 и 5 февраля⁴⁹.

Большую работу в укреплении дружбы с болгарскими войсками проделал Дом Красной Армии, торжественное открытие которого состоялось 1 мая 1945 г. в Софии. Организованная в ДКА выставка военных кабинетов, художественная выставка Союза советских художников привле-

⁴³ Там же, л. 198.

⁴⁴ «Военно-исторически сборник», София, 1965, № 1, стр. 47.

⁴⁵ Архив МО СССР, ф. 392, оп. 8900, д. 144, л. 64.

⁴⁶ Там же, л. 64—65.

⁴⁷ Там же, ф. 243, оп. 2915, д. 77, л. 41—42.

⁴⁸ Там же, ф. 392, оп. 8900, д. 144, л. 65—66.

⁴⁹ Там же, д. 159, л. 93.

кли большое количество жителей Софии. Так, 28 июля ДКА посетило 1500 жителей, 29 июля — 2300 жителей, 4 и 5 августа — более пяти тысяч человек. В книге отзывов поручик Пиев из военного министерства оставил такую запись: «...военные кабинеты являются наглядным обобщением того большого боевого опыта, который был приобретен перво-классной Красной Армией за время Отечественной войны..., по этим материалам можно прочесть целый курс лекций по военным дисциплинам».

«От всей души мы восхищены этой могучей прекрасной техникой, которой вооружена Красная Армия...», — написала группа болгарских учителей⁵⁰.

Важное значение имело вручение болгарским воинам от имени правительства Советского Союза медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». 360 болгарских воинов было награждено советскими орденами и 120 тыс. медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»⁵¹.

Партийно-политическая работа, проводимая военными советами, командирами, политорганами и партийными организациями по укреплению дружбы советских воинов с болгарским народом, его воинами, нашла свое яркое выражение в многочисленных подвигах солдат, сержантов и офицеров Красной Армии в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Эта дружба закалилась в огне сражений, еще больше окрепла в послевоенное время. Дружба эта — на вечные времена.

⁵⁰ Там же, д. 144, л. 67.

⁵¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, стр. 18.

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1911 г. И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ

Политический кризис на Балканах весной — летом 1911 г., вызванный восстанием албанского народа против турецкого владычества, обострил отношения балканских, прежде всего славянских стран с Турцией и ускорило начало первой Балканской войны¹. В отличие от вооруженных выступлений албанских повстанцев в 1909 и 1910 г., оставшихся, в силу их ограниченности, внутренним турецким делом², восстание 1911 г. по размаху, упорству и организованности вышло за рамки локального события и привело к вмешательству в албано-турецкий вооруженный конфликт европейских и балканских государств.

Восстание в Албании началось в марте 1911 г. на севере, в горной пограничной области у Шкодера, и сочеталось с освободительным движением албанского населения в центральных и южных районах страны. Основным очагом восстания был горный район, пограничный с Черногорией, заселенный албанским племенем малиссоров. Последние, после неудачных сражений с турецкими карательными отрядами, беспрепятственно переходили черногорскую границу, располагались там вооруженным лагерем близ Подгорицы, а затем в нужный момент вновь возвращались назад. Выросший на этой основе турецко-черногорский пограничный конфликт и вопрос о судьбе албанских беженцев привели в мае 1911 г. к резкому обострению отношений между обоими государствами. В связи с сосредоточением значительных турецких сил вдоль черногорской границы ко-

¹ В советской историографии, как и в зарубежной, этот важный исторический этап перед первой Балканской войной не получил достаточного освещения; изучены лишь отдельные аспекты этого кризиса, причем в центре внимания исследователей стояли проблемы национально-освободительного движения албанского и других балканских народов (см. И. Г. Сенкевич. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М., 1959). В общем плане затронута, но не раскрыта позиция европейских и балканских государств в отношении Албанского восстания (эти сюжеты рассматриваются в монографии И. С. Галкина «Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905—1912». М., 1960 и П. В. Жогова «Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913 гг.». М., 1969). В настоящей статье автор останавливается на таких важных, но мало изученных вопросах как существо, составные элементы балканского кризиса 1911 г. и их взаимосвязь, определение его места и роли в цепи международных событий на Балканах, приведших к первой Балканской войне.

² Необходимо учитывать, что по административному делению Османской империи Албания никогда не существовала как цельная административная единица, территория ее была поделена между четырьмя вилайетами с преимущественно смешанным населением и только Шкодер имел однородно албанский состав.

роль Черногории Николай отдал приказ о призыве резервистов и о подготовке армии на случай мобилизации³.

Турция и Черногория оказались на грани войны, чреватой возможностями нарушения не только балканского, но и европейского мира. Взрывоопасная обстановка на Балканах определялась рядом факторов: подъемом национально-освободительного движения балканских народов за полное освобождение от турецкого гнета, за национальное объединение и создание национально единых государств, за претворение в жизнь принципа «Балканы для балканских народов». Наряду с этими справедливыми устремлениями балканских народов в этот период происходит рост националистических, захватнических устремлений правящих классов балканских стран, которые прибегали к помощи той или иной великой державы, усугубляя политические и национальные противоречия на Балканах. Дальнейшее разложение Турецкой империи, которую не смогла возродить младотурецкая революция, делало обстановку на Балканах еще более неустойчивой.

Одним из важнейших факторов, определявших положение в этом районе, являлся рост соперничества великих держав на Балканах на фоне усиления конфронтации двух империалистических группировок накануне мировой войны. Военное выступление балканских стран против Турции и угроза ее разгрома и раздела могли повлечь за собой вмешательство наиболее заинтересованных в балканских делах государств: Австро-Венгрии, России и Италии, что приводило в движение всю систему империалистических союзов в Европе⁴.

Сама Албания являлась объектом ожесточенного соперничества между Австро-Венгрией и Италией. В австрийских планах подчинения западной части Балканского полуострова Албания отводилось важное место. Через ее территорию должна была пройти проектируемая австрийцами железнодорожная линия на Салоники, которая обеспечила бы выход Австро-Венгрии к Эгейскому морю⁵. В Вене намеревались использовать Албанию для противодействия усилению балканских славянских государств и росту влияния России, с одной стороны, и экспансии Италии, с другой⁶.

Господствующие классы Италии стремились утвердить свое господство над восточным побережьем Адриатики, прежде всего в южноалбанской зоне, в целях установления итальянского преобладания на Адриатике и создания точки опоры для колониальной экспансии в Северной Африке. Ключом к достижению этой цели являлось овладение Валонией с прилегающими территориями⁷.

В албано-турецком конфликте Австро-Венгрия и Италия заняли двойственную позицию. Оба империалистических соперника были заинтересованы в ослаблении турецкой власти в этом районе и тайно инспирировали и поддерживали вооруженную борьбу албанцев против Турции, что соот-

³ «Международные отношения в эпоху империализма», сер. II, т. XVIII, ч. 1, № 24 (далее — МОЭИ).

⁴ Горцев и Влахов. Албанский вопрос. «Современник», 1912, № 7, стр. 334—335.

⁵ И. Г. Сенкевич. Там же, стр. 46—47; V. G e o r g e v i t c h. Les albanais et les grandes puissances. Paris, б/г., р. 255; Б а л к а н и к у с. Албанская проблема, Сербия и Австро-Венгрия. СПб., 1913, стр. 10.

⁶ «Албанский узел». Сб. ст. под ред. Ф. Ротштейна. М.—Л., 1925, стр. 108—109.

⁷ К. Э. К и р о в а. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). М., 1973, стр. 144—145; В. Л. Г л е б о в. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX в. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 15—16; З. П. Я х и м о в и ч. Русско-итальянские отношения накануне первой мировой войны. «Россия и Италия». М., 1972, стр. 143—144. G. V o l p e. Italia moderna, Firenze, v. 3, 1954, p. 31; C h. V e l a y. La gestion de l'Adriatique. Paris, 1915, p. 11.

ветствовало конечной цели их политики в Албании — установлению своего полного господства в этой области и отторжению ее от Турции. Однако в это время Австро-Венгрия и Италия не были готовы к немедленному разделу Турции и поэтому стремились ограничить размах Албанского восстания, опасаясь, что оно вызовет вмешательство балканских и европейских государств и преждевременную, с их точки зрения, постановку восточного вопроса. Для Австро-Венгрии расширение Албанского восстания было нежелательным также из-за проводившейся в тот момент политики улучшения отношений с Турцией и усиления влияния в Константинополе. В Вене опасались союза балканских повстанцев с балканскими государствами и поддержки его со стороны России, как и возможных попыток Италии упрочить свои позиции в Южной Албании⁸. Италию тревожила перспектива энергичного вмешательства в балканские события ее более могущественных соперниц — Австро-Венгрии и России, поэтому она попыталась связать, поставить в определенные рамки их действия, предложив заключить тройственное австро-итало-русское соглашение⁹. Все это привело к тому, что обе державы заняли формально позицию невмешательства, намереваясь косвенным путем контролировать восстание и использовать его в своих целях.

Интересы остальных европейских держав не были непосредственно задеты в Албании. Однако задачи их собственной политики на Балканах и Ближнем Востоке, союзнические обязательства не позволяли полностью устраниваться от албанских дел.

Для Германии расширение Албанского восстания было нежелательно, поскольку в ее планы входило военно-политическое и экономическое подчинение Турции. Поэтому в Берлине остерегались всего, что могло привести к распаду Турции или уменьению германского влияния в Константинополе. Албанское восстание представлялось нежелательным в Берлине, поскольку еще больше углубляло австро-итальянские противоречия в Тройственном союзе. На протяжении всего весенне-летнего кризиса на Балканах в 1911 г. позиция Германии оставалась неизменной: «миротворческое» давление на союзников — Австро-Венгрию и Италию, предупредительность по отношению к Турции и отклонение каких-либо предложений о европейском вмешательстве¹⁰.

Позиция Англии в отношении Албанского восстания 1911 г. во многом определялась новыми аспектами, характерными для ее ближневосточной политики в начале XX века: не оберегать во что бы то ни стало целостность Османской империи, ввиду успешной экспансии и усиления позиции Германии в этом районе. В Лондоне все больше склонялись к политике постепенной ампутации отдельных провинций Турции, облегчавшей самой Англии захват ее арабских и некоторых других владений. Первоначально британская дипломатия заявила о невмешательстве в албанские дела, но на завершающем этапе восстания совершила резкий поворот в своей политике и потребовала европейского вмешательства в поддержку албанцев¹¹.

⁸ «Documents diplomatiques français (1871—1914)» (далее — DDF), S. II, t. XIII, № 230, 336; П. В. Ж о г о в. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913 гг. М., 1969, стр. 61—62.

⁹ МОЭИ, № 221, 223, 288; G. V o l p e. Italia moderna..., v. 3, p. 111.

¹⁰ МОЭИ, № 102, 143, 161, 163, 221, 298; DDF, № 358; П. В. Ж о г о в. Там же, стр. 52—53, 62.

¹¹ МОЭИ, № 128, 132, 137, 139, 143, 147, 161; А. Ф. М и л л е р. Краткая история Турции. М., 1948, стр. 108—109; И. С. Г а л к и н. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции 1905—1912. М., 1960, стр. 147—149.

Политика Франции в этом районе была сориентирована в основном на более или менее активную поддержку своих союзников в обмен на поддержку ими интересов Франции в других частях света¹². Вместе с тем французский финансовый капитал имел весьма значительные интересы в Турции и в балканских странах, что определяло заинтересованность французского правительства в сохранении *status quo* в этом районе. Однако ввиду неустойчивого внутреннего положения и нового обострения марокканского кризиса Франция не играла активной роли в период балканского кризиса весны — лета 1911 г. В Париже притормаживались линии невмешательства, действовали крайне осторожно и осмотрительно, не желая портить отношений ни с Турцией, ни с балканскими государствами¹³.

Царскую дипломатию волновали в основном два вопроса: во-первых, не нарушит ли восстание *status quo* на Балканах и соотношение сил между Турцией и балканскими государствами и, во-вторых, в какой мере оно могло повлиять на проводившийся курс сближения с Константинополем. На первых порах, примерно до мая 1911 г., когда еще не успели выясниться характер, размеры и возможные международные последствия Албанского восстания, царское правительство считало, что с точки зрения русских интересов Албанское восстание не представит опасности, если оно сохранит характер внутреннего турецкого кризиса, не усложненного войной с одной или несколькими балканскими странами¹⁴. Для царской России этот кризис явился бы естественным продолжением исторического процесса разложения и ослабления турецкого государства. Албанское восстание сулило России и другую выгоду — ослабление влияния Австро-Венгрии и Германии в Константинополе. В Петербурге были уверены, что Австро-Венгрия не сможет остаться совершенно безучастной в албанском вопросе и прямо или косвенно будет поддерживать восставших, оказывая давление в их пользу на Турцию. По вышеуказанным соображениям царское правительство на первоначальной стадии Албанского восстания заняло позицию невмешательства, рассматривая его как внутреннее дело Турции¹⁵.

Таким образом, общей линией политики главных европейских держав по отношению к балканским событиям весны — лета 1911 г. было стремление к сохранению *status quo* в этом районе, они не были готовы к схватке за раздел Оттоманской империи. Эта общая позиция, однако, не исключала их вмешательства в албано-турецкую борьбу и назревавший конфликт между Черногорией и Турцией.

Позиция главных европейских держав оказала в конце концов сдерживающее влияние и на отношение правящих кругов балканских стран к событиям в Албании, рассматривавших их как удобный предлог для вооруженного выступления против Турции.

Самую большую активность проявляла Черногория. Географическая близость к восстанию, массовый наплыв албанских четников и беженцев в Черногорию, находивших теплый прием и помощь у местного населения, готового с оружием в руках поддержать борьбу албанцев, вызывали большую в сравнении с другими балканскими странами сопричастность к албанским делам¹⁶. В случае войны Черногории с Турцией, в Цетинье были уверены в поддержке России¹⁷. Все эти обстоятельства предопреде-

¹² DDF, № 234; В. Л. Г л е б о в. Там же, стр. 19—21; Ю. А. Б о е в. Ближний Восток во внешней политике Франции. Киев, 1964, стр. 55—56, 66—72; R. В е r n a r d. Essai sur l'histoire de l'Albanie moderne. Paris, 1935, p. 99.

¹³ DDF, № 226, 311; МОЭИ, № 48, 57, 87, 221.

¹⁴ МОЭИ, № 102.

¹⁵ Там же.

¹⁶ И. Г. С е н к е в и ч. Там же, стр. 180.

¹⁷ МОЭИ, № 6, стр. 10, прим. 3.

ляли линию поведения черногорского правительства, которое первоначально решило поддержать Албанское восстание в расчете, что назревающий конфликт с Турцией вызовет вмешательство европейских держав и принесет Черногории территориальные и иные выгоды¹⁸.

Прежде чем решиться на активные действия, черногорское правительство обратилось к соседним балканским государствам, пытаясь склонить Сербию и Болгарию к совместным действиям в помощь албанским повстанцам¹⁹, Сербское правительство, однако, заняло выжидательную позицию, оно не склонно было начинать войну с Турцией из-за Албании — объекта итало-австрийского соперничества, тем более, что основные интересы Сербии были сосредоточены в Македонии. Оно опасалось репрессивных действий со стороны Австро-Венгрии: занятия Новобазарского санджака, либо ее прямого нападения; приходилось учитывать также слабость Черногории как союзника и проблематичность поддержки со стороны России²⁰.

В Софии черногорские предложения нашли более благоприятную почву, хотя там и опасались нападения со стороны Румынии. Однако предупреждение России, а затем и Австро-Венгрии об их твердом намерении сохранить status quo на Балканах подействовали сдерживающим образом на болгарского царя Фердинанда²¹.

В результате Сербия и Болгария, а за ними и Черногория официально объявили о своем невмешательстве в дела Албанского восстания²². Нейтралитет Сербии и Болгарии был выжидательным. Оба правительства не скрывали, что в случае распространения восстания на македонские вилайеты они будут принуждены выступить в защиту их населения и объявить войну Турции²³. Для того, чтобы быть готовыми к подобному развитию событий, правительства Болгарии и Сербии в апреле 1911 г. предприняли шаги к заключению соглашения относительно размежевания в Македонии²⁴.

Тем временем отношения между Черногорией и Турцией обострились настолько, что война казалась неминуемой. В этих условиях наиболее активную «миротворческую» позицию заняла царская Россия, крайне обеспокоенная перспективой военного разгрома Черногории, что нанесло бы удар ее влиянию среди балканских славянских государств²⁵. Российское правительство настоятельно советовало черногорскому королю воздержаться от каких-либо шагов, могущих быть истолкованными как враждебные по отношению к Турции, или как поощрение албанских повстанцев²⁶. Одновременно оно послало в Константинополь весьма решительную ноту, в которой брало под свою защиту черногорское правительство и оправдывало его действия военного характера, расценивая их как «естественные» меры самообороны Черногории против положения, сложившегося на границе. В ноте содержалось требование, чтобы турецкое правительство незамедлительно заявило в решительной форме о своих мирных намерениях в отношении Черногории²⁷.

¹⁸ И. С. Г а л к и н. Там же, стр. 134; И. Г. С е н к е в и ч. Там же, стр. 180.

¹⁹ МОЭИ, № 6, 298, стр. 5, прим. 1; «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914», v. IX—I, № 469, 470.

²⁰ МОЭИ, № 6; DDF, № 161, 311.

²¹ DDF, № 155, 161, 167, 232.

²² МОЭИ, № 32, 40, 298; DDF, № 298, 311.

²³ МОЭИ, № 32, 75, 89, 298.

²⁴ МОЭИ, № 6, 631, 50, 65. К соглашению предполагалось привлечь Черногорию и Грецию, но лишь после того, как Сербия и Болгария достигнут договоренности по основным вопросам (см. МОЭИ, стр. 3—4, прим. 7).

²⁵ Там же, № 6.

²⁶ Там же, № 25.

²⁷ МОЭИ, № 27.

Тон русской ноты давал основания рассматривать ее как предупреждение в адрес Турции. Это впечатление усиливалось из-за нарочито некорректной формы доведения ноты до сведения турецкого правительства²⁸. Русская нота сразу же получила отрицательную оценку в европейской печати. Было решено отказаться от представления ноты в письменной форме и ограничиться только ее устным сообщением турецкому правительству, предварительно смягчив ее тон. Тем самым решительный демарш в защиту Черногории был в значительной степени ослаблен. Большинство европейских государств, исключая одну Францию (да и та с оговорками), отказались присоединиться к русской ноте, высказав мысль, что соответствующее внушение более уместно в Цетинье, чем в Константинополе²⁹. Чувствуя моральную поддержку Германии и Австро-Венгрии, турецкое правительство в своем ответе отвергло выставленные против Турции обвинения и всю вину за создавшееся на черногоро-турецкой границе положение свалило на Черногорию. Тем не менее в Петербурге сочли возможным признать ответ Турции удовлетворительным, поскольку он содержал мирные заверения в отношении Черногории³⁰.

Однако поскольку черногоро-турецкие отношения продолжали оставаться весьма напряженными и вновь могли привести к кризисной ситуации, русская дипломатия сочла необходимым уточнить свою позицию. Она разъяснила в Константинополе, что в Албанском восстании намерена строго разграничивать две стороны вопроса: внутреннюю — отношения Порты с повстанцами и внешнюю — отражение Албанского восстания на турецко-черногорских отношениях³¹.

Первая сторона Албанского восстания рассматривалась царским правительством как сугубо внутреннее дело Оттоманской империи, не подлежащее иностранному вмешательству. В связи с этим царская Россия сделала Порте заверения, что она намерена строго придерживаться этого принципа.

Что же касается внешней стороны, то за ней царская дипломатия признавала международное значение, так как она задевала интересы многих государств, в том числе и царской России. Последняя оставляла за собой право вмешательства всякий раз, когда обострение черногоро-турецких отношений грозило нарушить *status quo* на Балканах. Это вмешательство могло свестись к посредничеству между Турцией и Черногорией с целью предотвращения конфликта; или возвращению после него к *status quo anti bellum*, т. е. к тому же положению, что и до конфликта³².

Таким образом, в связи с тем, что Албанское восстание приобретало все больший размах и значение, царская Россия заняла позицию частичного вмешательства в события, грозившие вылиться в серьезные внешнеполитические осложнения на Балканах.

Вслед за Россией аналогичную позицию заняла Австро-Венгрия, выступившая в Константинополе в пользу албанцев-католиков. В венской официозной газете «*Fremdenblatt*» была опубликована напумевшая статья по албанскому вопросу, инспирированная австрийским МИДом. В ней подвергались суровой критике действия турецких войск в Албании, осуждалась их чрезмерная жестокость при подавлении восстания, брались

²⁸ Вопреки общепринятым международным нормам, содержание ноты первоначально было обнародовано СПб. телеграфным агентством. Позднее русский посол в Константинополе получил незашифрованный текст ноты и предписание сделать представление турецкому правительству.

²⁹ МОЭИ, № 40, 41, 43, 48, 57, 59, 87, 88.

³⁰ Там же, № 61.

³¹ Там же, № 132, 163, стр. 224—225, прим. 4, стр. 225, прим. 2.

³² Там же, № 208.

под защиту Австро-Венгрии албанцы-католики. Турецкому правительству советовали пойти на уступки восставшим и прекратить военные действия в Албании, создававшие чрезвычайно опасное положение на Балканах ³³. Выступлению в прессе предшествовало официальное представление идентичного содержания австро-венгерского посла в Константинополе турецкому правительству ³⁴.

Причиной поворота в политике Австро-Венгрии явились новые события в ходе Албанского восстания — выступление в начале июня 1911 г. меридитов, к которому явно была причастна Италия. При явной инспирации из Рима меридиты избрали временное албанское правительство и провозгласили независимость Албании. В Вене эти события расценили как усиление позиций Италии в Албании, что и определило линию поведения австрийской дипломатии.

Выступление австрийской дипломатии в защиту албанских повстанцев вызвало в свою очередь ответные действия Италии, начавшей сосредотачивать свои морские силы в Адриатическом море, вблизи южного побережья страны ³⁵. Черногорский король предупредил Петербург, что в случае австро-итальянских активных действий в Албании Черногория не останется в стороне ³⁶.

В Петербурге вновь забили тревогу и обратились к Австро-Венгрии за разъяснениями ее позиции в албанском вопросе. Получив заверения венского кабинета в том, что Австро-Венгрия не собирается нарушать *status quo*, в Петербурге решили не препятствовать вмешательству Австро-Венгрии в албанские дела, что неизбежно должно было привести к ухудшению ее отношений с Турцией и падению влияния в Константинополе ³⁷.

Недвусмысленные предупреждения Австро-Венгрии возымели действие на турецкое правительство, которое обратилось к повстанцам с предложением о десятидневном перемирии, после чего оно обещало предоставить амнистию всем, кто сложит оружие ³⁸.

С середины июня Албанское восстание вступило в свою завершающую стадию — стадию переговоров об условиях соглашения между Турцией и повстанцами. И на этом заключительном этапе происходила острая борьба между заинтересованными в албанском вопросе державами, стремившимися нажить себе политический капитал путем предложения своих посреднических услуг. В результате вновь последовали остроконфликтные ситуации, угрожавшие миру на Балканах.

В ходе переговоров с Турцией руководство албанских повстанцев предъявило Порте меморандум, содержание которого в основном сводилось к требованию предоставить Албании культурно-национальную автономию и местное самоуправление. Однако турецкое правительство выдвинуло компромиссное решение, согласившись удовлетворить только часть албанских требований. Переговоры затягивались.

Албанские повстанцы попытались добиться поддержки своих требований со стороны европейских держав. Они вручили текст меморандума представителям держав в Цетинье и направили специальное послание английскому правительству с просьбой оказать содействие в получении европейских гарантий ³⁹. Это обращение было немедленно использовано

³³ «Fremdenblatt», 8 VI 1911; МОЭИ, № 101.

³⁴ МОЭИ, № 114.

³⁵ МОЭИ, № 98, 101.

³⁶ Там же, № 98.

³⁷ Там же, № 102.

³⁸ Там же, № 104.

³⁹ Там же, № 139.

в Лондоне в качестве удобного предлога для вмешательства в ход переговоров в качестве «гуманного и незаинтересованного защитника» балканских народов. Предложение английского министра иностранных дел Э. Грея о вмешательстве в ход переговоров европейские державы, однако, не поддержали, предпочитая на этом этапе придерживаться выжидательной политики⁴⁰.

Русская дипломатия на заключительном этапе Албанского восстания сосредоточила свои усилия на том, чтобы предотвратить казавшуюся неминуемой черногоро-турецкую войну⁴¹.

Под влиянием царской России черногорский король в конце июня сделал официальное заявление о своем миролюбии и готовности допустить на своей территории у Подгорицы в лагере албанских беженцев переговоры между турецким посланником в Цетинье и укrywшимися в Черногории повстанцами. Однако само черногорское правительство уклонялось от любых переговоров с турецким правительством и продолжало поддерживать албанские требования⁴². В связи с этим в начале июля 1911 г. вновь возникла угроза вооруженного столкновения между Турцией и Черногорией. Все это всерьез обеспокоило европейские державы, опасавшиеся расширения политического кризиса на Балканах. Вначале в Вене, а затем в Риме пришли к заключению о необходимости международного вмешательства в целях предотвращения черногоро-турецкой войны. При этом предполагалось возложить международный мандат на наиболее заинтересованные в албанском вопросе европейские державы — Австро-Венгрию, Италию и Россию, которые должны были заключить соглашение о совместных действиях для того, чтобы не допустить нарушения *status quo* в этом районе⁴³.

Русская дипломатия отнеслась к этому предложению очень холодно и настороженно. Она предпочла уклониться от этого соглашения. Во-первых, после боснийских событий идея соглашения с Веной по балканским делам была окончательно скомпрометирована в глазах подавляющего большинства буржуазно-помещичьих партий России. Во-вторых, престиж Австро-Венгрии в Константинополе был сильно подорван из-за ее открытого покровительства повстанцам. Таким образом, совместное выступление с Австро-Венгрией поставило бы под удар все старания русской дипломатии расположить к себе Турцию⁴⁴. Курс на укрепление отношений с Оттоманской империей и завоевание доверия турецкого правительства был обусловлен опасениями царской дипломатии, что Албанское восстание и вызванный им кризис приведет в конце концов к военному выступлению балканских государств, вмешательству европейских держав и возможному краху Турецкой империи, что в свою очередь поставит вопрос о черноморских проливах. Вследствие военно-политического ослабления страны, в результате первой русской революции и русско-японской войны, царское правительство опасалось политических кризисов на Балканах и привлечения внимания держав к вопросу о проливах и было склонно придерживаться политики *status quo* в этом районе⁴⁵. Когда здесь возникала кризисная обстановка, в русском МИДе появлялись различные проекты об укреплении позиций России в этом районе. И на этот раз царская дипломатия рассчитывала, что взамен благоприятной позиции

⁴⁰ «British Documents...», v. IX—I, № 498; МОЭИ, № 132.

⁴¹ МОЭИ, № 108, 115, 131, стр. 117, прим. 1.

⁴² Там же, № 136.

⁴³ Там же, № 178, 181, 195, 198, 206.

⁴⁴ Там же, № 221, 239.

⁴⁵ К. Ф. Шацко. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968, стр. 90—109.

России по отношению к Турции ей удастся выговорить в Константинополе определенные компенсации в вопросе о проливах ⁴⁶.

В своем ответе австрийскому кабинету русский МИД сумел осторожно отклонить немедленное вмешательство держав в албанские дела, предложив дождаться истечения срока перемирия между Портой и восставшими. Только после этого царское правительство считало возможным приступить к посредничеству, но при условии предварительного согласия турецкого правительства ⁴⁷.

Выиграв таким образом время и оттянув своим отказом момент возможного вмешательства европейских держав в албанские дела, русская дипломатия направила все свои усилия на то, чтобы добиться прямого соглашения между Турцией и Черногорией и таким путем положить конец очагу напряженности на Балканах. С этой целью она оказала давление на черногорского короля ⁴⁸. В Цетинье предпочли не идти далее по линии обострения положения на Балканах, опасаясь соглашения между европейскими заинтересованными державами по балканскому вопросу, всегда достигавшемуся за счет интересов малых балканских стран. Черногорское правительство решило, наконец, непосредственно договориться с Турцией, которая в свою очередь, вследствие угрозы европейского вмешательства, согласилась на расширение уступок албанским повстанцам и Черногории ⁴⁹.

Прямым черногоро-турецким соглашением по албанскому вопросу, принятием Турцией части албанских требований и последовавшей после этого эвакуацией албанских беженцев из Черногории на родину был положен конец Албанскому восстанию ⁵⁰.

Балканский кризис весны — лета 1911 г. явился знаменательным во многих отношениях. Он показал, что национально-освободительное движение балканских народов вступило в новый этап — этап непосредственной вооруженной борьбы за окончательное освобождение от турецкого гнета и отмену устаревшей политической системы, установленной на Балканах Берлинским конгрессом 1878 г. Этому в немалой степени способствовал продолжавшийся распад Оттоманской империи, который младотурецкая революция 1908 г. не только не смогла предотвратить, но еще больше усилила в связи с политикой насильственной оттоманизации всех народов, входивших в состав Оттоманской империи. Явная неспособность турецкого правительства подавить вооруженным путем Албанское восстание, непосредственная помощь повстанцам и их поддержка со стороны балканских стран, вынужденное вмешательство европейских государств привели к тому, что восстание приобрело международный характер.

Политический кризис на Балканах заставил балканские государства вплотную приступить к созданию военно-политического объединения, завершеного весной 1912 г. образованием Балканского союза.

Новое ослабление и политическая изоляция Турции, продемонстрированные в ходе балканских событий 1911 г., побудили Италию начать в сентябре того же года войну с Турцией за захват ее североафриканских владений — Триполи и Киренаики, т. е. за фактический раздел ее неевропейских территорий.

Отношение к балканскому кризису 1911 г. обоих империалистических союзов показало их неготовность к мировой схватке и поэтому общую заинтересованность к сохранению status quo на Балканах. Вместе с тем

⁴⁶ МОЭИ, № 210, 253.

⁴⁷ Там же, № 206, 221.

⁴⁸ Там же, № 208, 251.

⁴⁹ Там же, № 251, стр. 266, прим. 1.

⁵⁰ Там же, № 300, стр. 305, прим. 4 и 5.

события на Балканах выявили наличие серьезных противоречий, недостаточной консолидации и согласованности политики между самими участниками империалистических блоков, чем объяснялась их общая позиция и скованность действий, не позволявшие ни одной из европейских держав существенно изменить сложившееся равновесие сил на Балканах в свою пользу.

Эта общая международная расстановка сил, на фоне которой развивался политический кризис на Балканах в 1911 г., не претерпела существенных изменений и к осени 1912 г., когда вспыхнула первая Балканская война. Однако изменились другие аспекты этого кризиса — произошло резкое ослабление военной мощи Турции в результате итало-турецкой войны и был заключен весной 1912 г. Балканский союз, — сыгравшие решающую роль в создании необходимых условий для начала совместной вооруженной борьбы балканских стран против Османской империи.

И. СВЕТЛОВ

МОНУМЕНТЫ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Коренные перемены, происшедшие в польском искусстве в годы народной власти, имели много аспектов. В скульптуре принципиально новым явлением был подъем монументального жанра. Этот продолжающийся по сей день прогрессивный процесс в наиболее концентрированном виде выражает новое отношение к задачам пластики, ее социальному содержанию, поискам современных реалистических форм. В Польше, как и в других странах, где одержало верх народовластие, возникла потребность в ином, нежели в период господства буржуазного строя, масштабе искусства. Среди многочисленных функций художественного творчества, утверждающего социалистические идеалы, особое значение приобрело раскрытие широты передовых общественных устремлений, патриотизма и гуманизма народных чувств. Своеобразие исторических судеб Польши усиливало потребность в творчестве, отражающем не роль узких социальных групп, а пробуждение к общественной активности многомиллионного народа.

В период господства буржуазного строя в Польше не было настоящих условий для монументального творчества. Конкурсы были немногочисленны и часто носили официозный характер. Но вместе с тем были и произведения, заслуживающие внимания. К ним можно отнести, например, известный памятник Шопену работы Шимановского, памятник ректору Краковского университета Юзефу Дитлю и рельефы для общественных зданий, исполненные Ксаверием Дуниковским, большие деревянные алтари Яна Щепковского, в которых при идилличности образов присутствует утверждение нравственной силы простого человека, красоты созидательного труда. Монументально-декоративный строй этих своеобразных панно, сочетающих обобщенные мотивы и картины деревенской жизни, безусловно, отличался от модных в ту пору салонно-камерных решений. О тяготении к монументальности свидетельствовал созданный Виттигом памятник генералу Совиньскому. Выразительность зрительных планов, благородная цельность форм и одновременно программное отсутствие приукрашенности способствовали тому, что этот памятник, ориентированный на традиции национальной романтики, стал одним из лучших образцов польского искусства межвоенного периода.

Работы скульптора З. Пронашко свидетельствовали о его поисках органической близости с народной художественной практикой в решении принципиальных творческих задач.

С особой силой обнаружилось это в созданной им статуе Мицкевича для Вильнюса (1926). Не случайно и ее исполнение в дереве, и использование приемов народной резьбы, и языческое начало образа, поэтизированные польскими искусствоведами. В окончательном виде предполагалось

В. Шимановский. Памятник Шопену в Лазенках. Восстановлен в 1958 г.

З. Пронашко. Голова Мицкевича, 1926 г.

выполнить статую из бетона. Для перевода ее в этот материал скульптор создал 12,5-метровую модель из сосновых досок. Мещански-клерикальные круги Вильнюса открыто выступили против памятника. Они не могли принять столь дерзкое, отходящее от канонов, произведение. Магистрат не разрешил воздвигнуть статую в черте города, и ее модель поставили на берегу реки. В 1938 г. разбушевавшиеся потоки реки унесли этот единственный в своем роде деревянный мемориал. «Польша потеряла тогда единственный в стране современный памятник, произведение огромного масштаба, впечатляющее пафосом большого стиля», — писал Здислав Кемпчинский¹.

Глубокое впечатление оставляет даже фотография памятника. Поставленная на травяной покров без всякого постамента, статуя вырастает из земли подобно гигантскому стволу. Граненые формы полос как ореол окружают лицо, лишь на первый взгляд напоминающее маску, но преисполненное духовным порывом. Ломкие складки драпировок, образуя у рук и подножия статуи ритмические узлы, обостряют всю пластику фигуры. Созвучные народному искусству простота, одухотворенность и выразительность форм памятника заставляют думать о нем как об одном из интересных образцов современной монументальной скульптуры. Такой широкий пластический синтез был бы немислим без экспериментальной работы, проделанной Пронашко в 20-е годы, без творческого освоения опыта кубизма и экспрессионизма. Но национальная концепция этого памятника связана не столько с формизмом, сколько с наследием польского романтизма.

Как замечает один из его теоретиков Леон Хвистек, «никогда не было разговоров о том, чтобы порвать с великой традицией прошлого, и если были спорадические вспышки гротеска, опиравшиеся на неожиданные деформации, то преобладали тенденции к монументализму, которые сконцентрировались в фигуре Мицкевича Збигнева Пронашко»². Наследие мастеров первых десятилетий XX в., как мы еще не раз убедимся, сыграло важную роль в развитии монументальной скульптуры в народной Польше.

В сегодняшней Польше монументализм стал одним из важных проявлений духовной жизни народа, осознания им своих идеалов, своего исторического пути. Создание памятников в стране окружено всенародным вниманием. Большие общепольские конкурсы на памятники жертвам Освенцима, воссоединению западных земель, героям Варшавского восстания, силезским повстанцам для Катовиц, Мицкевичу для Познани, Копернику для Фромборка и другие вызвали исключительный интерес и подъем гражданских чувств в широких слоях народа. Показательно в этом смысле и активное участие в конкурсах многих польских скульпторов. По всей стране — в Варшаве, Кракове, Гданьске, Гдыне, Быдгощи, в Поморье, на горах вблизи Карпат, в таких старых провинциальных городках, как Слуск, и в новых, связанных с современной индустрией, как Новая Гута, можно увидеть теперь произведения польской монументальной скульптуры, вдохновленные гражданскими темами.

В памятниках выдающимся сынам Польши с особой очевидностью прослеживается связь польской монументальной пластики с прогрессивными традициями национального искусства XX в.

Хотя на фоне бурного развития символических форм портрет в монументальной скульптуре Польши занимает более скромное место, в нем есть и убедительные решения и отчетливо выраженные прогрессивные тенденции. Яркие человеческие индивидуальности были и остаются сокровищницей Польши. Освоение художником его связи с социальным обновле-

¹ Цит. по кн.: J. P o l' i a k ó w n a. Formiści. Wrocław, 1972, s. 166.

² Ibid.

нием страны способствует плодотворной эволюции монументального портрета. Несомненно примечательны памятники Мицкевичу в Познани Л. Войтовича (1960), Мицкевичу в Гливицах (1957) и генералу Каролю Сверчевскому в Яблонках (1961) Ф. Стрынкевича, статуя Стефана Батория, созданная Вельтером (1965), памятники Броневскому в Плоцке и М. Новотке в Варшаве работы Г. Землы (соответственно 1971 и 1973). В каждом из них можно почувствовать своеобразное, по-своему интересное понимание портретного образа.

Возникает определенная монолитность тем. Больше всего в народной Польше воздвигнуто памятников выдающимся представителям национальной культуры и научной мысли: Мицкевичу, Шопену, Копернику. Обращаясь к личности и творчеству тех, кто символизирует духовный порыв народа, художники остро чувствуют свою причастность к гражданской истории страны. Создание таких монументов — плод многолетней серьезной работы. В них порой суммируются не только творческие возможности скульптора, но и опыт целого поколения мастеров.

Особенно активно польские скульпторы работают над образом Мицкевича, трактуя его широко и многопланово, показывая прогрессивные стремления поэта, его веру в будущее. Образ Мицкевича в творчестве польских монументалистов связан с движением — движением истории, современности, с потоком поэтических переживаний.

Привлек внимание состоявшийся в 1958 г. конкурс на памятник Мицкевичу для Познани. Результатом его явилась монументальная статуя, созданная Войтовичем. В ней отразились искания психологической содержательности в монументальной скульптуре, о которых мы еще будем говорить. Но доминировала в проектах совсем иная образность — романтическая. В проекте Дуниковского Мицкевич, высоко поднявший факел, — это маяк мысли, светоч, вспыхнувший во мраке и освещающий путь другим поколениям. Создавая чрезвычайно живописную, богатую светотенью лепку поверхности, мастер рассчитывал, что фигура Мицкевича будет отлита в бронзе. Беспokoйство фактуры в контрасте с монолитностью статуи должно было производить впечатление монументальной экспрессии.

В 1973 г. праздновалось 500-летие со дня рождения великого польского математика и астронома Николая Коперника. Юбилей Коперника был, в частности, отмечен в Польше появлением многих живописных и скульптурных произведений. В юбилейные дни было решено установить монумент ученому на его родине во Фромборке. Свыше 50 скульпторов и архитекторов прислали туда свои конкурсные работы. Первую и вторую премии получили проекты известного скульптора среднего поколения Мечислава Вельтера, которому и было поручено сооружение памятника. В 1973 г. он был открыт.

Другой памятник Копернику Вельтер поставил в Мексике. Уже сам факт такого заказа свидетельствует об уважении к польскому ученому, высокой оценке художественной культуры народной Польши. И в этом памятнике, воздвигнутом на одной из центральных площадей Мехико, Вельтер стремился к монументальности. Сохраняя монолитность, статику и даже подчеркивая элементы симметрии, Вельтер, однако, хочет сообщить скульптуре внутреннее движение. Это более всего ощутимо при рассмотрении изображения в профиль. Динамичность изображения усиливают падающие вниз тяжелые драпировки, изящно рисующийся на прямоугольнике груди силуэт руки. В фас статуя тоже по-своему выразительна: рука, держащая ландыш, гармоническая цельность волевого лица подчеркивают одну из главных тем памятника — тему духовной красоты и гуманистических стремлений.

М. Вельтер. Памятник Копернику в Торуне. 1973 г.

Эти романтические интонации появляются и в некоторых других произведениях Вельтера. Но чаще его путь к портретному монументу связан не с романтической символикой, а с отражением живых наблюдений, реалистическим познанием характеров. Много значит для Вельтера опыт станкового искусства. Создавая тот или иной памятник, он уделяет исключительное внимание работе над портретом. В нескольких его вариантах фиксируются стадии познания жизненного материала. Затем, когда один из портретов выбран за основу, начинается обогащение темы.

«Для меня нет предела углублению в натуру. Многие скульпторы боятся замучить портрет, чувствуют, когда необходимо прервать работу, чтобы сохранить артистичность. Для меня артистичность никогда не является конечной целью. Если есть возможность еще и еще раз вернуться к портрету, я это делаю. Ибо это проникновение в новый слой челове-

ского характера, опровержение того внешнего, наносного, что часто представляет лишь защитную реакцию и мешает понять суть натуры.

...Когда я делаю портрет, для меня это должно быть изображением именно данного человека и только»³. Эти слова скульптора помогают понять специфику, но не результат его творческого метода, ибо когда произведения Вельтера приобретают вид законченной вещи, они заключают в себе интересные ассоциации.

Обратимся к выполненной Вельтером статуе Стефана Батория. Автор по-своему подошел здесь к задаче исторического монументального портрета. Основная конструкция фигуры определилась под влиянием старой гравюры, в которой характерность явно преобладала над репрезентативностью. Обдумывая различные аспекты, стремясь передать мощь несокрушимой воли, Вельтер пришел к выводу о недостаточности какого-либо одного выразительного акцента. Как и при создании многочисленных скульптурных портретов, которые сейчас можно увидеть в его мастерской, он вновь и вновь обращался к натуре. Мотив старой гравюры, послуживший основой первоначального замысла, при сохранении общего рисунка «уточнялся», обретая плоть. Своеобразная застылость статуи — прием старого польского портрета XVII в. — воспринимается как указание на прошлое. Безымянными польскими мастерами навеян отчасти и контраст этой застылости с напряженностью психологической характеристики. Художник создает эмоциональную атмосферу, которая возвращает нас к мысли о драматических перипетиях польской истории. Дав оригинальный портрет одного из крупных деятелей польской истории, Вельтер еще раз продемонстрировал свою самостоятельность: антитезой помпезности и ложной величественности является здесь драматическая характерность.

Так во взаимном обогащении психологической углубленности и романтической символики развивается сегодня польский портретный памятник. В лучших произведениях монументального искусства символика все чаще становится способом претворения высоких художественных замыслов.

Хотя в монументальной скульптуре, как и в других областях польского изобразительного искусства, были различные периоды, ее главная линия на протяжении десятилетий развивалась именно на основе романтической символики. Популярность символических форм не удивительна, если вспомнить о сильной романтической струе, которая всегда ощущалась в национальном художественном творчестве, в польской поэзии — от Мицкевича до Тувима, а в скульптуре XX в. воплотилась в ряде произведений В. Шимановского, К. Дуниковского, З. Пронашко и художников более молодых поколений.

Принципиальными решениями 60—70-х годов в этом плане стали польские монументы борцам за освобождение Варшавы работы Мариана Конечного (1964), жертвам гитлеризма в Радогощи Тадеуша Лодзяны (1961), силезским повстанцам в Катовице Густава Землы (1967), в ознаменование освобождения Быдгощи и земли Быдгощской Франтишека Масыка (1969), павшим в годы второй мировой войны в Пулавах Адама Прочки (1963).

Они имеют свое значение в общественном и творческом аспекте, в поисках стиля и в истолковании национальных традиций.

Памятник Мариана Конечного поставлен в столице Польши, в ее реконструированном центре. Летящая женская фигура с мечом воспринимается среди свободных пространств площади как яркий пластический акцент. Как и другие произведения польской скульптуры, варшавская Ника многопланова в своем содержании.

³ Из беседы автора с М. Вельтером 16 октября 1973 г. Варшава.

Т. Лодзяна. Памятник жертвам фашизма в Радогоще. 1961 г.

Прежде всего о самом символе. Изображение женщин с мечом вошло в круг мотивов польского искусства. Оно стало эмблемой Варшавы. С этим городом у Мариана Конечного более всего ассоциируется тема борьбы. Все дальше отделившись по существу от эмблематики городского герба, скульптор пытался придать монументальному образу широту, напор, драматический пафос и силу непреклонного жизнеутверждения.

*А. Процки. Модель памятника павшим
в годы второй мировой войны в Пулавах.
1963 г.*

В работе Мариана Конечного можно проследить несколько линий. Восприятие времени соотносено здесь с различными традициями. Массивная, распластанная на постаменте и вместе с тем словно летящая вперед фигура имеет родство не только с мотивами античности. В ней с полной силой проявляет себя одна из особенностей романтизма с его интересом к необычному, стремлением к олицетворению стихийных сил. В мощном движении масс, экспрессивном жесте вытянутой вверх руки, благодаря острому соотношению горизонтали фигуры, силуэта развивающихся волос и занесенного над головой меча, возникает пластическое решение, проникнутое мыслью о борьбе, о неодолимом движении вперед. Силуэт фигуры, при всей своей барочности, в наиболее выигрышных аспектах по-современному ясен. Правда, скульптор не вполне последователен, в отдельных зрительных планах недостает пластической проработки, чувствуется тяжеловесность.

Однако находки перевешивают недостатки варшавского монумента Конечного. Среди них — удачное построение ансамбля. Варшавская Ника размещена в свободном пространстве площади, ограниченной по бокам зданием театра, проходящей ввиду транспортной магистрали и группой современных жилых домов. Она хорошо сопоставлена с торжественной массивностью комплекса варшавского Большого театра. Возможно, среди современной архитектуры Ника в новом плане раскрыла бы свою выразительность. Однако в контрасте со строгой классицистической архитектурой еще сильнее выявляется ее романтическая экспрессия. Этот контраст заключается в борьбе покоя и движения, уже устоявшегося — и нового, молодого. Впрочем, в пластике памятника есть и известная переключка с архитекту-

рой. Его весомый объем выдерживает сопоставление с массивом театра. Стелющаяся конфигурация здания получает поддержку в распластанной фигуре Ники и горизонтали меча. Так, один из лучших образцов польской монументальной скульптуры представляет интересное решение задачи синтеза. Варшавская Ника — взлет в творчестве Мариана Конечного.

М. Сова, И. Молин-Сова. Памятник жертвам фашизма в Лещинах. 1964 г.

И в других, лучших своих памятниках скульптор остается верен романтической символике. «Памятник — это громкий голос об эпохе, в которую мы живем», — говорит он. В динамической структуре монумента он видит средство прославить волю человека к борьбе и исканиям.

Романтическая выразительность присуща и творчеству других польских монументалистов. Памятник жертвам фашизма в Лещинах, создан-

ный Иреной Молин-Совой и Мефодием Совой, — еще один пример яркой экспрессии.

Отказавшись от постамента и пояснительных рельефов, эти скульпторы ярко раскрыли свой замысел в однофигурной символической композиции. Напряженная пластика выполненной в бетоне фигуры получает разрядку в движении вытянутой руки и запрокинутой головы. Экспрессивная интонация польской скульптуры особенно ярко проявляется в фигуративных символических монументах. По-видимому, эта линия для нее внутренне органична. Памятник в Лещинах заставляет вспомнить, например, ранние произведения Дуниковского. Примечательно не только сходство отдельных мотивов, но и сочетание строгой пластики с драматической экзальтацией образа. В манере исполнения памятника в Лещинах есть и общность с исканиями художников из социалистических стран. По монолитности форм и экспрессии силуэтов закономерно, например, сопоставление этой скульптуры с фигурами из мемориала в Саласпилсе.

Многообразен мир польской монументальной скульптуры, ее жанров, образов и форм. От изобразительной конкретности памятника художники нередко переходят к широким символам, важнейшее значение среди которых приобретают архитектурные формы. Сама по себе такая функция архитектуры возникла не сегодня. Арки и обелиски издавна украшали города, их площади и парки, символизируя человеческие свершения.

Обращение к архитектурной символике опирается на растущее углубление наших знаний о мире, распространение научно-технических достижений, приобщение к творческой деятельности новых и новых групп людей.

Конечно, проблема использования архитектуры в мемориале как средства высокого художественного обобщения сложна. Некоторые памятники, содержащие архитектурные мотивы, подверглись критике в польской печати за непродуманность пропорций, банальность силуэта и главное — отсутствие значительного замысла. Дает себя знать и другая тенденция, когда архитекторы ограничиваются примелькавшимися вариациями уже имеющихся форм обелисков, арок, мавзолеев, иногда созданных под влиянием неоклассицизма, иногда идущих от модерна.

С интересной статьей выступил в связи с этим известный польский скульптор Владислав Хасиор. Сопоставляя практику последних десятилетий с уже существующими ансамблевыми решениями, он указал на распространение стереотипов в польской мемориальной пластике.

«Он (художник. — И. С.) должен создать свой знак восхищения героизмом. Сегодня прежняя руина (XIX в.) заменена новой. Вместо многофигурной композиции введены ритмы каменных блоков, которым достаточно оказаться самой высокой доминантой окрестности, чтобы быть механически возведенными в ранг монумента. Если же избежать изображения человеческой фигуры не удастся, то, согласно принятому жаргону монументальной скульптуры, она предстает в каменных формах, от которых веет холодом и рутинной, или в пластических плоскостях, которые грубальностью и твердокаменностью своих упрощенных форм убивают любое чувство и теплоту воспоминаний о наших героях»⁴.

В полемическом задоре Хасиор подчас склонен отрицать выразительный лаконизм польской монументальной скульптуры, неповторимость ее образных обобщений. Однако он делает ряд верных замечаний о художниках-эпигонах, потакающих отсталым эстетическим вкусам.

⁴ W. H a s i o r. Nadgrobki narodowej pamięci. «Odra», 1971, № 6, s. 47.

Характер поисков в польской монументальной скульптуре, стремление к творческому использованию архитектурных форм определились под влиянием К. Дуниковского. Дуниковский уверенно шел к монументальному синтезу в своих композициях для городской архитектуры. Получили известность созданные им оформление костела иезуитов в Кракове (1911), памятник ректору Краковского университета Юзефу Дитлю (1938).

Дуниковский стремился к ансамблевым решениям. Построение боковых групп костела иезуитов, обобщенная пластика центральной фигуры Христа на фасаде отражали попытку связать скульптуру с архитектурой, с окружающим пространством. Характерен и цикл работ для Вавеля, в особенности самый их замысел. Хотя в условиях режима санации, все более обнаруживающего свою реакционную сущность, претворение идей широкого масштаба было крайне затруднено, мечта о монументальном синтезе оставалась для Дуниковского внутренней потребностью.

Закономерно, конечно, и то, что уже в первые годы после выхода из освенцимского ада Дуниковский проектирует памятники, прославляющие борьбу польского народа за свободу, против реакции и фашизма. В двух из них — силезским повстанцам на горе св. Анны (1949—1952) и освобождению варминских и мазурских земель в Ольштыне (1961) — его монументальные замыслы воплотились с особым эпическим размахом.

Оба эти произведения представляют собой комплексы, в которых использованы средства скульптуры, монументальной графики и архитектуры. Архитектура играет в них очень важную, порой определяющую роль. Памятник на горе св. Анны напоминает греческий храм. И одновременно строгие очертания столбов и перекрытий этой мощной архитектурной формы воспринимаются в своей лапидарности вполне современно.

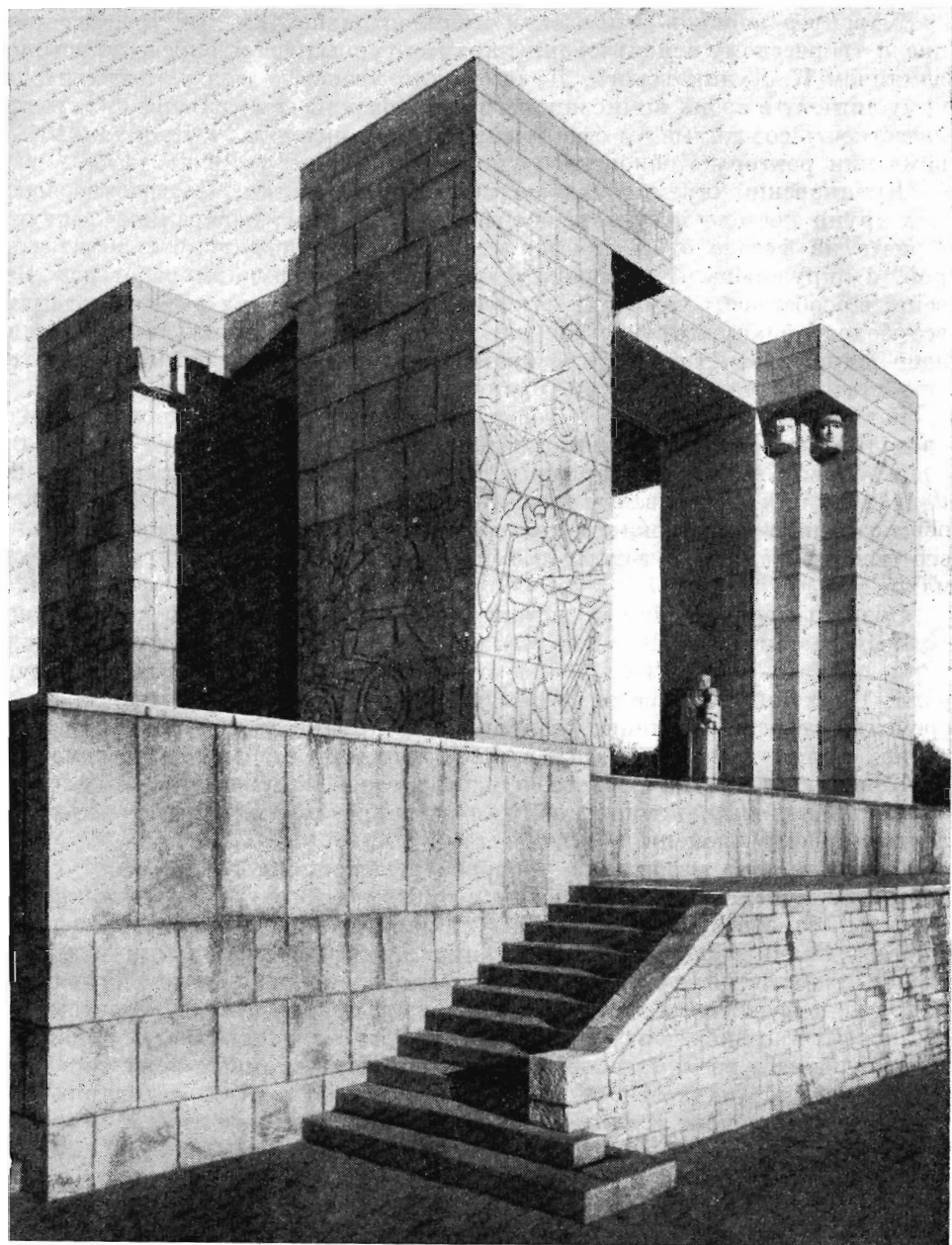
Конструкция Дуниковского, чуждая в своей монументальной простоте и функционализму, и мистицизму, в несравненно большей мере принадлежит нашему времени.

Основная тема памятника — борьба революционного народа. Воины, рабочие с пулеметами, знаменосцы с эмблемами труда и мира и другие картины, запечатленные в рельефах, навеяны событиями современной истории. Эти изображения созданы при помощи контуров, прорезанных по поверхности пилонов и залитых расплавленным металлом. Дуниковский удачно рассчитал зрительную нагрузку контррельефов на огромных плоскостях пилонов, нашел их динамику. В то же время строгая пластика кариатид на внутренних поверхностях пилонов усиливает тему торжественной монументальности. Мощный рустованный подиум, объединяя все элементы комплекса, усиливает фундаментальность памятника, отразившего исторические свершения.

К сожалению, в отдельных частях памятника, в частности в рельефах, сказалось влияние иллюстративности и схематизма, распространенных в ту пору в скульптуре. Сыграло роль, по-видимому, и то, что в связи с болезнью скульптор не мог собственноручно выполнить все изображения в натуральную величину.

С осмыслением судеб страны в монументальных работах Дуниковского неразрывно связано новаторство пластических решений. Сочетая древние традиции и свойственные XX в. поиски лаконичной конструктивности, он увидел в архитектуре средство символического воплощения больших идей. Скульптор обратил исключительное внимание на природное архитектурное окружение памятника, который он задумал как торжественный реквием в честь погибших.

Насыщенная образность, напряженный стиль монументов Дуниковского, представляющих своеобразный симбиоз архитектуры и пластики,

К. Дуниковский. Памятник повстанцам на горе св. Анны. 1952 г.

их активное вторжение в пространство остаются сегодня вдохновляющим творческим заветом. Развивать эту традицию стремятся многие.

С учетом широкого охвата пространства выбрано место и для памятника скульптора Ф. Душенко и архитектора А. Хаупта героям Вестерплатте (1966). Он находится на берегу морской бухты. Залив со стоянкой морских судов, индустриальный пейзаж из заводских труб на противо-

положном берегу, идущие за ним массивы леса, морские просторы позади — все это входит в орбиту образно-пластических связей возвышающегося на кургане монумента. Такое окружение подразумевает особую отчетливость художественного решения памятника. Авторы включили в свой комплекс ассиметричную архитектурную форму, пластические изображения, пространственно-планировочные элементы, литературные тексты. Повятна взволнованность художников, вдохновленных идеей прославить первых защитников польской земли от гитлеровского нашествия, подвиги польских моряков. В отдельных частях композиции, например в трактовке фигур воинов, они близки к монументальной лапидарности. Некоторые ракурсы памятника приобретают знаковую определенность. Интересно организованы подходы к нему со стороны парка. Приблизиться к монументу можно лишь пройдя развалины караульной будки, бетонный остов казармы, мемориальные плиты на солдатских могилах. К сожалению, композиция основного монумента перегружена многочисленными деталями, в особенности литературными надписями. Излишне натурально трактованы воинские атрибуты у подножия монумента.

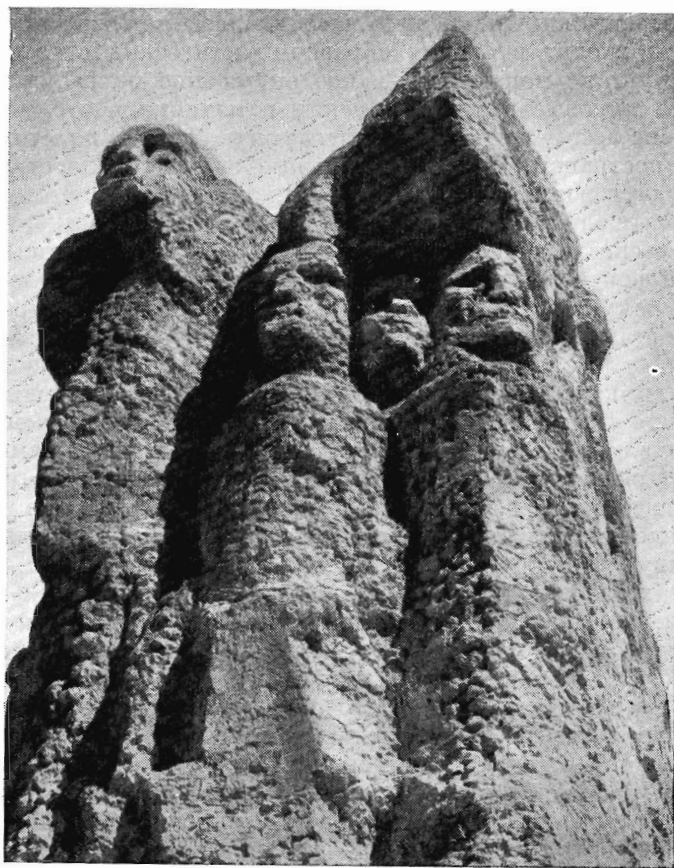
В последнее время в монументальном жанре возникают принципиально новые явления, связанные с попытками использовать предметные ассоциации, живую фактуру природы и сохранившиеся объекты, как, например, в местах бывших концлагерей.

...Камни, тысячи камней, каменный лес до самого горизонта. Нельзя оторвать взор от этого небывалого кладбища, символа страданий и разрушения. Камни отбрасывают на землю свои причудливые тени. На фоне неба вырисовываются их экспрессивные силуэты... В Треблинке художники отвергли привычные построения монументов и обратились к мотивам природы, объединив их в широком пространстве с потрясающим драматизмом. Из этой картины несколько выпадает лишь высокий архитектурный объем на месте сбора бывших узников лагеря. Все же остальное, включая подход к мемориалу — по узкой дороге мимо массивов лиственных деревьев, бетонные шпалы на месте бывшей железнодорожной колеи, яму, залитую черным базальтом, обозначающую место крематория-костра, воспринимается как широкий волнующий образ. В Треблинке возник новый и самобытный тип современного памятника.

Впрочем, при всей оригинальности решения появление комплексов, подобных Треблинке, не должно удивлять. Человек вступает в новые, более гибкие и более сложные отношения с природой и предметной средой. Искусство в последние годы участвует в этом процессе с возрастающей активностью.

В польской монументальной скульптуре показательны, например, памятники и проекты опытного мастера Богдана Хмелевского, в которых широко использованы мотивы природы. Памятник партизанам в Белостоке (1975) — как бы условное изображение деревьев, чья крона напоминает по своей фактуре облака. В другом проекте Хмелевского возникает иной символ природы — сидящий на дереве орел. Экспрессивен памятник, установленный в Белостоке (автор Л. Григорчук, 1975), — ритмически организованная группа стоящих на ступенях лестницы старых деревьев.

Каждая эпоха по-своему эстетически осознавала природу, интерьер, предметное окружение. Однако еще сто лет назад искусство осмысливало лишь относительно небольшую часть вещного мира. Новым, характерным для нашей эпохи, в особенности для 60—70-х годов XX в., стало необычайное расширение диапазона явлений. Сегодня объектом искусства становится огромное количество предметов, как давно существующих, так и возникших в процессе научно-технического развития.

В. Толкин. Памятник жертвам фашизма в Штутхофе (фрагмент). 1968 г.

Огромное значение имеет и другое. В Польше во всю силу проявила себя тоталитарная гитлеровская политика. Именно на польской земле были созданы самые страшные концлагеря. Драматическое разрушение материальной среды до сих пор остается в сознании народа. Изображенные в кинофильмах, на медалях и плакатах развалины Варшавы стали символом перенесенных страной страданий, ее героической борьбы. В памяти многих поляков остаются как еще совсем недавняя реальность куски лагерной проволоки, звук выстрелов, прожженные огнеметами стены. Все это также определяет особое отношение к изображению предметно-архитектурного окружения в польском искусстве. Художники подчас передают свой протест против варварства в формах, полных резких диссонансов. Это можно почувствовать не только в комплексе Трешлинка, но, например, в меньшей мере в памятнике узникам концлагеря Майданек в Люблине и мемориальной композиции в Штутхофе Виктора Толкина.

Драматичен памятник погибшим в Майданеке (1969). Уже издали видна эта экспрессивная в своих очертаниях форма, мрачная и громоздкая. Ее развороченная фактура, неожиданные пространственные разрывы создают тревожные диссонансы. Пронизанная драматическими тенями стихия бетонных масс воспринимается на фоне плывущих облаков как символ застывшего человеческого страдания, которое невозможно забыть.

Г. Земла. Памятник сilesким повстанцам в Катовицах. 1967 г.

Можно говорить о некоторой переусложненности подходов к основному памятнику. Чтобы подняться к нему, нужно вначале пройти в небольшие ворота к вечному огню, затем по углублению, выложенному крупными камнями. Это по-своему интересное обыгрывание фактуры и конфигурации каменных глыб, однако оно воспринимается, по отношению к властвующей над огромным пространством бетонной глыбе, как излишняя подробность.

Г. Земла. «Погибли — непобежденные». Варшава, 1973 г.

В планировке памятника использован принцип, впервые осуществленный в Бухенвальдском мемориале, а впоследствии в других комплексах, посвященных жертвам фашизма. Скульптурный памятник сознательно отделен от сохраненной с предельной достоверностью территории самого концлагеря. Обозревая монументальный бетонный рельеф, посетитель получает впечатление огромной эмоциональной силы, сквозь призму которого и воспринимаются в дальнейшем документальные свидетельства фашистских преступлений. Бетонная скульптура Толкина становится обобщением увиденного, незабываемым символом.

С архитектурно-строительной точки зрения, концентрационные лагеря представляют собой комплекс с однотипным набором построек и помещений. В Майданеке, расположенном на территории Люблина — одного из прекрасных польских городов, имеющего давние художественные традиции, богатую историю, облик гитлеровского концлагеря был сохранен в неприкосновенности. Ряды колючей проволоки с наблюдательными вышками, деревянные бараки с нарами, склады обуви и другого имущества, отобранного у заключенных или снятого с убитых, крематорий. Возле крематория виден высокий черный купол мавзолея. Целая гора пепла и костей хранится в этой гигантской погребальной урне, заставляющей почувствовать размеры трагедии, масштабы фашистского варварства. На куполе надпись: «Пусть наша судьба будет для вас предостережением».

В польской монументальной скульптуре звучат и оптимистические интонации, вдохновленные свершениями нашего времени. Как гимн борцам за свободу, романтическое устремление к новым горизонтам воспринимается монумент силезским повстанцам в Катовицах («Крылья»), созданный Г. Землой (1967).

Г. Земла. Памятник В. Броневскому в Плоцке. 1971 г.

Зритель постепенно открывает новые и новые аспекты образного воздействия памятника. Справа, когда памятник смотрится на фоне торца высокого жилого дома, четко рисуются два крыла, сверху проработанных в духе современных индустриальных ритмов, внизу же превращенных в складки знамени. Черный силуэт скульптуры напряженно звучит на фоне белого здания.

Здесь легко обнаруживается приверженность польских художников к контрастам. Возникает мысль и о связи символа Земли с мотивами сессии. Впрочем, черные крылья у него — не знак неизбежных роковых страданий, не мистический символ, а суровый реквием погибшим борцам, вливающийся в общую оптимистическую мелодию.

Чтобы приблизиться к памятнику, необходимо пройти по подземным переходам, ставшим одной из достопримечательностей Катовиц. В открывающиеся воздушные проемы видны суровые квадраты подиума и врезающиеся в небо черные крылья. Тут особенно чувствуется динамика масштабов изображения, красота пространственных разрывов.

«Одновременно, — пишет Ядвига Ярнушкевич, — это то, что успевает за духом сегодняшнего дня, вырастает из его действительности, из по-

требности его прогрессивной идеологии, это такое творчество, которое постановкой самых актуальных проблем, направляющей современного человека, углубляет его видение мира. Современное искусство окажется таковым, если может глубоко затронуть современного человека с его сегодняшней психологией и воображением, и в сегодняшних условиях»⁵.

К символическим памятникам близки некоторые портретные решения скульптора: Ощутима, например, связь между монументом в Катовицах и памятником поэту Владиславу Броневскому (1972). В пластической композиции, созданной Землой, как и в памятнике в Катовицах, есть мужественная напряженность.

Этот портретный монумент продуман во всех аспектах. Мотив знамен последовательно развивается в композиции. В фас живописность их фактуры усиливает динамику изображения. Движение знамен, улыбающееся лицо поэта создают ощущение приподнятости, весны, оптимизма. В других ракурсах ритм знамен становится более строгим. Их складки то равномерно следуют друг за другом, то объединяются, помогая овеществить в пластике тему стойкости, непоколебимости. Когда видишь памятник со стороны прилегающей улицы, эта торжественная простота архитектурных форм, их обнаженная конструкция обретают особую мощь.

И все же главная точка, откуда обзревается памятник, — фас. Овеваемый ветрами монумент возвышается над бегущей внизу рекой, венчая широкий марш лестниц. Земля создает образ поэта, вдохновленного своим временем, перспективой больших дел и мечтаний и вместе с тем это образ реальный, жизненно убедительный.

Памятник Броневскому воздвигнут в Плоцке — одном из тех городов, чей облик в годы народной власти решительно преобразился. С высокого склона, где стоит монумент Земли, можно увидеть трубы заводов, корпуса машиностроительных предприятий. Конструктивность, стройные ритмы, найденные скульптором, ассоциируются с этой сегодняшней новью индустриального Плоцка.

Именно на почве осознания художниками общественной роли искусства происходит сегодня развитие монументального жанра. Скульптурный монумент, издавна воплотивший память поколений о героическом подвиге, оказался одной из самых действенных форм, способных аккумулировать в искусстве гражданские чувства людей.

⁵ J. J a r n u s z k i e w i c z o w a. Pomniki. «Przegląd Artystyczny». 1956, № 1, s. 26.

А. А. ТУРИЛОВ

ПАМЯТНИКИ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ В СОСТАВЕ РУССКИХ БИБЛИОТЕК КОНЦА XV — XVII ВЕКОВ

(по материалам древнерусской библиографии)

Связи Древней Руси с южными славянами в области письменности и литературы являются одной из наиболее ярких страниц их культурных взаимоотношений. Южные славяне стояли у колыбели русской книжности в конце X — начале XI в. От них Древняя Русь получила не только переводную литературу, но и большое количество оригинальных произведений: жития славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, составленные их учеником Климентом Охридским, блестящие образцы церковного красноречия — торжественные слова Иоанна Экзарха и Климента Охридского, антиеретические сочинения Козмы Пресвитера.

Позднее, на рубеже XIV—XV вв., при воздействии памятников болгарской и сербской книжности происходит подлинная революция в русской письменности и литературе¹. Старое уставное письмо русских рукописей заменяется южнославянским полууставом, в житийной литературе XV—XVI вв. господствует стиль «плетения словес», восходящий на Руси к Пахомию Логофету, образцами проповедей считаются торжественные слова Григория Цамблака; вероятно, на рубеже XV—XVI вв. памятники сербской агиографии используются при составлении русского сочинения по всеобщей истории — Хронографа.

Но этот процесс не был односторонним. Русь в свою очередь способствовала возрождению славянской письменности и литературы на Балканах в XII—XIII вв. В тяжелые годы турецкого владычества в Болгарии и Сербии она стала второй родиной для многих славян-эмигрантов и сокровищницей общеславянских культурных ценностей. Поэтому важен вопрос о месте памятников южнославянской книжности в библиотеках Древней Руси. Вопрос этот давно и плодотворно разрабатывается, однако исследователи в своих трудах практически не используют такой интересный источник, как древнерусские библиографические материалы. Цель данной работы — проследить распространенность и до некоторой степени репертуар памятников южнославянских литератур в древнерусских библиотечных фондах, опираясь на опубликованные материалы древнерусской библиографии: описи библиотек монастырей, частных лиц и государственных учреждений и описания монастырей в составе писцовых книг.

¹ В. А. Мошин. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973, стр. 43—45.

Нужно заранее оговорить, что при использовании этого рода источников степень обобщения довольно ограничена. За редким исключением, что отмечал еще Н. К. Никольский², книга в древнерусских библиотечных описях выступает прежде всего как ценность материальная, а не культурная, чем обуславливается максимально краткая характеристика содержания³, а основное внимание обращается на внешние признаки: формат, переплет, оклад. Так как памятники литературы, о которых пойдет речь ниже, были, как правило, невелики по объему, несомненное наличие многих из них скрыто в описях за расплывчатым понятием «сборники».

Кроме того, древнерусские библиографические материалы далеко не однородны. Если даже оставить в стороне упомянутые уже «указцы» с их собственной спецификой, то и тогда картина будет весьма пестрой. Между описями библиотек таких крупных книжных центров, как Троицкий, Кириллов, Волоколамский, Соловецкий монастыри, и сведениями о рукописях в описаниях мелких монастырьков (не говоря уже о писцовых книгах) огромная разница в степени подробности. Различаются описи одной и той же библиотеки — так, например, опись библиотеки Волоколамского монастыря 1573 г. значительно полнее описи 1545 г.

Наконец, возможность обобщений ограничена регионально и хронологически. Подавляющее большинство описей относится к монастырям центральной и северной России. Новгородские и псковские обители представлены скорее в виде исключения поздними описями. В писцовые книги этих городов, составленные в XVI в., в отличие от писцовых книг центра страны, сведения о монастырях не внесены. Другим обстоятельством, ограничивающим степень обобщения, является то, что старейшие описи XV—XVI вв. сохранились от монастырей, чьи библиотеки формировались в период второго южнославянского влияния или после него, когда коренным образом изменился репертуар библиотек, сведения же о библиотеках монастырей, возникших до середины XIV в., относятся уже к XVII в., когда разница между старыми и новыми библиотеками значительно уменьшилась.

Сузив рамки статьи до рассмотрения лишь оригинальных памятников литературы, возникших на южнославянской почве, мы сознательно оставляем в стороне вопрос о сочинениях, переводившихся с греческого языка славянскими книжниками на Афоне и в Константинополе в XIII — начале XV в., составляющих неотъемлемую часть практически каждой монастырской библиотеки, поскольку из описей нельзя понять, святогорский или иной перевод лежит в основе данной рукописи. Для XVII в. существует еще одна трудность: из описи не всегда явствует, рукопись это или печатная книга⁴.

Лаконизм сведений, сообщаемых источником, лишает нас возможности выявить в составе древнерусских библиотек рукописи непосредственно южнославянского происхождения. По этой же причине пришлось отка-

² Н. К. Н и к о л ь с к и й. Описание рукописей Кириллова Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897, стр. XLVI.

³ Исключение составляют лишь постатейные росписи сборников Кириллова монастыря конца XV в. и «указцы» — месяцесловы, содержащие сведения о том, в какой книге библиотеки данного монастыря помещены тексты, необходимые для службы тому или иному празднику. Отсутствие в них сведений о материальной ценности книг объясняется их литургическим назначением. Но такие «указцы», во-первых, очень редки (Спасо-Прилуцкий 1584 г. и Волоколамский последней четверти XVI в.), а во-вторых, содержат сведения об ограниченном числе рукописей.

⁴ В. Н. Перетц указывал, что при распределении монастырских книг на рукописные и печатные возможна ошибка до 15—20 % (В. Н. П е р е т ц. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древней русской литературы. «Slavia», Praha, 1924, roč. 3, seš. 2/3, s. 343).

заться от постановки вопроса о наличии книг южнославянской печати в древнерусских библиотеках. Хотя сам факт знакомства русского общества с памятниками южнославянского книгопечатания и не вызывает сомнения — об этом свидетельствуют некоторые приемы печати и орнаменты первых московских изданий и, косвенно, послесловие Ивана Федорова к «Апостолу» 1564 г.⁵ — однако в описях библиотек известия о памятниках южнославянской печати не встречаются⁶. Изредка в описях бывает указание на сербское происхождение рукописи и никогда — на болгарское. Это может показаться странным, так как еще А. И. Соболевский писал, что болгаро-русские книжные связи на рубеже XIV—XV вв. были основными⁷. Объяснения могут быть различными. Так, А. И. Яцимирский на основании многолетнего опыта работы со славянскими рукописями утверждал, что «сербскими» назывались на Руси южнославянские книги вообще⁸. Необходимо помнить также, что на Афоне, одном из основных центров культурных контактов православных славян, главенствующее положение среди славянских обитателей занимал сербский Хиландарь, распространявший свое влияние на кириллическую книжность всей Святой горы. Кроме того, можно предположить, что в сербских рукописях, особенно доресавских, русский читатель и переписчик видел нечто для него непривычное и странное⁹, что заставляло его специально отмечать происхождение книги¹⁰.

Поскольку описи древнерусских библиотек существовали на протяжении двух с лишним веков (конец XV — начало XVIII вв.), а XVII в. был для русской культуры переходным временем, мы считаем возможным выделить при рассмотрении материала два этапа: конец XV — начало XVII в. (до «смутного времени») и XVII — начало XVIII в. Особому рассмотрению подлежат библиотеки частных лиц и государственных учреждений, так как первые отличаются, как правило, краткосрочностью своего существования (сравнительно с монастырскими), а состав их определяется в значительной мере интересами владельцев, репертуар же библиотек учреждений зависит от ведомственных нужд.

Древнейшим дошедшим до нас памятником русской библиографии является уникальное описание библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в. По подробности с ним могут сравниться лишь составленные столетием спустя Спасо-Прилуцкий и Волоколамский «указцы». Описание состоит из инвентарной описи библиотеки (212 книг) и двух подробных — черновой и белой — росписей сборников. В росписях

⁵ «...начат помышляти како бы изложити печатныя книги, яко же... и в Венеции...». Цит. по кн. «У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 218. Но здесь речь может идти и об изданиях, напечатанных латиницей.

⁶ Описи библиотек, начиная со второй половины XVI в. (т. е. со времени появления в них сведений о печатных книгах) достаточно четко разграничивают московские и литовские (под которыми понимаются и украинские) издания (в XVII в. понятие «печать литовская» заменяется «печатью киевской»). Сведений об изданиях южнославянских типографий не встречается. В тех случаях, когда место издания не указано, книгу все же вероятнее отождествить с восточнославянским, нежели с аналогичным южнославянским памятником печати.

⁷ А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 15.

⁸ А. И. Я ц и м и р с к и й. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 20—21.

⁹ А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература..., стр. 15; Н. П. Л и х а ч е в. Летописи и записи в рукописях и на книгах как генеалогический материал. СПб., 1900, стр. 3—9.

¹⁰ На аналогичную картину (выделение именно сербских книг из числа прочих славянских) для молдавских скрипториев XV в. указывал А. И. Яцимирский (Григорий Цамблак..., стр. 23—24).

приведены первые строки произведений, указаны месяц и день празднования, что свидетельствует о их богослужебном назначении¹¹.

Из интересующих нас книг в инвентарной описи можно отметить две — № 90 — «сборник сербской»¹² — сборник переводных слов и аскетических сочинений (оригинальных южнославянских произведений в нем нет, слово «сербской» относится к происхождению рукописи) и № 91 — «книга Григорьи Самблак»¹³ — сборник из 18 торжественных слов известного писателя и церковно-политического деятеля конца XIV — первой четверти XV столетия. Из произведений, входящих в состав других сборников и не вынесенных в заглавие рукописи, нужно указать десять слов того же Цамблака: на Воздвижение Креста¹⁴, на усекновение главы Иоанна Предтечи¹⁵, на Преображение¹⁶, пророку Илье¹⁷, на Рождество Богородицы¹⁸, сорока мученикам Севастийским¹⁹ и Димитрию Солунскому²⁰. В данном случае мы имеем дело с весьма ранними русскими списками творений этого автора²¹.

Наряду с сочинениями Цамблака, писателя для XV в. нового, в Кирилло-Белозерской библиотеке хранились произведения авторов, известных на Руси еще с домонгольских времен, книжников IX—X вв.: Климента Охридского (слово на Успение Богородицы²², слово в Лазареву субботу²³ и слово похвальное архангелам Михаилу и Гавриилу²⁴) и Иоанна Экзарха (слово на Преображение²⁵ и на Сошествие Святого Духа²⁶).

В целом южнославянский репертуар библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, одной из крупнейших библиотек Северо-Восточной Руси в XV в., сложившейся к тому же в период второго южнославянского влияния, удивительно скромнен. Это обстоятельство, кажущееся на первый взгляд странным, по-видимому, объясняется тем, что на раннем этапе (до середины XV в.) второго южнославянского влияния [главными проводниками которого являлись новые монастыри, основанные учениками и последователями Сергия Радонежского, митрополитчья (в особенности при болгарине Киприане) и некоторые епископские (Ростовская при Федоре Симоновском, племяннике Сергия) кафедры] наибольший интерес вызывали памятники аскетической литературы, переводившиеся с греческого на Афоне в XIII — начале XV в. Нелишним будет заметить, что имена крупнейших представителей южнославянских культур на северо-

¹¹ Н. К. Никольский. Описание рукописей..., стр. XLVI, LVI.

¹² Там же, стр. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 20, сб. № 1 белой подробной росписи.

¹⁵ Там же, стр. 38, сб. № 3.

¹⁶ Там же, стр. 66.

¹⁷ Там же, стр. 69.

¹⁸ Там же, стр. 76, сб. № 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 80; стр. 88, сб. № 10.

²¹ Появление торжественных слов Цамблака в русской книжности можно, однако, отнести ко второму южнославянскому влиянию лишь условно. Творения бывшего киевского митрополита (1406—1419) несомненно получили широкое распространение в Западной Руси, откуда они и могли попасть на Северо-Восток. Здесь стоит заметить, что в Кирилловской библиотеке, где в конце XV в. был даже отдельный сборник слов Цамблака (ныне утраченный), отсутствуют его агиографические описания, по тематике болгарские и сербские.

²² Н. К. Никольский. Описание рукописей, стр. 28, сб. № 1 белой росписи; стр. 48, сб. № 5; стр. 144, сб. № 23.

²³ Там же, стр. 33, сб. № 2; стр. 129, сб. № 20.

²⁴ Там же, стр. 50, сб. № 6; стр. 76, сб. № 8; стр. 143, сб. № 23.

²⁵ Там же, стр. 47, сб. № 5; стр. 53, сб. № 6; стр. 61, сб. № 7.

²⁶ Там же, стр. 45, сб. № 5; стр. 53, сб. № 6.

востоке Руси — митрополита Киприана и Пахомия Логофета, как правило, не связывались с распространением оригинальных памятников южнославянской тематики, хотя в Псалтири первого есть памяти болгарским святым. По-видимому, это объясняется тем, что они хорошо понимали интересы и потребности русского общества и миссию свою видели в воплощении святогорских идеалов.

Широкое распространение оригинальных памятников литературы южных славян (известных, очевидно, и прежде) происходит в древнерусской книжности, видимо, уже на рубеже XV — XVI вв. и в первой половине XVI столетия. Вряд ли случайно, что этот процесс почти следует за падением последних славянских государств на Балканах. Для беженцев с Балкан внесение памятников национальной культуры в культуру братской страны было средством и гарантией их сохранения. Нечто подобное уже наблюдалось в первой половине XV в., когда болгарские книжники бежали в долину Моравы под защиту сербского деспота Стефана Лазаревича. Для Московской же Руси этот возросший интерес был вызван изменениями в социально-политической и культурной жизни страны²⁷.

Опись библиотеки Соловецкого монастыря 1514 г.²⁸ являет собою новый этап в истории комплектования русских библиотек южнославянскими памятниками. Она очень лаконична, однако позволяет судить о состоянии библиотеки до вклада, сделанного в 1491—1494 гг. игуменом Досифеем, поскольку в ней выделены книги «казенные» и «Досифеева данья». Всего в описи значится 127 книг, 46 из них вложено Досифеем. Интересующие нас имеются только в этом вкладе. Это книги «Кузмя Прозвутер» и «Ивана Ексарха». Наличие первой из них особенно показательно. В 1489 г. новгородский архиепископ Геннадий, обеспокоенный деятельностью еретиков, писал ростовскому владыке Иоасафу: «Да и о том ми отпиши... есть ли у вас в Кирилове или в Фарафонтове или на Каменном... слово Козмы Пресвитера на новоявльщуюся ересь на богомилы, да послание Фотоя патриарха ко князю Борису Болгарскому... да Деонисеи Ареопагит, Занеж те книги у еретиков все есть...»²⁹. Нам не известно, где именно нашел владыка Геннадий нужную литературу (в кирилловском описании конца XV в. Козма Пресвитер не значится)³⁰, но в Новгороде начинается переписка этих книг, к новой жизни возрождается и сочинение болгарского писателя X в. Козмы Пресвитера, старейший полный сохранившийся список которого дошел до нас именно в составе библиотеки Соловецкого монастыря³¹.

В 1545 г. была составлена опись Иосифо-Волоколамского монастыря. К этому времени обитель «великого вещелюбца» Иосифа стала одним из крупнейших общепризнанных культурных центров России, тесно свя-

²⁷ В XVI в. к этим причинам прибавляется и династический интерес: вторая жена великого князя Василия III, Елена Глинская, по матери происходила из знатного сербского рода Якшичей (см. М. Н. Т и х о м и р о в. Иван Грозный и Сербия. В кн. М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1968, стр. 83—93). Для XVI в. характерно наличие литературных памятников южных славян именно в крупных библиотеках монастырей, связанных с великокняжеским (позднее — царским) двором.

²⁸ М. В. Кукушкина. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. АЕ 1970. М., 1971, стр. 356.

²⁹ ЧОИДР, 1847, кн. 3, стр. 56.

³⁰ Н. К. Никольский выдвинул предположение, что описание Кирилловской библиотеки явилось следствием письма Геннадия к Иоасафу («Описание рукописей...», стр. VI).

³¹ Сейчас список в ГПБ, Соловецкое собр., № 856; о связях Досифея с кружком владыки Геннадия см. Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель, игумен Досифей. ТОДРЛ, т. XVIII, Л., 1962, стр. 294—304.

занным с великокняжеским двором. Вероятно, именно здесь на рубеже XV — XVI вв. был составлен Русский Хронограф — сочинение по всеобщей истории, в основу которого наряду с переводами византийских хроник и русскими летописями легли памятники южнославянской агиографии³². Неудивительно поэтому, что опись 1545 г. содержит интересные сведения о памятниках южнославянской книжности. Так, в ней указаны: «Лествица в полдесть, сербская словет... Иоасаф сербской старои»³³. Кроме рукописей, созданных непосредственно южнославянскими писцами, в описи выделены книги, переписанные на Афоне (возможно и русскими): «Апостол в полдесть, святогорский словет» и «Лествица в полдесть, святогорская словет, по полем писано толкование»³⁴. Есть указания и на копирование афонских рукописей в монастыре: «Лествица в полдесть Дософеевская, а писана со святогорской... Лествица в полдесть нова, писана со святогорской»³⁵.

Из литературных произведений в первую очередь нужно отметить житие Саввы Сербского. В описи указано пять списков этого памятника³⁶. Личность Саввы, борца за чистоту православной веры, создателя самостоятельной сербской церкви, авторитет которого в делах управления государством признавали его родственники — сербские кралои, безусловно импонировала волоцкому игумену — непримиримому гонителю ересей и автору теории «симфонии» государства и церкви, просуществовавшей на практике почти полтора столетия. Один из списков жития дан в память известного общественного деятеля первой половины XVI в., «боярина-западника» Федора Карпова. В другом сборнике вместе с житием Саввы Сербского помещено житие деспота Стефана Лазаревича, созданное Константином Костенечским³⁷. Эта рукопись была вложена в Волоколамский монастырь при настоятеле Нифонте Кормилицыне (1522—1543)³⁸ калязинским игуменом Иоасафом (1517—1522)³⁹ около 1522 г. Кроме житий святых в описи указан сборник слов Григория Цамблака⁴⁰. Кроме того, преподобный Иосиф Волоцкий использовал в своих сочинениях житие Стефана Уроша Дечанского⁴¹. В целом библиотека

³² Жития Иллариона Мегленского, Саввы Сербского, Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича были использованы составителем Хронографа, вероятно, потому, что у южных славян летописный жанр не получил к XV в. достаточного развития, выживание же его происходило в рамках агиографического жанра, примером чего служат указанные выше и некоторые другие жития, приближающиеся по составу к хроникам (Благодарю А. И. Рогова за высказанное им мнение).

³³ В. Т. Георгиевский. Фрески Феррапонтова монастыря. СПб., 1911, приложение, стр. 13—14.

³⁴ Там же, стр. 13.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 14—15.

³⁷ Там же, стр. 15 («Сава Сербский в полдесть да брат его Стефан тут же»). Это, конечно, ошибка составителя описи. Житие Стефана Первовенчанного и служба ему были составлены после 1629 г. печским патриархом Паисием (см. Л е о н т и ј е П а в л о в и Ђ. Култови лица код Срба и Македонаца. Историско-этнографска расправа. Смедереве, 1965, стр. 52). Подлинное содержание сборника раскрывается из описи 1573 г.: Книга Савы Сербского. А в ней Стефан деспот (курсив наш. — А. Т.) да Федосей Печерский. Дача игумена Иоасафа калязинского при игумене Нифонте. ГБЛ, собр. Невоструева, № 37, л. 91.

³⁸ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 182.

³⁹ Там же, стлб. 448.

⁴⁰ В. Т. Георгиевский. Фрески..., приложение, стр. 15; «Книга в полдесть, Самлак словет».

⁴¹ Е. П. Наумов. Из истории русско-сербских средневековых связей (Второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). УЗИС, т. XXVI. М., 1963, стр. 37—47. В описи 1573 г.: «Книга Зонара словет от Моисейских книг. В начале писано в ней житие Стефана Сербского» (ГБЛ, собр. Горского, № 37, л. 84 об.).

Волоколамской обители даже по скудным данным описи 1545 г. кажется наиболее богатой творениями южных славян.

Опись Соловецкого монастыря 1549 г. прибавляет к рукописям, указанным в описи 1514 г., только одну: «книга Сава Сербской»⁴², хотя в целом книжный фонд вырос более чем вдвое (со 127 до 266 томов).

В описи Николо-Карельского монастыря 1551 г. (52 книги) памятники южнославянских литератур не указаны⁴³.

Среди 65 книг Антониева Сийского монастыря, описанного в 1556 г., значится житие Саввы Сербского⁴⁴.

В писцовой книге 1566—1568 гг. в Казани в числе книг архиерейского дома (106 томов) и Спасо-Преображенского монастыря (90 томов) южнославянские памятники не указаны⁴⁵. Нет их и среди 21 книги тотемского Спасо-Суморина монастыря, описанного в 1567 г.⁴⁶

По описи 1567 г. Коряжемского Никольского монастыря среди 106 книг значится «Сава Сербской в дещь на бумаге, волочен кожею, на угольники железо бело»⁴⁷. Указана эта книга и в описи 1586 г.⁴⁸. Появление жития Саввы Сербского в далеком северном монастыре можно объяснить тем, что среди вкладчиков Никольской обители были тесно связанные с царским двором торговые люди Строгановы, близ столицы которых — Сольвычегодска — и находился монастырь.

В библиотеке Соловецкого монастыря по описи 1570 г. среди 326 книг новых южнославянских памятников нет⁴⁹.

По описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, составленной в 1573 г., значилось 923 книги. К произведениям, указанным в описи 1545 г., прибавилось два списка жития Саввы Сербского⁵⁰, но в новой описи не упомянут сборник слов Григория Цамблака, известный по старой. Однако перечисленными в этих описях произведениями не ограничивается круг южнославянских литературных памятников библиотеки Иосифова монастыря во второй половине XVI в. В «указце»⁵¹ этой библиотеки, составленном, вероятно, не позднее 1580-х годов⁵², среди статей сборников значатся торжественные слова Климента Охридского (слово похвальное Димитрию Солунскому⁵³ и слово на Успение⁵⁴), Иоан-

Возможно, в описи 1545 г. она значится как «Зонара» (В. Т. Георгиевский. Фрески..., приложение, стр. 15).

⁴² М. В. Кукушкина. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. АЕ 1971. М., 1972, стр. 334.

⁴³ «Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией» (далее — АИ), т. I. СПб., 1841, стр. 283—286.

⁴⁴ Макарий, епископ Архангельский и Холмогорский. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. ЧОИДР, 1878, кн. 4, смесь; стр. 9.

⁴⁵ «Список с писцовых книг по городу Казани с уездом». Изд. К. И. Невоструев. Казань, 1877, стр. 12—17 и 31—32.

⁴⁶ П. Савваитов. Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря. Вологда, 1896, стр. 8—13.

⁴⁷ РИБ, т. XXXII, Пг., 1915, стлб. 461.

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Библиотека Коряжемского монастыря в 1586 г. «Библиограф», 1889, № 3, отд. 1, стр. 86—87.

⁴⁹ М. В. Кукушкина. Библиотека..., стр. 348—350.

⁵⁰ ГБЛ, собр. Горского, № 37, л. 91.

⁵¹ ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 423. В настоящее время рукопись не имеет заглавия, «указцем» она названа нами по аналогии с «Указцем книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря» 1584 г.

⁵² Полудестевой сборник житий новых чудотворцев, в начале которого помещено житие Иоанна Новгородского, назван в «указце» новым (ГБЛ, № 113, № 423, л. 3). Из приписок к описи 1573 г. известно, что этот сборник написан при игумене Евфимии Туркове (ГБЛ, собр. Горского, № 37, л. 76 об). Евфимий был игуменом дважды: в 1575—1583 и в 1585 гг. П. М. Строев. Списки иерархов..., стлб. 182.

⁵³ ГБЛ, ф. 113, № 423, л. 9 об.

⁵⁴ Там же, л. 46.

на Экзарха (слово на Пасху⁵⁵ и на Вознесение⁵⁶), Григория Цамблака (слово на Вознесение)⁵⁷, жития Иллариона Мегленского⁵⁸ и Стефана Дечанского⁵⁹.

Писцовая книга Коломны 1578 г. ничего не сообщает о южнославянских литературных памятниках в библиотеках Бобренева (61 книга), Брусенского (59 книг), Голутвина (123 книги) и Спасского (43 книги) монастырей⁶⁰.

Среди вкладов Никиты Григорьевича Строганова в родовой Благовещенский собор в Сольвычегодске по описи 1579 г., продолженной до 1613 г., видим: «Книга соборник в десть, 1-е слово... житие Савы Серьпскаго⁶¹. Книга соборник Цырблак (т. е. Цамблак), слова торжественные на праздники Владычные и великим святым... в полдесть⁶² ...Книга Прилог Ивана Эксарха о шести днях⁶³...»

В 1584 г. в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологодой книгохранителем Арсением Высоким был составлен интересный памятник древнерусской библиографии — «Указец в службе стало зеркало всякому книгохранителю и во веки»⁶⁴. В «Указце» по порядку церковного месяцеслова расположены статьи 40 монастырских сборников. По сравнению с описанием Кирилловской библиотеки, где в календарном порядке расписаны статьи внутри сборников, вологодский и волоколамский «указцы» являют собой прогресс: нужные произведения легче найти в общей росписи-месяцеслове.

В «Указце» означены житие Саввы Сербского, слово Григория Цамблака на предпразднество Рождеству и стихиры Иоанну Рыльскому и Арсению Сербскому. Последние помещены не в служебной Минее, а в Трефолое — сборнике избранных служб, что свидетельствует об интересе составителя к данным святым.

По писцовой книге Тулы 1587—1589 гг. в библиотеке Предтеченского монастыря (33 тома) южнославянские памятники не значатся⁶⁵.

Среди 149 книг костромского Ипатьевского монастыря, известных по монастырской переписной книге 1595 г., есть «Книга Сава Серьпский на бумаге»⁶⁶. В XVI в. монастырь получал многочисленные богатые вклады от московских боярских фамилий Годуновых и Сабуровых, чью родовую обителью он являлся.

По описи Соловецкого монастыря 1597 г. к бывшим прежде южнославянским памятникам прибавился еще один список жития Саввы Сербского, вложенный Иваном Грозным⁶⁷.

По писцовой книге Можайска 1596—1598 гг. в Якиманском монастыре — (47 книг)⁶⁸ памятников южнославянских литератур не было, в Лу-

⁵⁵ ГБЛ, л. 54 об.

⁵⁶ Там же, л. 56 об.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 9.

⁵⁹ Там же, л. 17.

⁶⁰ «Писцовые книги Московского государства» (далее — «Писцовые книги...»), ч. 1, отд. 1. СПб., 1872, стр. 324—325, 306—307, 329—331, 321—322.

⁶¹ П. С а в а и т о в. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор. СПб., 1886, стр. 43.

⁶² Там же, стр. 46.

⁶³ Там же, стр. 50. В настоящее время рукопись в ГБЛ, ф. 199, № 31.

⁶⁴ И. А. Ш л я п к и н. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого, 1584 г. СПб., 1914, стр. 5.

⁶⁵ Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII вв. (далее — МДИГ). Изд. Н. Николаев. М., 1881, стр. 16.

⁶⁶ «Переписные книги костромского Ипатьевского монастыря 1595 г.». ЧОИДР, 1890, кн. 3, смесь, стр. 33.

⁶⁷ М. В. К у к у ш к и н а. Библиотека..., стр. 356.

⁶⁸ «Писцовые книги...», ч. 1, вып. 1, стр. 635.

жицком же (где настоятелем был Макарий, позднейший митрополит всея Руси) среди 102 книг значится «книга житие Савы Серпскаго скорописная в полдесть на бумаге»⁶⁹.

К 1597 г. библиотека Антониева Сийского монастыря выросла до 178 томов⁷⁰, но из творений южных славян в описи по-прежнему значится лишь «Сава Сербский в полдесть».

В 1599 г. число книг Волоколамской библиотеки достигло 1112 томов⁷¹, но новые списки южнославянских произведений не появились.

В библиотеке вятского Успенского Трифонова монастыря по переписной книге 1601 г. среди 144 книг находилось «в тетратех житие Стефана да Лазаря серпских чудотворцев»⁷², в 1603 г. в Никольском на Лятке монастыре под Новгородом (75 томов)⁷³ южнославянских сочинений не значилось, а среди 176 книг старицкого Успенского монастыря, описанного в 1607 г., был «Шестоднев» Иоанна Экзарха⁷⁴, оставшийся после сосланного туда патриарха Иова.

Исследователи достаточно единодушны в своем отношении к монастырским библиотекам XVII в. — все они отмечают консервативный характер последних, уменьшение процента книг светского содержания по сравнению с предыдущим периодом⁷⁵. Однако для данной работы это обстоятельство не является препятствием, напротив, в силу указанных выше причин монастырские описи XVII столетия отчасти позволяют судить о библиотечных фондах XVI в. для монастырей, чьи ранние описи не сохранились.

Согласно описи свияжского Богородицкого монастыря, составленной в 1614 г., в его библиотеке в числе 252 книг имелось «житие Савы Сербскаго в полдесть»⁷⁶.

По писцовой книге 1621—1622 гг. среди 110 книг нижегородского Печерского монастыря было житие Саввы Сербского⁷⁷, в библиотеках же Благовещенского (53 тома), Происхожденского (21 том) и Сомественского (43 тома) монастырей южнославянские сочинения не значатся⁷⁸. Не было их, согласно писцовой книге Торжка 1625 г., в Воскресенском (21 том), Пустыньском (27 томов) и Рождественском (34 тома) монастырях⁷⁹. В том же году их нет в тобольском соборе святой Софии (37 книг)⁸⁰, не значатся они и в писцовой книге Твери 1626 г. среди книг архиерейского дома

⁶⁹ Там же, стр. 646.

⁷⁰ М. В. Кушк и на. Описи книг XVI—XVII вв. библиотеки Антониева Сийского монастыря. Материалы и сообщения по фондам Отдела редкой и рукописной книги Библиотеки АН СССР. Л., 1966, стр. 129—131.

⁷¹ Это устанавливается на основании приписок к описи 1573 г. ГБЛ, собр. Горского, № 37.

⁷² Н. Лихачев. Библиотека Трифонова Успенского вятского монастыря в 1601 г. «Книговедение», 1894, № 9/10, стр. 58.

⁷³ И. К. Куприянов. Опись монастыря Николая Чудотворца на Лятке. Известия Историко-археологического общества (далее — ИИАО), т. IV. М., 1863, вып. 5, стр. 426—436.

⁷⁴ «Описные книги Успенского Старицкого монастыря 7115—1607 г.». Старица, 1911, стр. 76—77.

⁷⁵ Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 143—170; С. П. Лупов. Книга в России в XVII в. Л., 1970, стр. 159—161; В. Н. Перетц. Описи монастырских библиотек..., стр. 348.

⁷⁶ Н. И. Суворов. Опись Свяжского мужского Богородицкого монастыря. ИИАО, т. IV. М., 1863, вып. 6, стр. 564.

⁷⁷ РИБ, т. XVII, СПб., 1897, стлб. 340.

⁷⁸ Там же, стлб. 347—348, 327, 325.

⁷⁹ «Писцовая книга Торжку 1625 г. Памятная книжка Тверской епархии на 1865 г.». Тверь, 1865, стр. 24, 22, 19.

⁸⁰ Тобольск. МДИГ. (Изд. И. Н. Николев). М., 1885, стр. 21—22.

(78 томов) и Отроча монастыря (42 тома, есть и пергаменные)⁸¹. Много книг могло погибнуть во время пожара в Твери в 1616 г., когда у Спасского собора «главы и внутри выгорело и от пожара попортилось»⁸². Нет их и в писцовой книге Вологды 1629 г., где описаны книги архиерейского дома (84 тома) и Ильинского монастыря (36 томов)⁸³. Не упомянуты они и в сотной книге 1630 г. Устюга Великого при описании библиотек Архангельского (46 томов) и Ивановского (24 тома)⁸⁴ монастырей.

Среди 94 книг, значащихся по описи патриаршей ризницы 1631 г., есть житие Саввы Сербского⁸⁵. В описи же 1636 г. библиотеки тверского Жолтикова монастыря (39 томов)⁸⁶ литературные памятники южных славян не значатся. Нет их также в описи даниловского Преображенского монастыря, составленной при его упразднении в 1640 г. (21 том)⁸⁷ и в описях суздальского Спасо-Евфимиева (1650 г., 304 тома)⁸⁸ и курского Покровского Карповского (30 томов)⁸⁹ монастырей и тобольского Софийского собора (100 томов)⁹⁰ 1651 г.

Своеобразным итогом фиксации средневековых книжных богатств в России XVII в. явилось составление в 1653 г. по указанию патриарха Никона колоссальной «Описи книгам, в степенных монастырях находившимся»⁹¹, назначение которой не совсем ясно до сих пор. Несомненно, что задачи ее были значительно шире простой потребности в текстах для исправления богослужебных книг. В пользу этого свидетельствует наличие в «Описи» таких книг, как «Троя» (№ 1152), «Ихнилат» (№ 2186) и других, издавать которые в то время вряд ли кто-либо собирался. Возможно, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной событиям конца XV в., когда новгородский владыка Геннадий искал в ростовской епархии необходимую для полемики литературу. Изменились масштабы поиска: нужные книги ищут не только в заволжских монастырях, а и в крупнейших хранилищах всей страны. Возможности патриаршей ризницы при предшественнике Никона, как мы видели выше, были ограничены, а энергичному и образованному патриарху книги были необходимы как для полемики с противниками церковных реформ, так и для обоснования своего варианта теории «симфонии» государства и церкви с его знаменитой формулой «священство выше царства». В тогдашней системе аргументации авторитет освященного древностью письменного слова играл главенствующую роль. «Опись книгам» явилась лишь одной из составных частей деятельности патриарха по созданию крупной централизованной библиотеки. В это же

⁸¹ «Выпись из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева». Тверь, 1911, стр. 5—6, 127—128.

⁸² В. Н. Стржегов. Дозорная книга Твери 1616 г. Тверь, 1890, стр. 3.

⁸³ Источники по истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вып. 1. Вологда, 1904, стр. 12, 15—16, 132—133.

⁸⁴ Устюг Великий. МДИГ. (Изд. П. Боцяновский). М., 1883, стр. 39, 40.

⁸⁵ А. Е. Викторов. Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875, стр. 98.

⁸⁶ А. И. Яцимирский. Опись библиотеки и части ризницы Жолтикова тверского монастыря 1636 г. «Библиографическая летопись», т. III. Пг., 1917, стр. 96—97.

⁸⁷ А. А. Титов. О монастырях и пустынях упраздненных. В кн.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахромееву, вып. 5. М., 1906, приложение, стр. 202.

⁸⁸ И. А. Шляпкин. Описание рукописей Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. СПб., 1881, стр. 64—73.

⁸⁹ Н. П. Голдцын. Монастыри Курской губернии. «Курские губернские Ведомости», 1856, № 48, часть неофициальная, стр. 307.

⁹⁰ М. Петровский. Из истории сибирского епархиального быта. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете, т. 27, вып. 2. Казань, 1911, стр. 153—156.

⁹¹ «Опись книгам, в степенных монастырях находившимся». ЧОИДР, 1848, VI, смесь.

время по поручению Никона отправляется на православный Восток Арсений Суханов, в результате поездки которого возникло великопепное греческое собрание патриаршей библиотеки. Он отобрал на Афоне 58 славянских книг, из них большую часть привез сам, а остальные были доставлены в Москву в 1654 г. настоятелями афонских обителей⁹² (в их числе — знаменитая рукопись Шестоднева Иоанна Экзарха 1263 г.). Некоторое количество рукописей и среди них сборник житий сербских святых привез с собою в Москву в мае того же года сербский патриарх Гавриил, намереваясь издать их в России⁹³.

«Опись книгам» составлялась на основе монастырских отписных книг 1620—1650-х годов выборочно (в нее вошло от 8,3 до 55% книг, значившихся в монастырских описях)⁹⁴ и достаточно поспешно: в ней не учтены богатые собрания Соловецкого и Сийского монастырей, а опись книг переславского Данилова монастыря помещена дважды (по переписным книгам 1636 г. — № 1798—1816 «Описи» и 1640 г. — № 2636—2654). Всего в ней учтено 2647 книг 38 монастырей⁹⁵.

В половине монастырских библиотек⁹⁶ памятники южнославянских литератур не значатся. Это обстоятельство требует объяснения. Возможно, что в ряде случаев эти произведения находились в составе безымянных «сборников», иногда, быть может, рукописи, содержавшие южнославянские творения, не интересовали составителей «Описи книгам» и в выборку не попали. Кроме того некоторые библиотеки пострадали в период иностранной интервенции начала XVII в. и еще не успели восстановить свои фонды. К сожалению, для большинства этих библиотек проверка более поздними описями исключена.

Среди 411 книг библиотеки Троице-Сергиева монастыря, описанных настолько подробно, что иногда указан даже тип заставок в рукописях (№ 1—411 «Описи книгам»), находим книги: «в десть на бумаге Савва Сербский» (№ 206), «в полдесть Ивана Экзарха, в начале „что краснее“» (№ 289), «в полдесть скорописная, в начале Козмы Пресвитера беседы на новоявляющуюся ересь» (№ 406).

В описи Чудова монастыря (1637, 201 том) значатся «книга Сава Сербский» (№ 458) и «книга Эксарх» (№ 588).

В 1635 г. в Кирилловской библиотеке было «две книги Саввы Сербского, одна Гурьева письма Тушина⁹⁷, другая соборная в затылке» (№ 916—917) и известный еще с конца XV в. сборник слов Цамблака (№ 983).

В Иосифо-Волоколамском монастыре (1648) значатся пять списков жития Саввы и один — Стефана Сербских, известные по описям XVI в.

⁹² С. А. Белокуров. Собрание патриархом Никоном книг с Востока. «Христианское чтение», 1882, № 9/10, стр. 38—39.

⁹³ Там же, стр. 32—33.

⁹⁴ С. П. Лушпов. Книга в России..., стр. 155—157.

⁹⁵ С. П. Лушпов в своем труде на стр. 155 говорит о 39 монастырях, не учитывая, что данные о Даниловском монастыре дублируются.

⁹⁶ Это монастыри: Спасо-Евфимиевский (1636, № 1176—1239 «Описи»), Симонов (1638, № 1240—1257), Корнилиев Комельский (1630, № 1275—1318), Калязинский (1630, № 1319—1342), Спасо-Каменный (1628, № 1382—1460), переславский Никитский (1639, № 1518—1530), костромской Богоявленский (1643, № 1624—1663), владимирский Рождественский (1637, № 1664—1756), Павлов Обнорский (1633, № 1757—1798), Псково-Печерский (1627, № 1817—1876), Горицкий переславский (1648, № 2001—2017), Спасо-Ярославский (1650, № 2305—2351), Угрешский (1643, № 2352—2370), Спасский Рязанский (1637, № 2519—2570), Успенский Тихвинский (1634, № 2519—2570), Макарьев Желтоводский (1639, № 2571—2586), Новгородский Духов (1628, № 2587—2605), Троицкий астраханский (1637, № 2606—2635), Глушицкий Покровский (1639, № 2655—2666).

⁹⁷ Кирилловский инок (в 1484 — игумен), нестяжатель, книгописец конца XV — первой четверти XVI в.

В 1638 г. в библиотеке ростовского Богоявленского монастыря была «книга Иоанна Экзарха в полдесть» (№ 1256), значилась она в 1650 г. и среди книг Пафнутьева боровского монастыря (№ 1151), эта же книга указана среди 57 томов Спасо-Прилуцкого монастыря (1633, № 1498), но нет сведений о житии Саввы Сербского, упомянутом в «Указце» 1584 г.

В 1627 г. в рязанском Солотчинском монастыре среди 39 книг имелось житие Саввы Сербского (№ 1350). Эта же книга была в библиотеках новгородских Антониева (1636, № 1947) и Хутынского (1638, № 1895), переславского Данилова (1636, № 1813—1814), московских Богоявленского (1637, № 1587) и Новоспасского (1638, № 629), Борисоглебского под Ростовом (1638, № 1556), нижегородского Печерского (1642, № 1173, известно по писцовой книге 1621—1622 гг.), казанского Преображенского (1642, № 2107, 2110), костромского Ипатьевского (1643, № 1616, значится в описи 1595 г.), Ферапонтова (1646, № 2390, 2448) и свияжского Богородицкого (1648, № 2501, есть в описи 1614 г.) монастырей.

Описания монастырских библиотек, составленные во второй половине XVII — начале XVIII в., практически не меняют общей картины. Южнославянские памятники не значатся в описи 1660 г. суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (163 тома)⁹⁸. Нет их и в описях Кирилло-Новоозерского (1662, 97 книг)⁹⁹ и Ферапонтова (1665, 345 томов)¹⁰⁰ монастырей. В описях 1668 и 1682 гг. Коряжемского монастыря¹⁰¹ значится известное с XVI в. житие Саввы Сербского. В описи Адриановой Пошехонской пустыни (1670, 155 книг)¹⁰² южнославянские творения не значатся. Нет их и в переписных книгах 1674—1676 гг. балахнинского Покровского (58 томов)¹⁰³, Корнилиева Введенского (360 книг)¹⁰⁴, углицких Алексеевского (66 книг) и Воскресенского (41 том)¹⁰⁵, устюжского Спасского (43 тома)¹⁰⁶, юрьевец-повольских Воскресенского Ломова (37 книг), Кривоозерского Троицкого (46 книг) и Преображенского (34 тома)¹⁰⁷ монастырей. В Богоявленском монастыре того же Юрьевца среди 60 книг было житие Иоанна Рыльского и служба ему¹⁰⁸.

По описи 1676 г., составленной после «соловецкого сидения», заметны перемены в сравнении с 1597 г. Число книг в библиотеке достигло 1478 томов. Помимо уже известных списков жития Саввы Сербского и «Шестоднева» Иоанна Экзарха появились три новых списка «Шестоднева» (один в конволюте с житием Саввы Сербского). Под № 412 значится «Казма Пресвитер», вложенный в монастырь еще в 1491 г.¹⁰⁹

Станным кажется отсутствие южнославянских сочинений в описи Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 1680 г.¹¹⁰. Монастырь был

⁹⁸ К. Т и х о м и р о в. Опись книгам, хранившимся в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре в 1660 г. Временник ОИДР, т. V, М., 1850, стр. 41.

⁹⁹ В. Н. П е р е т ц. Описи монастырских библиотек..., стр. 343.

¹⁰⁰ Там же, стр. 346.

¹⁰¹ Там же, стр. 347.

¹⁰² Там же, стр. 343.

¹⁰³ «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XV, вып. 1. Н. Новгород, 1915, стр. 18—19.

¹⁰⁴ В. Н. П е р е т ц. Описи монастырских библиотек..., стр. 343.

¹⁰⁵ «Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии», вып. 2, М., 1892, стр. 109—113, 103.

¹⁰⁶ Устюг Великий, стр. 73.

¹⁰⁷ «Костромская старина», вып. VII. Кострома, 1912, стр. 54, 57—58, 29.

¹⁰⁸ Там же, стр. 16. Вероятно, это киевское издание 1671 г., так как в описи оно помещено среди печатных книг.

¹⁰⁹ С. А. Б е л о к о р о в. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676). ЧОИДР, 1887, кн. 1, отд. 5, смесь, стр. 11—34.

¹¹⁰ А м ф и л о х и й, архимандрит. Выписка из подробной описи Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 1680 г. ИИАО, т. IV, вып. 1. СПб., 1863, стр. 26—39.

любимым детищем патриарха Никона и его резиденцией в 1658—1663 гг. во время добровольного изгнания. Там и в самом деле имелось два списка «Шестоднева» Иоанна Экзарха, но в 1675 г. они в числе 551 книги¹¹¹ были переданы в патриаршую казну, где и значились по описи 1718 г.¹¹²

Нет южнославянских творений в библиотеках романовского Новопокровского (1679, 27 томов)¹¹³ и Глушицкого Покровского (1683, 145 томов)¹¹⁴ монастырей и Макарьевской, приписанной к Павло-Обнорскому монастырю, пустыни (1683, 31 том)¹¹⁵. В самом же Павлове монастыре в числе 313 книг было «две книги о шти днех, писмяные в полдесть, в одной книге в начале Иоанн Ексарх»¹¹⁶.

По писцовым книгам Сольвычегодска 1684 г. в ризнице Благовещенского собора в числе 52 томов значился «Иван Ексарх»¹¹⁷. В новой описи нет жития Саввы Сербского и сборника слов Григория Цамблака, указанных в описи 1579 г. Судьба их неизвестна, так как их нет уже в описных книгах 1645 г.¹¹⁸, но в приписках к описи 1579 г. в число пропавших в Смутное время они не внесены.

Южнославянские памятники не значатся в описях Рязанского Богословского (1673—1687, 61 том)¹¹⁹ и муромского Борисоглебского (1689, 48 томов)¹²⁰ монастырей.

В числе 690 книг Антониева Сийского монастыря (1690)¹²¹ кроме жития Саввы Сербского, известного по описям XVI в., значится «книга Космы пресвитера прение с еретики». В целом за столетие библиотека выросла более чем втрое. В XVII в. монастырь был крупным культурным центром, здесь велась интенсивная переписка книг.

В 1696 г. среди книг новгородского Антониева монастыря (176 томов)¹²² памятников южнославянских литератур не было. Возможно, что указанное в «Описи книгам» житие Саввы Сербского было взято вместе с другими древними книгами из монастыря по указу Никона в бытность его новгородским митрополитом.

В 1701 г. южнославянских сочинений не было в библиотеках боровских Пафнутьева (244 тома) и Рождественского (21 том)¹²³, переславских Данилова (117 томов)¹²⁴ и Никитского (105 томов)¹²⁵ монастырей и Софийского собора в Тобольске (78 томов)¹²⁶. Нет их и в книжных собраниях

¹¹¹ В. М. Ундольский. Опись книгам, составленная справщиком Евфимием и иеромонахом Иакифом. ЧОИДР, 1846, кн. 5, стр. 1—20.

¹¹² С. Полуденский. Описание патриаршей библиотеки 1718 г. «Русский архив», 1864, приложение, № 450 и 468.

¹¹³ А. А. Титов. О монастырях..., стр. 174.

¹¹⁴ В. Н. Перетц. Описи монастырских библиотек..., стр. 343.

¹¹⁵ Н. И. Суворов. Опись Павлообнорского монастыря Вологодской епархии 1683 г. ИИАО, т. 5, СПб., 1865, стр. 307.

¹¹⁶ Там же, стр. 187.

¹¹⁷ Леонид, архимандрит. Систематическое описание... рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 3. М., 1894, стр. 153—154.

¹¹⁸ Там же, стр. 154.

¹¹⁹ «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. XV, вып. 3. Рязань, 1904, стр. 247—256.

¹²⁰ В. Н. Перетц. Описание собрания рукописей профессора И. И. Шляпкина. АЕ 1959. М., 1960, стр. 385—386.

¹²¹ «Труды XV Археологического съезда в Новгороде». М., 1914, стр. 326—327.

¹²² Боровск. МДИГ. М., 1888, стр. 214, 231—232 и 261.

¹²³ Переяславль-Залесский. Материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII в. М., 1888, стр. 8—9, 11.

¹²⁴ Переяславль-Залесский Никитский монастырь. Материалы для истории. М., 1888, стр. 25, 32.

¹²⁵ Тобольск. МДИГ. 1888, стр. 149—150, 153—154, 161.

¹²⁶ Т. Н. Протасьев. Запись в Хронографе XVII в. В кн. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 326—327.

Краснослободского Предтеченского в Темниковском уезде (1706, 44 тома)¹²⁷ и Вожеозерского Спасского (1707, 27 томов)¹²⁸ монастырей.

В целом, несмотря на некоторое увеличение числа южнославянских памятников в библиотеках отдельных монастырей в XVII в. количество их практически остается на том же уровне, особенно ясно это видно в том случае, когда существует возможность сравнить описи XVII в. с источниками предшествующего столетия. Данные памятники не принадлежали к числу необходимых в монастырской жизни, поэтому их появление в библиотеке зависело либо от уровня книжной культуры данной обители, либо от интересов вкладчиков.

Переходя к вопросу об южнославянских памятниках в составе личных библиотек, необходимо сразу же отметить их коренное отличие от библиотек монастырских. Если последние создавались на протяжении десятков и сотен лет, постепенно усложняя свой состав, то существование первых, как правило, кратковременно и определяется в первую очередь вкусами владельцев, отражая интересы эпохи, в которую они создавались. Для рассматриваемого периода старейшим описанием личной библиотеки будет перечень книг, принадлежавших в 1479 г. Иосифу Волоцкому. Составлен он не позднее 1539 г., так как входит в состав грамоты инокв Волоколамской обители к митрополиту Даниилу (1522—1539), отстаивавших право владеть келейными библиотеками, ссылавшихся на пример Иосифа: «А преподобного отца нашего Иосифа сам, господине, помнишь — сколько книг с собою принес и святых икон: четыре Евангелия, Апостол, две Псалтири со всем, Лествица, Ефрем вкупе же Петр Дамаскин, Василии Великий, Патерик азбучной, два Ирмолая...»¹²⁹. В описях XVI в. книги, принадлежавшие Иосифу или переписанные им, выделены особо. Отсутствие южнославянских произведений среди книг волоцкого игумена не удивительно: они не являлись для инока литературой первостепенной важности.

Некоторые сведения о личных (в основном — иноческих) библиотеках можно почерпнуть из монастырских описей XVI в., преобладающее же число описаний библиотек этого рода относится уже в XVII — началу XVIII в., времени все возрастающего интереса к Западу во всех слоях общества. Естественно, что в основной массе книжных собраний (в том числе и в библиотеках духовенства) памятники литературы южных славян не содержатся¹³⁰. Исключение составляют пять библиотек XVI—XVII вв.

В 1578 г. после смерти знаменитого купца и промышленника Аники Строганова в связи с разделом имущества между наследниками была составлена «Память деловая» Семена, Максима и Никиты Строгановых. Библиотека родоначальника торгово-промышленного дома состояла из 219 томов и по составу мало отличалась от монастырских библиотек¹³¹. Среди 79 книг, полученных Никитой Строгановым, значится «книга Саввы Сербского и иных преподобных». Не она ли была вложена Никитой в следующем году в родовой собор в Сольвычегодске?

¹²⁷ В. Н. Перетц. Описи монастырских библиотек..., стр. 343.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе, вып. 1. I — Л. СПб., 1908, стр. 170.

¹³⁰ Эти собрания рассмотрены С. П. Лушковым в его труде «Книга в России в XVII в.», стр. 97—152.

¹³¹ В. Введенский. Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв. «Север», Вологда, 1923, № 3/4, стр. 105—106.

Библиотека патриарха Иова, умершего в 1606 г. в ссылке в Старице, состояла из 56 томов. В числе прочих книг в ней был «Шестоднев» Иоанна Экзарха ¹³².

Среди книг патриарха Филарета, описанных в 1630 г., значилась книга «в полдесть святого Козмы Пресвитера на еретики прение» ¹³³.

В 1635 г. в Черногорский монастырь на далекой Пинеге ярославский гость Третьяк Лыткин сделал вклад, состоявший из 83 рукописей и 17 печатных книг. Лыткины в первой половине XVII в. были семейством, подвизавшимся не только на торговом поприще. Брат Третьяка, Василий, в 1609—1610 гг. был земским старостой в Ярославле, братья участвовали в Первом и Втором ополчениях, были среди основателей памятника победы над тушинцами — Казанского монастыря в Ярославле ¹³⁴. С фамилией Лыткиных связаны две повести первой трети XVII в.: «Повесть о построении нового девича монастыря в Ярославле» и «Повесть о пришествии образа Богородицы Грузинской в Черную гору».

Библиотека Т. Лыткина отражает еще вкусы человека XVI в., она весьма сходна по составу с библиотекой Строгановых. Светских книг в ней мало. Любопытна одна из них: «Книга в десть летописец великой русской, письмо устав». Что это: один из «летописцев русских», распространенных на рубеже XV—XVI вв. и позднее, или же список упомянутого в Троицкой летописи не сохранившегося до наших дней летописного памятника конца XIV в.?

Из южнославянских памятников в описи названа «книга в полдесть соборник со Савина дня Сербскаго, письмо устав» ¹³⁵.

Человеком, наиболее остро и живо чувствовавшим органическую связь России с православным Востоком, был в «западническом» XVII в. патриарх Никон (хотя для него — «грека верою» — южные славяне были не чем-то самоценным, а составною частью единого православия). По переписной книге 1663 г. в домовый казна патриарха значились две книги «Саввы Сербскаго» и «книга Дионисия Ареопагита Филондарского монастыря в тетратех» ¹³⁶. Савва Сербский, живое воплощение примата духовной власти над светской на славянской почве, был, вероятно так же близок Никону, как в свое время волоцкому игумену.

В библиотеках государственных учреждений ¹³⁷, за исключением Образной палаты [по описи 1669 г. здесь значились: «книга в полдесть Петра Маскина (т. е. Дамаскина), Саввы Сербского, Костянтина Философа да даяра Константина» и «Козма Пресвитер, слово на еретики» ¹³⁸, что объясняется назначением палаты — места хранения икон], памятников южнославянских литератур нет. Да и странно было бы видеть в Посольском или Пушкарском приказе творения Иоанна Экзарха или Григория Цамблака. Новые библиотеки нуждались в новых книгах.

Из сказанного выше следует: за время, от которого дошли до нас описи книжных собраний древней Руси (конец XV — начало XVIII в.) наибольший интерес к памятникам южнославянских литератур заметен на

¹³² Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115—1607 г. Старица, 1911, стр. 76—77.

¹³³ П. И в а н о в. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850.

¹³⁴ А. А. Т у р л о в. Малоизвестные памятники литературы Ярославля XIV—XVII вв. АЕ 1974. М., 1975, стр. 171—173.

¹³⁵ РИБ, т. 35, Пг., 1917, стлб. 909.

¹³⁶ «Переписная книга домовый казны патриарха Никона». Временник ОИДР, т. XV. М., 1852, стр. 8, 13, 100.

¹³⁷ Рассматриваются С. П. Лупповым в труде «Книга в России», стр. 187—212.

¹³⁸ А. И. У с п е н с к и й. Церковно-археологическое хранилище при московском дворце в XVII в. ЧОИДР, 1902, кн. 3, отд. 1, стр. 60, 66.

протяжении конца XV—XVI вв., когда эти памятники, как древнейшего периода (сочинения Иоанна Экзарха, Климента Охридского, Козмы Пресвитера), так и более поздние (памятники сербской агиографии, слова Григория Цамблака) получают распространение в монастырях, обладающих значительными книжными собраниями и связанных, как правило, со Святой горой и московским великокняжеским (позднее — царским) двором. В XVII в. картина меняется: в монастырских библиотеках обычно лишь сохраняются рукописи, переписанные в предшествующие века, присутствие же южнославянских сочинений в частных библиотеках и книжных собраниях государственных учреждений является исключением. Правда, слова Цамблака упоминаются в «Оглавлении книг, кто их сложил», русском библиографическом труде второй половины XVII в.¹³⁹, но выше мы уже отмечали, что его творения в русских библиотеках к южнославянским можно причислять лишь относительно. Снижение интереса к южнославянской тематике в XVII в. подтверждается и другими данными: так, из числа сохранившихся списков слов Климента Охридского более половины относятся к XV—XVI вв., а к XVII в. — менее трети¹⁴⁰, из 15 списков «Беседы» Козмы Пресвитера лишь три — XVII в.¹⁴¹, если же учесть, что более ранние списки имели физически меньше возможностей сохраниться, то эта разница будет еще более внушительной. Южнославянские сочинения в XVII в., конечно, читались и переписывались (в особенности жития), но делалось это, вероятно, в той среде, где не было больших библиотек, а следовательно и описей, т. е. на посаде, где они в силу стойкости местных традиций и интересов были в ходу еще не менее столетия¹⁴². Однако этот вопрос уже выходит за рамки данной работы, в «большой» же литературе оригинальные памятники южнославянской книжности с некоторым опозданием постигла судьба переводов¹⁴³.

¹³⁹ ЧОИДР, 1846, кн. 3, отд. 4, смесь, стлб. 73—74.

¹⁴⁰ К л и м е н т О х р и д с к и. Сьбрани съчинения, т. I. София, 1970, стр. 55—761.

¹⁴¹ Ю. К. Б е г у н о в. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, стр. 297.

¹⁴² Д. С. Л и х а ч е в. Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973, стр. 213—214.

¹⁴³ «С половины XVI в. южнославянские переводы, как древнейшие IX—X в., так и более поздние, XIII—XV вв., особенно первые, перестают в Московской Руси читаться, будучи для русского читателя уже малопонятными; впрочем, не без исключений. Но с того же времени появляются, и чем ближе к концу XVII в., тем все в большем количестве, новые переводы и с греческого и особенно с латинского, польского и немецкого языков». А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература..., стр. V—VI.

С. М. ТОЛСТАЯ

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАТЕГОРИИ ПАЛАТАЛЬНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Корреляция согласных по признаку палатальности является чертой, общей для всех славянских языков. Это значит, что в каждом славянском языке существует по крайней мере одна пара (а в действительности не менее двух пар) согласных фонем, противопоставленных по этому признаку и совпадающих по значению всех остальных различительных признаков. Можно сказать, что этим практически и исчерпывается общность славянских языков в отношении категории палатальности, если иметь в виду не генетический, а типологический план их сопоставления. Все остальное — парадигматическая мощность этого противопоставления (т. е. число коррелятивных пар), его фонологический статус, позиции различения и позиции неразличения по этому признаку, синтагматическая характеристика, морфонологическая роль палатальности — оказывается различным для разных славянских языков или их групп.

Существование этих различий делает категорию палатальности типологически значимой для славянских языков. Однако условием типологического рассмотрения этой категории должно быть отвлечение от специфического для каждого языка физического содержания признака «палатальность». Известно, что оппозиция $n - n'$ в русском и $n - \acute{n}$ в польском или сербскохорватском фонетически не тождественны; оппозиция $t - t'$ в русском и украинском носит различный физический характер. Впрочем, и в пределах одного языка термином «палатальность» объединяют обычно явления разного характера, например в украинском палатальная артикуляция переднеязычных взрывных t', d' , так же как и их акустические признаки, отличается от артикуляторных и акустических свойств палатальных фрикативных $s' z'$ или губных $p' b' m' v' f'$. И все же, если мы пользуемся во всех этих случаях одним и тем же термином «палатальность», то только потому, что мы обращаем внимание на функциональный (не фонетический, а фонологический) параллелизм отношений между парами твердых и мягких согласных. Проводимое в ряде работ вслед за О. Брокком и Н. С. Трубецким разграничение «палатальных» согласных (типа польских $\acute{c} \acute{z} \acute{n}$ или сербскохорватских $\acute{c} \acute{z} \acute{n} l'$) и «палатализованных» (типа русских $l' n' p' b' t' d'$ и т. п.)¹ не влечет за собой, как нам кажется, необходимости расщепления ДП «палатальности» на два самостоятельных признака, поскольку эти разновидности палатализации представлены в славянских языках в дополнительном распределении либо между разными

¹ В. М. Чэкаман. Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці — мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

языками, либо между разными сериями согласных в одном языке, так что в каждой отдельной оппозиции твердому согласному может быть противопоставлен либо палатальный, либо палатализованный коррелят, но не тот и другой одновременно.

Исследователи славянской категории палатальности прежде всего обращают внимание на неодинаковую мощность противопоставления по палатальности в славянских языках. Действительно, различия между отдельными языками здесь очень значительны². Минимальной мощностью характеризуется словенский язык, где по признаку палатальности могут быть противопоставлены всего две пары согласных: *l — l'*, *n — n'*. На противоположном полюсе находятся украинский и болгарский языки, в которых насчитывается до 15 коррелятивных пар. Остальные языки располагаются между ними и тяготеют к одному из двух полюсов. При этом они не образуют шкалы с равномерным распределением, а отчетливо разбиваются на две группы: языки «минимального» типа — словенский, сербскохорватский, македонский, чешский и словацкий; языки «максимального» типа — украинский, болгарский, польский, русский, белорусский, верхнелужицкий.

Нетрудно заметить, что это разграничение языков с минимальной палатальностью и языков с максимальной палатальностью почти в точности совпадает с типологическим делением славянских языков на консонантные и вокалические³. Языки с минимальной палатальностью оказываются одновременно языками вокалического типа (кроме македонского), а языки с максимальной палатальностью — языками консонантного типа. И это совпадение отнюдь не случайно, поскольку пространству инвентарей согласных в так называемых консонантных языках обеспечивается именно наличием мягких согласных как самостоятельных единиц.

Число корреляций по палатальности в отдельных славянских языках, определяющее место каждого языка в рамках своего типа, до сих пор не может считаться твердо установленным. Приводимые в специальных работах количественные данные о корреляции по твердости — мягкости в значительной степени условны, ибо они зависят от способа фонологического описания и интерпретации отдельных противопоставлений, которые могут быть и чаще всего бывают различными у разных исследователей. Так, например, для польского языка могут признаваться или не признаваться самостоятельными фонемами мягкие заднеязычные; в белорусском оппозиции *t — c'* и *d — ž'* могут считаться и не считаться мягкостной корреляцией; в украинском — при трактовке *i* и *y* как разных фонем число коррелятивных пар определяется в пределах от 9 до 13 (в зависимости от признания или непризнания фонологической самостоятельности мягких губных), тогда как интерпретация *i* и *y* как позиционных вариантов одной фонемы увеличивает количество оппозиций по палатальности до 20.

Если теперь обратить внимание на то, какие серии или типы согласных в разных славянских языках участвуют в корреляции по палатальности, то и в этом отношении различие между языками окажется очень большим. Единственным общим для всех славянских языков является противопоставление *n — n'*. Следующая по распространенности — корреляция *l — l'*, представленная в девяти из одиннадцати языков (она отсутствует

² Z. Stieber. Przyczynek do zagadnienia palatalności w językach słowiańskich. «Świat językowy Słowian». Warszawa, 1974, s. 75—78.

³ A. V. Isačenko. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen. «Linguistica Slovaca», t. I. Bratislava, 1939—1940 (русский перевод в сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963).

в верхнелужицком и чешском, а при определенной трактовке — и в польском). Оппозиция твердого и мягкого *r* известна всего четырем языкам: русскому, украинскому, болгарскому и в.-лужицкому. Корреляция по мягкости в серии губных представлена во всех языках максимального типа и не представлена ни в одном из языков минимального типа палатальности. Противопоставление по мягкости в серии переднеязычных взрывных (*t — t'*, *d — d'*) известно языкам и одного и другого типа, однако всего лишь пяти языкам: русскому, украинскому, болгарскому, с одной стороны, и чешскому, словацкому — с другой. Некоторые исследователи относят сюда же и оппозиции твердых переднеязычных *t d* мягким аффрикатам типа белорусских *c' ž'*, польских и с.-хорватских *ć ź*; однако при ином подходе в них можно усматривать оппозицию твердых и мягких аффрикат (белорусск. *c — c'*, *ž — ž'*; польск. и с.-хорв. *ć — ć*, *ź — ź*). Переднеязычные фрикативные *s z* могут иметь корреляцию по мягкости в восточнославянских и болгарском, а также частично в верхнелужицком (корреляция *z — z'*), если не считать польских пар *s — ś*, *z — ź*. В серии заднеязычных противопоставление по палатальности безусловно имеет место в болгарском; в остальных языках фонологическая значимость мягких заднеязычных в разной степени проблематична, и если она и может быть признана, то сфера их действия оказывается крайне ограниченной (как правило, единичными морфемами из периферийной области лексики). Вопрос о македонских *k ġ* вновь допускает двоякое решение — либо это мягкостная корреляция заднеязычных *k — k*, *g — ġ*, либо это оппозиция *t — k*, *d — ġ*.

До сих пор мы говорили о составе (или об инвентаре) оппозиций по палатальности, не делая никакого различия между противопоставлениями, подтверждаемыми большим числом фонологических позиций, и противопоставлениями, выявляемыми лишь в некоторых, ограниченных окружениях. В принципе для констатации той или иной конкретной оппозиции двух фонем достаточно одного единственного случая их противопоставления в одной какой-либо позиции. В действительности фонологическая система каждого славянского языка включает в себя фонемные оппозиции по палатальности, обладающие, если так можно выразиться, разной силой противопоставления, которая может быть измерена числом фонологических позиций, подтверждающих каждое противопоставление. Например, в польском языке оппозиции *n — n'* и *l — l'* (*ł — l'*) возможны как перед гласными, так и перед согласными и на конце слова, а оппозиция твердых и мягких губных имеет место только перед гласными. Следовательно, оппозиции *n — n'* и *l — l'* отличаются большей силой, чем оппозиции губных. Противопоставление *n — n'*, обладающее, как уже было сказано, универсальностью для славянских языков, отличается одновременно и наибольшей позиционной свободой во всех языках. С другой стороны, сила противопоставления одних и тех же типов (или серий) согласных различна в разных языках. Так, оппозиция твердых и мягких губных в русском языке прослеживается в положении перед всеми гласными, кроме *e*, перед согласными (на стыке морфем: *незнакома* — *познакомь-ка*; *поправка* — *поправь-ка*), на конце слова (*кров* — *кровь*, *знаком* — *знакомь*), а в польском она отсутствует в позициях перед согласными и на конце слова, зато возможна не только перед *i*, но и перед *e*: *świadome* — *nieświadome*.

Если конкретные противопоставления твердых и мягких согласных связаны с разным числом и типом фонологических позиций, то соответственно и сами фонологические позиции имеют неодинаковую различительную силу, которая может измеряться числом фонемных противопоставлений, возможных в данной позиции.

Вообще в славянских языках противопоставление твердых и мягких согласных может иметь место в следующих фонологических позициях: 1) в положении перед гласными заднего ряда; 2) перед гласными переднего ряда; 3) перед твердыми согласными; 4) перед мягкими согласными; 5) на конце слова. При этом в каждой отдельной позиции в рамках одного языка может противопоставляться разное число согласных и разные типы согласных.

Первая из названных позиций — позиция перед гласными заднего ряда — является наиболее общим для большинства славянских языков условием противопоставления твердых и мягких согласных, и вместе с тем для многих языков это позиция наибольшего различия по палатальности. Выделяются в этом отношении украинский и словенский. В украинском позиция перед задними гласными оказывается не самой сильной: она уступает позиции перед *i/y* (если считать их одной фонемой), где дополнительно противопоставляются губные, шипящие и заднеязычные. В словенском эта позиция вообще не является различительной для твердых и мягких согласных, что резко обособляет словенский язык на фоне остальных славянских языков. Для остальных языков положение перед гласными заднего ряда, действительно, оказывается наиболее различительным; в них нет ни одной оппозиции твердого и мягкого согласного, которая бы не подтверждалась этой позицией, а в болгарском языке это вообще единственная позиция, где возможно противопоставление по палатальности.

Вторая позиция — перед гласными переднего ряда — релевантна не для всех языков. Так, в болгарском в этой позиции противопоставление отсутствует вовсе, в русском оно регулярно имеет место перед *i* и практически отсутствует или очень ограничено перед *e*; в украинском противопоставления нет перед *e*, тогда как возможность оппозиции перед *i* зависит от трактовки *i* и *y* как одной фонемы или как разных фонем. Наконец, в польском противопоставление возможно как перед *i*, так и перед *e*.

Положение перед твердыми и особенно перед мягкими согласными лишь в редких случаях и лишь в немногих языках обладает различительной силой и противопоставляет твердые и мягкие согласные. Например, в русском языке это возможно прежде всего в серии сонорных *r — r'*, *l — l'*, *n — n'*, ср. пары типа *горка — горько*, *галка — галька*, *банка — банька* и т. п., и в редких случаях в других группах согласных (*воска — авоська*, *поправка — поправь-ка*, *редко — редька* и др.). Есть подобные примеры и в польском и в украинском языках. Отвлекаясь от подробностей, можно сказать, что в языках со слабо развитой палатальностью, в частности в сербскохорватском и македонском, позиция перед согласными обладает большей различительной силой и меньшими ограничениями, чем в языках с максимальной палатальностью (ср. сербскохорв. *вањски*, *коњски*, *вањштина*, *спаситељка*, *синоћке*, *ноћни*, *ноћца*; макед. *свињски*, *бањски*, *синоќке* и т. п.).

Это же замечание можно отнести и к позиции конца слова. Языки с минимальной палатальностью практически не знают ограничений для палатальных согласных на конце слова, тогда как языки противоположного типа обнаруживают в этой позиции большие расхождения: в болгарском на конце слова вообще невозможны мягкие согласные, в польском они сильно ограничены из-за недопустимости мягких губных и заднеязычных, в русском — на конце слова противопоставляются практически все твердые и мягкие согласные (кроме заднеязычных и, естественно, звонких).

Таким образом, славянские языки различаются как числом релевантных фонологических позиций, т. е. позиций различения по палатальности, так и их силой. Одни и те же позиции для одних языков или для одних

серий согласных могут быть позициями различения, а для других языков или других серий согласных — позициями неразличения твердых и мягких согласных. Так, в болгарском, как уже говорилось, противопоставление по палатальности возможно только в одной позиции — перед гласными заднего ряда; все остальные позиции — позиции неразличения. В сербскохорватском языке, наоборот, нет никаких регулярных позиционных ограничений для противопоставления коррелирующих твердых и мягких; в русском — все позиции могут быть различительными, но позиция перед согласными различительна не для всех типов согласных⁴.

До сих пор речь шла о собственно фонологической корреляции по палатальности, т. е. о различении (противопоставлении) или неразличении твердых и мягких в разных фонологических окружениях, независимо от того, принадлежат эти коррелирующие согласные одной или разным морфемам. Как известно, в славянских языках твердые и мягкие согласные могут чередоваться в составе одной морфемы. Позиционное чередование наблюдается в тех случаях, когда твердая или мягкая согласная из фонологической позиции различения, которую она занимала в одной словоформе, попадает в позицию неразличения в составе другой словоформы. Только при наличии позиционных чередований позиция неразличения становится позицией нейтрализации твердых и мягких фонем. Следовательно, само существование позиций неразличения (или точнее — непровопоставленности) палатальных и непалатальных согласных является необходимым условием позиционных чередований и нейтрализации противопоставления по палатальности. Понятно поэтому, что если в языке нет фонологических позиций неразличения, то в нем не может быть и позиционного чередования в пределах морфемы, как не может быть и нейтрализации. Таков, в частности, сербскохорватский язык. Однако это условие (наличие фонологических позиций неразличения), будучи необходимым, не может считаться достаточным, поскольку позиции неразличения могут не совпадать с морфемными границами или другими зонами модификации морфем, и тогда они не способны оказать влияние на фонологический облик морфемы. Поэтому состав коррелятивных пар, устанавливаемый из фонологических позиций различения, не обязательно совпадает с составом позиционных чередований или нейтрализуемых оппозиций в каждом отдельном языке. Соотношение этих двух инвентарей, по-видимому, специфично для каждого славянского языка. Очевидно, что сербскохорватский язык, в котором палатальность не играет никакой роли в модификации морфем, и русский или польский, где позиционные чередования по палатальности достаточно регулярны, обозначат собой два полюса, между которыми распределяются остальные славянские языки.

Чередование твердых и мягких согласных в составе одной морфемы может иметь место не только в фонологической позиции неразличения, но и в позиции различения. В этом случае мы имеем дело с морфофонологическим чередованием по палатальности. Грамматическая функция и грамматические условия морфофонологических чередований неодинаковы в разных языках. В таких языках, как русский или польский, существует большое число морфофонологических позиций в словоизменении и словообра-

⁴ Предложенное здесь определение фонологических позиций, в которых возможно различение по палатальности или неразличение, для некоторых языков или некоторых частных противопоставлений оказывается слишком общим. На примере русского языка ясно видно, что, скажем, определения «перед гласными переднего ряда» недостаточно, потому что позиции перед *e* и перед *i* существенно различны для корреляции по палатальности. Точно так же позиции «перед согласным» должны быть расчленены на несколько отдельных позиций в зависимости от качества (или типа) этих согласных. Например, в русском языке перед *k* противопоставление *n* — *n'* нормально, ср. *банка* — *банька*, а перед *n* оно отсутствует: *конь* — *конный* и *сон* — *сонный*.

зовании, где чередование по твердости — мягкости является обязательным, причем эти морфологические позиции с фонологической точки зрения всегда суть позиции различения. Например, в польском языке фонологическая позиция перед *e* — это позиция различения твердых и мягких согласных, а морфологическая позиция «перед *e*-флексией местн. п. ед. числа у существительных муж. и ср. рода» — позиция морфонологической нейтрализации, в которой обязательно происходит чередование твердого согласного с мягким. Если считать, что в русском языке фонологическая позиция перед *e* различительна для твердости — мягкости, то любая морфологическая позиция перед *e* всегда оказывается позицией нейтрализации, неразличения, и это обстоятельство не может не влиять на интерпретацию собственно фонологических отношений между согласными в этой позиции. По всей вероятности, устойчивость мнения о неразличении твердых и мягких согласных перед *e* в русском языке объясняется не только и не столько слабостью парадигматического противопоставления согласных в этой позиции, или малой различительной силой позиции, сколько абсолютной регулярностью смягчения перед *e*. Если мы признаем позицию перед *e* различительной, то мы должны будем передать всю совокупность фактов смягчения перед *e*, которые прежде считались позиционными чередованиями, в ведение морфонологии и квалифицировать их как непозиционные морфонологические чередования. Регулярность морфонологических корреляций между согласными нередко влияет на выбор одного из альтернативных фонологических решений. В польском твердые переднеязычные *t d s z* морфонологически коррелируют с серией среднеязычных палатальных *ć ź ś ź* и чередуются с ними в тех же условиях, где губные и *r l n* чередуются со своими мягкими коррелятами. Это обстоятельство определяет трактовку этих двух серий согласных как коррелирующих по палатальности, хотя чередование в данных условиях носит сугубо морфонологический характер, а физическая природа оппозиции типа *t — ć* не соответствует обычным нормам мягкостной корреляции. Фонологически равно возможная и фонетически более естественная корреляция серии *ć ź ś ź* с серией твердых шипящих *č ǰ š ž* отвергается прежде всего потому, что она никак не поддерживается морфонологическими отношениями. То же самое, по-видимому, относится и к интерпретации белорусских оппозиций *t — c'* и *c — c'* (*d — ž'* и *ž — ž'*) и т. п.

Таким образом, сфера фонологического и морфонологического функционирования категории палатальности по-разному разграничивается в разных славянских языках, и само их соотношение может служить еще одним основанием их типологического сопоставления.

Из истории славяноведения

П. А. ДМИТРИЕВ, Г. И. САФРОНОВ

ПЕРВАЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДИНИЮ

Характерной особенностью русской и советской славистики являются тесные научные связи и постоянное сотрудничество со славистическими институтами, кафедрами и отдельными учеными других стран. После Великой Октябрьской социалистической революции осуществление таких связей было чрезвычайно затруднено ввиду враждебного отношения многих буржуазных правительств к молодому Советскому государству. Традиционное научное сотрудничество советских славистов с международными славистическими организациями накануне второй мировой войны, к сожалению, почти прекратилось: «Делегация советских славистов во главе с акад. П. Н. Сакулиным участвовала в первом съезде славистов в Праге в 1929 г. Однако уже на втором съезде славистов в Польше в 1934 г. советской делегации не было. Не предполагалось участие советских славистов и в третьем съезде, который должен был открыться 1 сентября 1939 г. в Белграде»¹. Вероломное нападение гитлеровских захватчиков в 1941 г. на Советский Союз сделало невозможными и личные контакты советских славистов с зарубежными учеными.

Между тем никогда не ослабевавший в Советском Союзе интерес к языку, литературе, истории и культуре братских славянских народов зарубежных стран неизмеримо возрос особенно «в предгрозовые 1938—1939 гг., когда стало очевидным, какую ужасную участь готовит славянским народам германский фашизм и как тесно связана судьба этих народов с судьбой СССР — главной силы, способной противостоять гитлеровской Германии»². Этот интерес постоянно усиливался в ходе совместной борьбы славян против германского фашизма, а особенно в послевоенный период, когда в результате разгрома гитлеровской военной коалиции славянские страны Центральной и Юго-Восточной Европы встали на путь социалистического развития. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны предпринимаются меры к возобновлению тесных связей и научного сотрудничества советских славистов с учеными зарубежных славянских стран.

Первая встреча советских и зарубежных славистов после Великой Отечественной войны произошла в Ленинграде в 1946 г. на научной сессии по славяноведению, организованной по инициативе филологического факультета Ленинградского государственного университета. Проведение

¹ С. Б. Бернштейн. Советской славянской филологии 50 лет. «Советское славяноведение», 1967, № 5, стр. 89.

² Д. Ф. Марков. 25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР. «Советское славяноведение», 1972, № 1, стр. 3.

такой встречи именно в Ленинграде было обусловлено тем, что этот город издавна являлся крупнейшим центром русского научного славяноведения. С его университетом была связана деятельность выдающихся русских славистов, особенно после 1835 г., когда согласно университетскому уставу была создана специальная кафедра «История и литература славянских наречий». «В области изучения славянской филологии Петербургский-Ленинградский университет всегда занимал ведущее место не только в нашей стране, но и во всей мировой славянской науке, — писал в связи с этим акад. Н. С. Державин. — Ученая деятельность профессоров-славяноведов Петербургского университета до Октябрьской революции — П. И. Прейса (1842—1846), акад. И. И. Срезневского (1847—1880), акад. И. В. Ягича (1880—1886), акад. В. И. Ламанского (1865—1899), П. А. Лаврова — и их многочисленных учеников представляет собой исключительно ценный вклад русской науки в область славянской филологии, в сокровищницу мировой науки»³. Работа в области славистики в Ленинградском университете не прерывалась и после Октябрьской революции. Особенно активизировалась она в 40-е годы, когда проблемы славяноведения приобрели большое значение и актуальность и привлекли к себе широкое общественное внимание. В 1946 г. в Ленинграде, как и в ряде других городов Советского Союза (Москве, Киеве, Львове), уже функционировало возобновившее свою работу еще в годы войны отделение славянской филологии, начавшее готовить кадры специалистов по зарубежным славянским языкам и литературам. В Ленинградском университете педагогическую и научно-исследовательскую работу вела большая группа ученых-славистов, развивая и обогащая на основе марксистско-ленинской теории лучшие традиции дореволюционного славяноведения (кафедрами славянских литератур и языков на отделении славянской филологии руководили акад. Н. С. Державин, проф. Э. А. Якубинская-Лемберг).

Интенсивное изучение славяноведческих проблем и подготовка кадров по славистике велись также в Москве, Киеве, Львове и в других научных центрах Советского Союза. Расширение научно-исследовательской и педагогической работы в области славяноведения вызвало необходимость налаживания прочных связей, обмена опытом и координации между советскими славистами и учеными братских стран. Научная сессия по славяноведению была одной из первых форм налаживания таких связей.

Организаторами сессии был подготовлен и издан специально для задачи ее участникам двоянный номер «Научного бюллетеня Ленинградского университета» («Славистические заметки», 1946, № 11—12), где был опубликован ряд не изданных к тому времени материалов по славистике из ленинградских архивов, а также более 20 статей, рефератов и сообщений ленинградских ученых, посвященных актуальным вопросам славяноведения.

Советскую славистику на научной сессии кроме ленинградцев представляли ученые из Москвы, Казани, Харькова, Тарту, Риги, Петрозаводска и других научных центров.

15 июня заседанием в актовом зале филологического факультета Ленинградского университета началась предварительная работа научной сессии.

С докладом на тему «Балканская экспедиция Академии наук СССР в 1946 г.» выступил проф. П. Г. Богатырев (Москва)⁴. Докладчик рас-

³ Н. С. Д е р ж а в и н. Славянская филология в Петербургском-Ленинградском университете. Тр. юбил. научн. сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946, стр. 99—100.

⁴ Краткое изложение содержания докладов и выступлений участников научной сессии приводится на основании стенограмм (к сожалению, не авторизованных) и дру

сказал о поездке группы советских этнографов, историков и археологов в Болгарию, Югославию и Румынию. Кроме того, проф. П. Г. Богатырев поделился рядом собственных научных наблюдений, рассказал о фольклорно-этнографических записях, сделанных во время экспедиционной работы, особо отметил богатство партизанского фольклора, возникшего во время Народно-освободительной войны в Югославии. Значительная часть доклада и последовавших выступлений была посвящена обсуждению задачи перспектив дальнейшего научного сотрудничества между советскими и зарубежными учеными.

В процессе подготовительной работы были определены задачи предстоящей сессии, уточнялась ее программа и проблематика, были сформированы секции, подготовлены рекомендации по составу комиссий и других рабочих органов научной сессии, проведены переговоры с Государственной Публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина об организации специальной выставки славянских рукописей и редких славистических изданий, о подготовке специальных экспозиций в Эрмитаже и т. п.

29 июня в Ленинград для участия в работе сессии прибыла группа иностранных ученых и гостей из Югославии, Чехословакии, Польши и Болгарии. В числе прибывших были президент Сербской академии наук проф. А. Белич, ученый секретарь Чешской академии наук проф. Б. Гавранек, проф. Пражского университета Ф. Вольман, ректор Краковского университета проф. Т. Лер-Сплавинский, проф. Люблянского университета Ф. Рамовш и др. В тот же день в актовом зале университета состоялось торжественное открытие сессии.

Открывая научную сессию, ректор Ленинградского университета проф. А. А. Вознесенский охарактеризовал огромный вклад, который внесен представителями западных, южных и восточных славян в развитие славяноведения, и выразил надежду, что ленинградская научная сессия положит начало новому этапу в укреплении связей и научного сотрудничества между учеными всех славянских стран.

Работа научной сессии проводилась на пленарных и секционных заседаниях. Кроме того, работали комиссии по организационным и учебно-методическим вопросам и комиссия по подготовке решения сессии и предложений по организации дальнейшего сотрудничества.

На первом пленарном заседании 29 июня с докладом «Чехи и словаки в свете этнографических данных» выступил чл.-корр. АН СССР проф. Д. К. Зеленин (Ленинград), охарактеризовавший основные этапы истории чешского и словацкого народов, начиная с IX до XX в. Доклад вызвал оживленные прения. Проф. П. Г. Богатырев, выступая в прениях по докладу, привел ряд фактов, свидетельствующих о том, что и в настоящее время между чехами и словаками происходит обмен фольклором.

1 июля состоялось второе пленарное заседание. Доклад проф. А. Белича (Белград) «О частях речи» (прочитанный на русском языке) был посвящен краткому изложению его большого труда на эту тему⁵.

Акад. Е. В. Тарле (Ленинград) выступил с докладом «Русские на Средиземном море и южные славяне»⁶. Докладчик остановился на ряде эпизодов из истории взаимоотношений России и южных славян в конце XVIII и начале XIX в.

гих материалов, хранящихся в Ленинграде в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ф. 7240, оп. 14, ед. хр. 1146, 1147).

⁵ А. Б е л и ч. О језичкој природи и језичком развоју. Лингвистичка испитивања. Књ. I, Београд, 1941; Књ. II, 1959.

⁶ Ряд интересных данных о совместных действиях русского флота и южных славян на Средиземном море, извлеченных акад. Е. В. Тарле из неизданных документов ле-

Проф. А. В. Предтеченский (Ленинград) выступил с докладом «Петр I в современной ему поэзии южных славян». Докладчик подчеркнул, что начало царствования Петра I укрепило авторитет России среди балканских славян и надежду на ее помощь в деле освобождения от турецкого владычества. Это надежда нашла свое отражение в поэзии южнославянских народов, в частности в произведениях И. Каванини, И. Градича, С. Ружича, П. Витезовича и ряде народных песен⁷.

На четвертом пленарном заседании 2 июля было заслушано два доклада. Проф. Т. Лер-Сплавинский выступил с докладом на тему «О происхождении и прародине славян»⁸. По мнению докладчика, распадение балто-славянской группы началось в первые века так называемого бронзового века (1800—1500 годы до н. э.), в связи с вторжением новой волны индоевропейского населения, кристаллизировавшегося в отчетливое этнически-культурное целое, носящее в науке название лужицкой культуры. В бассейне Одера и Вислы население лужицкой культуры наслоилось на протобалтийский субстрат.

Доклад проф. Т. Лер-Сплавинского вызвал оживленную дискуссию. В прениях выступили профессора В. В. Мавродин (Ленинград), П. Н. Третьяков (Москва), М. И. Артамонов (Ленинград), М. Н. Тиханова (Казань), доц. В. И. Эрнитс (Тарту). Высоко оценивая доклад в целом, выступавшие указывали, что некоторые утверждения докладчика нуждаются в дополнительной аргументации. Отмечалось, в частности, что историю славян не следует понимать только как процесс постоянного расщепления одного народа на более мелкие группы; параллельно шел процесс этнической консолидации, который также надо учитывать, говоря об истории развития славянства.

Проф. Т. Лер-Сплавинский в своем заключительном слове поблагодарил выступавших в прениях за ценные замечания, свидетельствующие о больших достижениях советской науки по вопросу о происхождении славян. Он выразил сожаление, что, работая во время войны над своей книгой, основные выводы которой изложены в докладе, он лишен был возможности учесть чрезвычайно важные достижения советских ученых.

Заседание закончилось докладом проф. В. В. Виноградова (Москва) «О задачах истории русского литературного языка»⁹. Докладчик отметил, что история литературного языка, охватывающая историю общегосударственной письменной и разговорной речи, не может обойтись без всестороннего изучения устных и письменных диалектов и арго города, без изучения социально-групповых диалектов, стилей языка города, а также без изучения фольклора.

На следующем пленарном заседании 4 июля с докладом «О балканском языковом союзе» (прочитанном на русском языке) выступил проф. Б. Гавранек. В докладе были отражены проблемы, интересующие пражскую

Ленинградского Военно-Морского архива, напечатан в кн.: Е. В. Т а р л е. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774 гг. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1945.

⁷ В докладе была дана новая интерпретация ряда материалов, опубликованных, в частности, в следующих изданиях: П. Л а в р о в с к и й. Стихотворение хорватского поэта Павла Витезовича о Петре Великом. В кн. Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. кн. 2, отд. III. М., 1862; В. М а к у ш е в. Задунайские и адриатические славяне. СПб., 1867; А. К о ч у б и н с к и й. Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами. М., 1872; Т. Ф л о р и н с к и й. Новое открытие в области южнославянской народной поэзии. В кн. Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Киев, 1892.

⁸ Статья проф. Т. Лер-Сплавинского на эту тему опубликована в журнале «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 81—85.

⁹ Статья проф. В. В. Виноградова на эту тему была опубликована в журнале «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 3, 1946, стр. 223—238.

лингвистическую школу. Балканский языковой союз рассматривался как один из ярких примеров того явления, когда языки, не родственные по своему происхождению, будучи языками народов, живущих в одной и той же географической области, приобретают общие языковые черты.

На этом же заседании с докладом «Учение А. А. Потебни о стадияльном развитии синтаксического строя в славянских языках»¹⁰ выступил проф. В. В. Виноградов, отметивший, что великий русский лингвист А. А. Потебня впервые в истории языкознания выдвинул тезис исторической изменчивости типов предложения и развил учение о стадияльности развития синтаксического строя славянских (и шире — индоевропейских) языков. Проф. В. В. Виноградов в качестве одной из задач славистики указал на необходимость углубленных работ в области конкретно-исторического и сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков.

Во время научной сессии проходили также заседания секций западнославянской и южнославянской филологии. На первой из этих секций доклады были посвящены вопросам польской и чешской литератур. Проф. П. Н. Берков (Ленинград) прочел доклад на тему «„Аккерманские степи“ Адама Мицкевича в истории русско-польских отношений»¹¹. Доклад сопровождался демонстрацией редчайших изданий — литографий и планов Аккермана, предоставленных для осмотра Библиотекой АН СССР, на основании которых с помощью архивных данных докладчик смог предложить ряд поправок и существенных дополнений к интерпретации одного из наиболее темных, «законспирированных» советов А. Мицкевича. Доклад проф. П. Н. Беркова содержал новые данные о совете Мицкевича и его реально-биографической основе, до сих пор неизвестные славистам. Доцент С. С. Советов (Ленинград) в докладе «Начало изучения польской литературы в России» характеризовал первый период в истории изучения польской литературы в России — с начала XIX в. до 60-х годов — и затем вкратце остановился на дальнейших этапах в развитии русской полонистики, придя к заключению, что в течение всего этого времени русская наука внесла немало ценных данных в изучение польской литературы. Далее с докладом «Карел Гынек Маха в оценке современников и потомства» выступил проф. В. Г. Чернобаев (Ленинград), давший общий обзор критических мнений о наследии виднейшего чешского поэта-романтика первой трети XIX в. (1810—1836) и рассказавший о результатах своих исследований его жизненного и творческого пути.

Заседание закончилось обсуждением очередных проблем по истории польской и чешской литератур, изучения которых на основании новых точек зрения и неопубликованных материалов польские и чехословацкие ученые ждут от своих советских коллег.

На секции южнославянской филологии было заслушано два доклада. В докладе доц. А. А. Александрова (Ленинград) «Начало славяноведения в России» были освещены успехи русского славяноведения до того времени, когда университетским уставом было предусмотрено создание кафедры «История и литература славянских наречий». Докладчик отметил, что и до 1835 г. русское славяноведение имело большие достижения в области изучения зарубежных славянских народов, являясь выражением широкого общественного движения, захватывавшего большой круг ученых, чем мы привыкли думать. Значительные успехи русского славяноведения

¹⁰ Статья проф. В. В. Виноградова на эту тему опубликована в журнале «Вестник Московского университета», 1946, № 3—4, стр. 3—27.

¹¹ Статья проф. П. Н. Беркова на эту тему опубликована в кн. «Доклады и сообщения Филологического института», вып. 3, Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 267—279.

в начале XIX в. были одной из причин, способствовавших официальному признанию этой дисциплины университетским уставом 1835 г.

Проф. К. А. Копержинский (Ленинград) прочел доклад на тему «Сербские деятели 60—70-х годов и русская литература»¹². Докладчик подробно остановился на русской литературе в оценке сербской критики 60—70-х годов XIX в. и охарактеризовал роль передовой русской литературы и ее наиболее прогрессивных представителей в развитии сербской национальной литературы критического реализма.

Во время сессии работала также комиссия по организационным и учебно-методическим вопросам. На заседании этой комиссии 1 июля состоялся обмен опытом постановки в различных вузах преподавания славистических дисциплин: славянских языков, литературы, истории, этнографии, фольклора. Опыт преподавания славистики в югославских университетах поделился проф. А. Белич, в польских — проф. Т. Лер-Сплавинский, в чехословацких — проф. Б. Гавранек, в советских — ректор Ленинградского университета проф. А. А. Вознесенский, деканы филологических факультетов Ленинградского и Московского университетов проф. М. П. Алексеев и проф. В. В. Виноградов, зам. заведующего отделением славянской филологии Ленинградского университета проф. Э. А. Якубинская-Лемберг. В ходе обсуждения вопроса о преподавании славистики было выдвинуто предложение о желательности согласования учебных планов славистических отделений и программ курсов, читаемых в университетах славянских стран.

Несмотря на напряженность работы сессии, первоначально намеченная программа заседаний не была выполнена — не все доклады, подготовленные к сессии, были заслушаны и обсуждены. В связи с этим на специальном заседании 3 июля участники сессии были ознакомлены с тезисами и текстами непрочитанных докладов: проф. П. Г. Богатырева — «Проблемы изучения народного театра у славян», проф. К. Н. Державина (Ленинград) — «Возникновение болгарской драматургии», доц. Л. В. Разумовской (Ленинград) — «Немецкая колонизация и немецкое право в Великой и Малой Польше XIII—XIV вв.», проф. Б. А. Ларина (Ленинград) — «О русско-литовских языковых связях», доц. В. И. Эрнитс — «О славистике в Эстонии», проф. Э. А. Якубинской-Лемберг — «К вопросу о славяно-финских языковых отношениях». Было принято решение издать отдельной книгой «Труды научной сессии по славяноведению», в которую были бы включены прочтенные и непрочтенные доклады (к сожалению, это решение впоследствии не было реализовано).

В резолюции, принятой на сессии, в частности, выражалось единодушное пожелание об организации ежегодных научных конференций ученых славянских стран для обсуждения актуальных вопросов славяноведения, ставился вопрос о необходимости издания в научных центрах славянских стран ежегодных библиографических сборников по славяноведческим проблемам и регулярного обмена этими библиографическими сборниками между университетами и научными учреждениями, организации обмена всеми славистическими изданиями, подготовки и издания учебников, учебных пособий, монографий по важнейшим славистическим дисциплинам отдельными учеными или совместными усилиями ученых разных стран. Признавалась целесообразность создания организационного комитета из представителей разных стран, который бы осуществлял подготовку научных конференций, организацию обмена научной информацией,

¹² Основные положения доклада проф. К. А. Копержинского опубликованы в «Научном бюллетене Ленинградского университета» («Славистические заметки»), 1946, № 11—12, стр. 65—69.

оказывал помощь ученым-славистам в осуществлении различных форм научного общения и творческого сотрудничества. С целью дальнейшей активизации научно-исследовательской и учебно-педагогической работы в области славяноведения рекомендовалось наладить регулярный обмен преподавателями по славяноведению между университетами различных стран на сроки различной длительности, увеличение числа специализированных журналов и сборников, издаваемых в разных странах при участии ученых всех славянских стран, организацию славяноведческих (лингвистических, археологических, этнографических, фольклорных) экспедиций силами ученых одной или нескольких стран, отправление на более или менее длительные сроки студентов в университетские центры славянских стран для более глубокого и систематического изучения зарубежных славянских языков, литературы, истории и т. д.¹³

Покидая Ленинград, участники научной сессии — зарубежные гости — поделились впечатлениями о ней с представителями прессы. «Личный контакт с русскими славистами много даст ученым славянских стран, — заявил, например, проф. Т. Лер-Сплавинский. — Я вынес яркие впечатления от встреч с советскими историками и археологами, последние труды которых еще неизвестны ученым славянских стран»¹⁴.

Сессия по славяноведению явилась одним из наиболее ярких событий научной жизни Ленинградского университета в 1945/46 учебном году. Она привлекла к себе большое внимание широкой научной общественности в Советском Союзе и других странах¹⁵. По случаю проведения научной сессии в Ленинградский университет поступили телеграммы и приветствия от Всеславянского комитета в Москве, от министра высшего образования СССР, от ряда академиков и профессоров из Москвы, Киева, Львова, Вильнюса, Риги и других городов. Участников сессии приветствовали делегации Института этнографии АН СССР, Казанского университета, а также посольства Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии в СССР, представители которых принимали участие в работе сессии. О большом интересе к работе научной сессии по славяноведению свидетельствует и тот факт, что некоторые ее пленарные заседания проходили при исключительно большой аудитории — свыше 800 человек.

Встречи ученых братских стран на совместных заседаниях, оживленные дискуссии, развернувшиеся во время сессии по всем докладам, оказались в высшей степени плодотворными. Доклады, представленные на сессию, ярко продемонстрировали объем и характер славистических исследований, ведущихся в разных странах, разнообразие, важность и актуальность научной проблематики, привлекающей внимание советских и зарубежных славистов.

Помимо этого, на пленарных и секционных заседаниях и на заседаниях рабочих групп сессии были обсуждены и в ряде случаев решены принципиальные вопросы, касающиеся фундаментальных теоретических славяноведческих проблем, организации дальнейшего сотрудничества между славистами разных стран, была выработана резолюция, ряд положений которой позднее был реализован в практической деятельности международных съездов славистов. Не случайно один из инициаторов и организаторов научной сессии по славяноведению в 1946 г., бывший тогда деканом

¹³ Полный текст резолюции см. в кратком отчете о научной сессии: М. А. Научная сессия по славяноведению. «Вестник Ленинградского университета», 1946, № 2, стр. 132.

¹⁴ «Сессия по славяноведению в Ленинградском университете». «Ленинградская правда», 4 VII 1946.

¹⁵ См., например, публикации о ленинградской конференции в журналах: «Slovanský přehled», roč. 32, 1946, s. 319—322; «Pregľad Zachodni», 1946, № 7/8; «Slavistična revija», III, № 3—4.

филологического факультета Ленинградского университета, акад. М. П. Алексеев, являющийся в настоящее время вице-президентом Международного комитета и председателем Советского комитета славистов, выступая более чем через 25 лет на межвузовской конференции советских студентов по славяноведению, заявил, что по своему составу и задачам, которые были решены и намечены на будущее, научная сессия 1946 г. фактически имела значение первого послевоенного всеславянского съезда ученых¹⁶. Эта сессия, еще раз показавшая, что разработка вопросов истории, истории культуры и языка славянских народов приобрела исключительно важное значение, способствовала консолидации славистических научных сил и в самом Советском Союзе. Знаменательно, что по времени проведения ленинградская научная сессия совпала с большой организаторской работой, проходившей в Академии наук СССР и завершившейся созданием в январе 1947 г. Института славяноведения АН СССР, который вскоре стал общепризнанным крупнейшим центром научных исследований в области славистики и балканистики.

¹⁶ Н. К. Жакова. Первая конференция студентов-славистов. «Вестник высшей школы», 1974, № 3, стр. 45—46.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ДУШАН МОРАВЕЦ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ ИВАНА ЦАНКАРА В СЛОВЕНСКОМ И ЮГОСЛАВСКОМ ТЕАТРЕ

Иван Цанкар (1876—1918) — величайший словенский прозаик и драматург, один из виднейших мастеров югославской литературы, обладающий многогранной авторской индивидуальностью как в отношении своего стиля, так и с точки зрения богатства мотивов и их решения. В его ранней прозе и драматургии заметны следы декаданса, на части его произведений лежит отпечаток символизма, некоторые новеллы и драмы позднего периода приближаются к новому, отнюдь не отвечающему традиционным понятиям реализму. В его творчестве звучали и религиозные мотивы, часто имевшие символическое значение (например, прозаический набросок «Шествие Христово», опубликованный в первомайском номере газеты «Рдечи прапор» — «Красное знамя»), — из-за них не раз возникали споры. Но все же наиболее значительные черты его наследия — протест против лживой буржуазной морали и предвидение того времени, когда народ будет сам творить свою судьбу, как предсказал он в своей драме «Холопы».

Уже первая его юношеская драма «Романтики», при жизни писателя ни разу не поставленная, состоит из двух существенных элементов: с одной стороны, это интимная драма повидавшего мир интеллигента с раздвоенным сознанием, и девушки, выросшей в душной атмосфере буржуазной словенской семьи, а с другой — общественная сатира, острие которой направлено против буржуазной морали и политиканства. Этот второй элемент получает более зрелое воплощение в сатирической комедии, которой автор дал многозначительное название «На благо народа». Комедия, содержание которой — спор между двумя политическими деятелями, представителями двух находящихся у власти партий или двух фракций одной буржуазной партии — нечто более значительное, чем насмешка над буржуазией. Писатель вывел на сцену журналиста Шуку, находившегося на службе у влиятельного лица. Однако, по ходу пьесы и особенно в конце ее, Шука отходит от своего патрона, все более осознает свое призвание и в финале прямо предсказывает революцию. Уже в первом споре с хозяином Шука заявляет ему, что у него есть свое мнение и свои убеждения. В разговоре с «дамой-народницей» он избегает резких выражений, но дает понять, что на смену тяжким, душным дням придет буря. Он весьма конкретен и в беседе с Горником — честным человеком, которого политиканы тоже хотели использовать в своих целях: «Когда в холопе проснется хозяин, в рабе король! Дорогой мой, тогда не станет „народа“, тогда будут только люди, отважные и гордые... короли в лохмотьях!

Тогда перестанет существовать народ, который всегда кто-то тянет за узду, который продают и покупают за грош, за подобострастную улыбку!...»¹. Владелец газеты, все еще чувствуя себя господином Шуки, заказывает ему декларацию в духе своих политических интересов. Шука обещает это сделать, подчеркнув: «Разумеется, буду писать... обращение...». И вот каково это обращение, которое Шука произносит в конце третьего действия, в сцене, символически предрекающей революцию: «За ваш широченный стол сядут забытые богом батраки, отверженные и бездомные. Разорвите ваши воззвания, сбросьте с плеч заботу о народе и его благе! Ибо „народа“ больше нет! И нет больше батраков, нет больше отверженных...». Тем самым Цанкар поворачивает острие своей комедии не только против лживой буржуазной морали, любовной и политической, но — более того — прямо предсказывает эпоху, когда пролетариат станет господствующим классом. Понятно, что появление такой сатиры в 1900 г. отнюдь не было желательно на официальной сцене, особенно в связи с тем, что некоторые представители официального мира Люблины увидели в ней самих себя. Не требовалось полицейской цензуры, достаточно было цензуры мещан — «патриотов», по словам писательницы Зофки Кведровой. Стараниями этой писательницы пьеса, которая в Словении шесть лет ждала премьеры, была поставлена в Праге. Когда же, благодаря некоторым переменам во внутреннем положении, руководство театра перешло в другие руки, комедия была поставлена и в Люблине. Это был настоящий триумф любителей театра, хотя среди рукоплескавшей публики были и те, против кого было направлено острие сатиры.

Журналист Шука в то время был не единственным образом революционного интеллигента в драмах Цанкара. Мы должны вспомнить и еще одного — «не кончившего курс студента» Макса в драме «Король Бетайновы».

Эта драма, написанная несколько позже комедии «На благо народа», но поставленная раньше, отличается от нее по содержанию. Во-первых, речь идет о пьесе, не имеющей сатирической подоплеки, во-вторых, действие происходит в деревне, в полукрестьянской, полуторговой среде. Властитель, стоящий в центре событий драмы, — не прилизанный и утонченный буржуазный политикан, а насильник по натуре, человек жестокий и грубый. Цель его, однако, все та же — власть любой ценой. Центральные образы этих двух пьес, противостоящие «хозяевам жизни», обладают рядом общих черт: журналист Шука в комедии и студент Макс в драме — образы, родственные самому писателю, хотя речь идет не о родственности человеческих черт. Макс — образ более глубокий. Он — борец не из шумливых, последователен, держится с достоинством, тверд в своем решении развенчать Кантора — «короля» Бетайновы, отнять у него королевский жезл. Это его намерение осталось нереализованным, ибо «король» был достаточно силен, чтобы предупредить его выстрелом в сердце — и остаться безнаказанным. Кантор сознавал это с самого начала и без обиняков предупредил молодого революционера: «Будьте разумны, пораскиньте умом, да будь мое пальто все в крови, и вы придете и покажете: „Смотрите, он убил: вот и кровь на нем!“ — то вас сразу схватят за чуб и погонят в сумасшедший дом. Король Бетайновы — убийца? Ерунда! Так, в шутку, видно, от скуки малость кровью испачкался! И пускай при этом будет сто тысяч человек, которые бы слышали и видели все, они отвернулись бы: „Король Бетайновы — убийца? Ерунда! Это лишь дурной сон нам приснился“, и посадили бы вас приятель, в сумасшедший дом». Макс

¹ Здесь и далее цит. по И. Ц а н к а р. Избранное. М., 1958.

кончил свою жизнь трагически, так и не выполнив своей миссии. Он был бунтарем, но чувствовал, что сам он слишком мал, а руки его «слишком слабы, чтобы развеять мрак». Один из первых бунтарей против насилия и эксплуатации, он был для своего времени и условий настолько последовательным и законченным образом, что мы можем считать его одним из первых знамений грядущего переворота, происшедшего в югославских литературах в 20—30-е годы.

Познакомившись с двумя театральными героями Цанкара и вспомнив пророчество Цанкара о победе пролетариата в драме «Холопы», обратимся к роли самого Цанкара в культурной и политической жизни Словении.

В 1906 г., когда Иван Цанкар уже шестой год напрасно ждал постановки его сатирической комедии «На благо народа», словенский театр в Любляне переживал достаточно бесславный период. Ведущую роль в нем играли иностранные актеры и режиссеры, особенно чешские (в то время как словенские артисты играли первые роли в Загребе, Белграде, Софии и в других местах). Репертуар театра был довольно пошлым. Театр страдал от недостатка средств, поэтому надо было думать о кассовых сборах. Из года в год вынужденный считаться со вкусами невзыскательной публики, театр привлекал ее или популярными водевилями иностранного, в основном немецкого происхождения, или инсценировками словесной прозы, в которых выступали вместе с актерами настоящие крестьяне. Этому репертуару уделял особое внимание директор театра Фран Говекар, который сам был автором ряда таких «народных пьес», а перед единственным настоящим драматургом того времени, Иваном Цанкаром, двери театра были закрыты. Цанкар давно осуждал то направление, которого придерживался отечественный театр. Одно на первый взгляд незначительное событие дало ему повод к полемическому выступлению, которое внесло свежую струю в душную атмосферу тогдашней словенской сцены. Исполнялась «народная пьеса» «Мартин Крпан» — весьма свободная инсценировка Говекара классической словенской повести Франа Левстика.

На сцену выводилась живая лошадь, которую по ходу пьесы украшали цветами, ей вешали на шею лавровый венок — подобной чести, по словам Цанкара, до сих пор не удостоивался ни один словенский литератор. Об этой сцене писалось и в газетах; Цанкар сначала отозвался на нее иронической статьей, на что в резком тоне ответил директор театра. Развернулась острая, по сути своей глубоко принципиальная полемика, затронувшая основные культурные проблемы того времени. Ставшая знаменитой, эта полемика вошла в культурную историю Словении под названием «Крпановой кобылы». Позднее статью под тем же названием Цанкар включил в свою книгу. Именно эта полемика, явившаяся первым большим выступлением Цанкара в борьбе за подлинно художественный театр в Словении, повлекла за собой уход Говекара с поста директора (правда, временный), и в период «междоцарствия», когда театром заведовал профессор Фридерик Юванчич, Цанкар вновь заговорил со сцены: сначала сатирической комедией «На благо народа», а год спустя фарсом «Соблазн в долине святого Флориана», в котором он обличал лживую мораль и выразил свое художественное кредо.

Особое место занимает в творчестве Цанкара драма «Холопы» (1910). В ней сочетаются глубокая, интимная исповедь, сатира на политические условия, осуждение насилия и пророческое предвидение будущего.

После победы клерикальной партии на выборах в небольшом словенском городке из всех членов учительского коллектива только один не желает отречься от своих прежних убеждений и сжигать книги. Это — учитель Ерман. Когда его приглашают на покаянное собрание учителей и

пытаются убедить в том, что «честь педагога» требует подчиниться властям, он отвечает:

«Эту песенку я знаю. Честь педагога требует сегодня быть белым, а завтра черным — как прикажет господин. Еще требуется, чтобы голова болталась на веревочке — так сподручнее кланяться на все четыре стороны; и еще, чтобы колени были не из костей, а из теста — так удобнее брякнуться в грязь посреди дороги, коли прикажут. И, наконец, педагогу рекомендуется держать свой рот на замке, а ключ от него повесить на дверь школы. Эту заповедь я знаю наизусть».

В финале драмы мир насилия сгибает и гордого учителя Ермана. Однако, он теряет только веру в себя, но не теряет веры в то, что завтрашний день будет иным. Ермана переводят в другую школу. Прощаясь с кузнецом Каландером, с которым он вместе организовывал собрания местных рабочих, Ерман говорит: «Мне уже не бывать на сходках». Пожимая сильную руку пролетария, он добавляет: «Твоя рука стоит двух моих! Этой руке суждено выковать свет... Нет, сходки уже не для меня. Вы, чьи сердца молоды, а руки сильны, за вами дело! Вашим плечам служить опорой жизни!»

По вполне понятным причинам эта пьеса не была показана при жизни писателя. В ней было не только разоблачено низкопоклонство тех, кто подчинялся клерикальному режиму, но и прямо предсказана грядущая победа пролетариата, причем в гораздо более четкой и осознанной форме, чем в сатирической комедии «На благо народа». Далее, «Холопы» представляют собой воплощенную в художественной форме исповедь благородного человека, сломленного жизнью и потому уступающего свой путь борьбы за будущее более сильному.

Знаменательно, что идейное содержание этой пьесы многим оказалось не по вкусу и поэтому после установления Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. ее появление на сцене всячески тормозилось. «Холопы» были сначала показаны в Триесте, потом в Загребе, а в Любляне — лишь год спустя после смерти писателя. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, пророческие монологи Ермана вызывали такую бурную восторженную реакцию аудитории, что цензура потребовала вымарать некоторые места.

Литературное творчество Цанкара еще при жизни писателя было довольно хорошо знакомо не только словенцам, но и другим югославским народам, но сцена долго оставалась закрытой для Цанкара — драматурга. Неудивительно, что театральные подмостки долго оставались закрытыми для него и в Любляне.

Исключением была юношеская драма Цанкара «Якоб Руда», поставленная вскоре после люблянкой премьеры и в Загребе (1900). Заслуга этой постановки принадлежит словенскому режиссеру Борштнику, работавшему тогда в столице Хорватии.

Позже знакомство других народов Югославии с Цанкаром состоялось благодаря усилиям словенских артистов, игравших в Загребе, Белграде и других городах (Нучича, Прегараца, Делака и других). Большую роль сыграли и гастроли словенских театров, которые объехали всю страну с фарсом «Соблазн в долине святого Флориана». Национальный театр в Белграде обратился к Цанкару с большим опозданием — только в 1933 г., что объясняется напряженной политической ситуацией в стране накануне второй мировой войны. Подлинное воскрешение драматургии Цанкара в театрах народной Югославии наступило после революции.

Ф. И. СТЕКЛОВА

ТАЙНА ОДНОГО ПИСЬМА

Из жизни польского революционера XIX в.
Адольфа Янушкевича, автора книги
«Дневники и письма из путешествия
по казахским степям»

В мае 1968 г., работая в отделе рукописей библиотеки Ягеллонского университета в Кракове, в небольшой папке с названием «Autografy powsze ze zbioru W. Górskiego»¹ я обнаружила два пожелтевших от времени листочка очень неплотной бумаги, строчки первой страницы явственно проступали на вторую. Это было письмо, начинавшееся словами «Stało się» и написанное хорошо знакомым мне почерком Янушкевича! На первой странице по самому верху кто-то другой, видимо собиратель автографов Гурский, написал: «Do rólkownictwa Michałostwa Januszkiewiczów w Krasnem». Три странички были полностью исписаны, заканчивалось оно на четвертой, где была подпись «Adolf», дата и небольшая приписка в конце письма. Под подписью Адольфа Гурский написал: «Januszkiewicz». Письмо написано торопливо, строки косые, видно, что пишущий испытывал большое душевное волнение. Содержание, на первый взгляд, было очень странным, даже интригующим.

Но сначала об адресатах письма и их отношениях с писавшим. Михал Янушкевич, бывший подполковник армии Тадеуша Костюшко, приходился Адольфу близким родственником. Подполковник с женой были бездетны, жили на Подолии в имении Красном. Сделав Адольфа своим приемным сыном, они записали на его имя все имущество, в том числе и имение, где Адольф и находился после окончания Виленского университета в 1823 г.

Поступив в 1821 г. на отделение литературы Виленского университета, Янушкевич вскоре стал одним из самых активных членов кружка «голубых» филаретов, созданного филоматами. И кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы окончив университет, он не исчез из поля зрения виленских жандармов, уехав на Подолию.

Вернемся теперь к письму.

«Свершилось. Пережив первые минуты отчаяния, сообщаю, что во время моего последнего пребывания, я застал всех. По разным причинам (о которых никогда и ни с кем — даже с родной матерью — я не в состоянии буду говорить) дела находятся в таком состоянии, что я обязательно должен

¹ Библиотека Ягеллонского университета, отдел рукописей, «Autografy powsze ze zbioru Wład. Górskiego», 7855, IV, к. 12, 12 об, 13, 13 об.

покинуть эти места, так как иначе, будучи в таком болезненном состоянии, лишился бы жизни, которую — по многим причинам — обязан сохранить. Заклинаю Вас всем святым, чтобы Вы: 1) не задавали мне вопросов об этом деле, потому что тогда Вы коснулись бы той слабой стороны, от которой зависит моя жизнь; 2) чтобы никогда никого также об этом не спрашивали, потому что все равно ничего бы не узнали, кроме приукрашенных сплетнями домыслов; лишь нам двоим известны истинные причины. Если она сама когда-либо Вам что-нибудь расскажет — это и будет единственной правдой; 3) прошу Вас никогда не высказывать ни малейшего недовольства, потому что в этом никто не виноват, и я ручаюсь Вам честью, что сохраню о Вас в своем сердце самую добрую память. Судьба и Провидение хотели иначе — это уже другое дело. Поэтому прошу только о том, чтобы Вы прежде всего показывали перед всеми свою неосведомленность во всем, прошу говорить то, что есть на самом деле: больной человек ищет возможности поправить здоровье, и ничего более»².

Думаю, что упоминание особы женского пола, слов «сплетни», «нам двоим» — толкнуло собирателя автографов сделать приписку, что это письмо касается любовных переживаний. Однако никаких других доказательств не приводится, а этих слов явно недостаточно, тем более, что — как видно из письма — главная тайна известна только одному автору и о ней он не сказал бы даже родной матери. Что касается дальнейшего содержания письма, оно носит характер явно политический.

«Итак, видя свое здоровье в таком состоянии, что малейшая причина могла бы подорвать его, — я решаю уехать, я должен искать спасения, поэтому умоляю Вас, чтобы Вы со своей стороны не ставили мне никаких преград, потому что это добьет меня. Я должен скрыться, но сознавая мои обязанности, и поскольку в основе моих поступков прежде всего честь — я буду в следующем году в Петербурге для защиты от н а п а д о к С т е ц к и х, буду, хотя бы мне пришлось для этого приехать с другого конца света: разве только жив не буду или окончательно подорванное здоровье не позволит. Мой приезд — даже такой — будет для Вас гораздо более полезен, ибо если бы я выезжал отсюда и брал паспорт, то сразу бы сообщили Соболевскому, и он был бы настороже, а так я тихо приеду, дам Вам знать и предприиму все, что только будет возможно. Если Вы хотите использовать меня для соглашения с ними, я тоже с удовольствием поеду, но думаю, что кто-нибудь другой, постарше меня — легче бы это осуществил, особенно, если они тут будут одни (напр., г-н Зеленский). Для других же, более мелких дел — я не нужен, так как они уладятся сами по себе».

В этом отрывке привлекают внимание слова о том, что Адольф вскоре может оказаться очень далеко отсюда, но в будущем году — если в этом окажется необходимость — обязательно приедет в Петербург. Но нигде и никогда не упоминалось о том, что Адольф Янушкевич бывал в Петербурге. Поэтому до сих пор я и не придавала значения фразам, которые прочитала ранее в биографии Янушкевича, написанной Феликсом Вротновским, который цитирует письмо Янушкевича из Нижнего Тагила, где говорится о встретившем его поляке Антоне Кожуховском, главном управляющем Демидовскими заводами: «Он уже совсем не похож на того, каким был 25 лет назад в Петербурге, сильно постаревший, жалующийся на боль в груди. . .»³. Если Адольф приехал в Нижний Тагил в феврале 1853 г., сле-

² Здесь и далее перевод письма Янушкевича выполнен автором статьи.

³ «Zywot Adolfa Januszkiewicza», t. I. Berlin, 1875 (Предисловие Ф. Вротновского, стр. 183).

довательно, 25 лет назад — 1828 год. Это означает, что во второй половине 20-х годов Янушкевич был в Петербурге. У кого? Зачем? С кем мог еще встречаться? Но к этому мы вернемся несколько позднее. Единственное, что можно сказать: поездка была нелегальной.

Последняя часть письма заключает в себе самохарактеристику и важную информацию о ближайшем будущем автора письма.

«Пройдя за эти десять лет по счастливым и несчастным дорогам, в самой весенней поре жизни, — я остаюсь без состояния, здоровья, счастья, покоя, не имея даже возможности наводиться в этих краях и служить Вам по-прежнему. В таком печальном положении для меня были бы самой большой тяжестью и добавили бы еще больше огорчений благодеяния, которые Вы мне оказали. Поэтому заявляю: ныне я не могу их принять и чувствую себя обязанным просить Вас, чтобы Вы поступили с ними — как Вам заблагорассудится. Все это облегчит доверенность, выданная мною год назад, а если она теперь не действительна, то я сейчас же сделаю заявление, в котором откажусь от Ваших благодеяний и сложу их обратно к Вашим ногам. Потому что, повторяю: они для меня сегодня являются самой большой тяжестью.

Если Вы в своем ответе дадите мне обещание, что не будете задавать мне никаких вопросов, письмо это, никому не показав, — сожжете, словом, выполните все мои просьбы и со спокойным лицом примете несчастливца, здоровье которого требует даже такой жертвы, как оставление своих приемных родителей, — я буду служить Вам завтра, — ибо сегодня не могу.

Адольф

17 мар(т) 1824.

Красн(ое)

Надеюсь, однако, что придет то время, когда я возвращусь на Подол. Это возвращение зависит от моей жизни и еще одной случайности.

Прошу помнить о Гриколевском, ибо это у меня на сердце».

Прежде всего следует остановиться на «темных местах» этого письма. Они, на мой взгляд, двух типов: поддающиеся расшифровке и, за дальностью времени, не поддающиеся (или с трудом) расшифровке. Это, в частности, названные в письме неизвестные лица: какая-то женщина, Стецкие, Гриколевский, Соболевский, Зелинский. . .

Расшифровке «темных мест» первого типа и посвящены дальнейшие исследования. Сразу же следует отметить «конспиративную деталь»: мнимая болезнь пишущего письмо. Ею Адольф прикрывается во всех случаях, стремится внушить родным, что они должны говорить о его болезни как о причине бегства и всегда на нее ссылаться. Настойчивость вызывает представление о других мотивах — настоящих, а именно — политических, и в дальнейшем у нас будет возможность убедиться в этом окончательно.

А пока соотнесем письмо с событиями, которые происходят за пределами Каменец-Подольской губернии. В Вильно царскими властями арестовано более ста студентов, имеющих отношение к обществу филлатов-филаретов. Там же в начале 1824 г. над руководителями движения — Адамом Мицкевичем, Томашем Заном, Петрашкевичем и другими — начался судебный процесс, который тянулся до середины мая. Письмо Янушкевича датировано 17 марта. О процессе, конечно, он знает. Но, может быть, не все? Может быть, не знает подробностей следствия, не знает, была ли названа его фамилия? Но если она названа, то, значит, в его судьбе в самое ближайшее время может произойти крутой поворот к худшему, опасный

для жизни. Не потому ли он так настаивает на своем решении немедленно скрыться, уехать тайно? Эта именно подробность и ставит письмо в прямую связь с виленским процессом.

Необходимость скрыться, по его словам, обусловлена «состоянием дел» после того, как он «всех застал», т. е. виделся с кем-то. Где? Кого видел? Что-то знает особа женского пола, также не названная в письме, но вряд ли и она посвящена в суть дела. Тут сплошные недомолвки, и всего мы, наверно, никогда не узнаем.

После того как прошел первый порыв отчаяния, юноша (ему еще нет 21 года) дает родным советы, как вести себя: ссылаться на полное неведение, на его болезнь. И уж только наличием политических мотивов можно объяснить ту часть письма, где Адольф отказывается от наследства. Это понятно: если его схватят, то все его имущество будет конфисковано, и родители останутся без крова над головой! Это он и называет «самой большой тяжестью» на сердце. Добавим, что он прекрасно понимал, как оценят его «дела» царские власти.

И вот еще одна интересная подробность: доверенность на владение имуществом он подписал год тому назад. А ведь именно год назад и начались «неприятности» у виленских студентов!

Это письмо написано мужественным человеком, знающим, что он обречен себя на скитания, полное отсутствие средств к существованию, одиночество. Его утешает сознание — не даром он делает знаменательную приписку! — что он сумеет еще вернуться в родные места!

Важность сведений, заключенных в письме, подчеркивается требованием немедленно по прочтении сжечь его (к нашему счастью, требование не было выполнено).

Нам сегодня трудно установить, покидал ли Адольф Красное, и если да, — то где находился? Может быть, поехал в Вильно и встречался с Адамом Мицкевичем и другими друзьями, может, несмотря на грозящие опасности — участвовал в переговорах с южными декабристами? Ведь от Красного до Киева, где в 1824 г. «во время киевских контрактов. . . Бестужев установил связь с С. Крыжановским»⁴, представителем польского Патриотического общества, — гораздо ближе, чем до Вильно.

В литературе, исследующей отношения польских революционеров и декабристов, уже много сказано о связях Мицкевича с членами Южного общества. Но ведь личные встречи могли быть только, когда «по дороге в Одессу Мицкевич посетил Киев»⁵ (т. е. в начале 1825 г.). А до этого у него, надо предполагать, были связи. А разве не мог быть связным такой верный человек и друг Адольф Янушкевич, живший в те времена на Подолии и до марта 1826 г., когда его избрали заседателем Подольского главного суда⁶, совершенно свободный от какой-либо службы и имевший возможность полностью отдаться патриотической революционной деятельности?

Где же завязалась и окрепла дружба Адольфа Янушкевича с великим польским поэтом? Ответ может быть только один: в Вильно, в ту пору, когда Адольф поступил на отделение литературы и Мицкевич стал его кумиром, о чем он не раз писал. Правда, последний уже учительствовал в Ковно, но бывал частым гостем в Вильно. Очевидно, их сближению способствовало возвращение в декабре 1821 г. в университет на кафедру профессора Иоахима Лелевеля. Янушкевич вскоре становится одним из самых любимых и особо ценимых учеников весьма демократически настроенного

⁴ О. В. Орлик. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975, стр. 140.

⁵ С. С. Советов. Адам Мицкевич. Изд-во ЛГУ, 1956, стр. 86.

⁶ ЦГАОР, ф. 109, 1830, д. 448, ч. 90, л. д. 8.

профессора⁷, а Мицкевич, в свое время с восторгом слушавший его лекции и написавший «Оду в честь Лелевеля», всеми силами души ищет с ним контактов и добивается их. Позднее именно Лелевель берет Адама Мицкевича на поруки после процесса филоматов в мае 1824 г.

События, развернувшиеся в Вильно после приезда царского палача, сенатора Новосильцева в середине 1823 г., как мы уже говорили, не заделли Янушкевича. Но письмо, написанное 17 марта 1824 г., неопровержимо доказывает, что он внимательно следил за тем, что происходило в Вильно, понимал, что цепкие пальцы царских жандармов могут дотянуться и до него. Он-то знал, что он причастен. . . И, судя по письму, — собирался активно действовать, и, как уже сказано, может быть, добрался до Вильно, а потом и до Киева. Конечно, скептики скажут: нет доказательств. Но разве не является доказательством — пусть косвенным! — тот факт, что и Бестужев и Янушкевич в образе Адольфа из Варшавского салона появляться вскоре в III части «Дзядов» Мицкевича!? Надо понять, каким счастьем для Мицкевича было увековечить своих друзей: «Иных уж нет, а те далече», а в поэме они вместе! И эта причастность стоит многих документальных свидетельств.

Попробуем выдвинуть еще одно доказательство имевшейся между Янушкевичем и Адамом Мицкевичем тайной связи. И кстати вспомним, что Янушкевич сам упоминал в письмах о 1828 г., как о времени, когда он видел в Петербурге Антона Кожуховского. Не мог ли он тогда видеться и с Адамом Мицкевичем? Ведь именно в 1829 г., еще в январе, не дожидаясь окончания срока своей выборной депутатской деятельности, Янушкевич начинает хлопоты о разрешении ему по состоянию здоровья (!!) выехать для лечения на воды. В Государственном военно-историческом архиве сохранилось в деле Янушкевича любопытное свидетельство с сургучными печатями, с уплатой гербового сбора «три рубли», составленное в присутствии винницкого полицмейстера поветовым штаблекарем, о необходимости для Янушкевича выезда для лечения минеральными водами на Кавказ или в Австрию⁸.

Янушкевич предпочел Австрию и в мае 1829 г. отбыл за границу. . .

В мае 1829 г. Адам Мицкевич выехал из Петербурга за границу. . .

В Италии происходит встреча двух старых друзей и вместе они путешествуют по благословенному югу. Однако подробностей нет нигде — ни в письмах, ни в дневниках.

Но связи не прервались. Известно, что в 1836 г. брат Адольфа Евстафий за границей передал Мицкевичу полученные от ссыльного революционера из Ишима, где тогда находился поэт-декабрист Александр Одоевский, письмо и план местоположения Ишима. Известно также, что Мицкевич ответил ему, но губернский полицмейстер письмо конфисковал, оставив только несколько «крамольных строк» в почтовом журнале для доказательства. . .

Вот как одно небольшое письмо, несколько страничек, уцелевших и дошедших до нас из тех далеких лет, может заполнить большой пробел в наших сведениях о живших тогда и боровшихся за светлые революционные идеи благородных людях, о замечательных патриотах своей родины, каким был Адольф Янушкевич.

⁷ Ф. И. Стеклова. И. А. Одоевский и Адольф Янушкевич, «Советское славяноведение», 1968, № 3, стр. 59.

⁸ ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, 1832, д. 94, св. 6, л. д. 22.

В. П. ГУДКОВ

К ВЫЯСНЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ИЗДАНИЯ «ИСТОРИИ РАЗНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ» ЙОВАНА РАЙЧА

Достопримечательной стороной сербской книжности XVIII столетия¹ является относительная многочисленность исторических сочинений. Вспомним рукописную хронику Георгия (Джордже) Бранковича (ум. в 1711 г.), «Историю о Черной Горе» черногорского владыки Василия Петровича, изданную в 1754 г. в России, «Краткое введение в историю происхождения славеносербского народа» Павла Юлинца (1765), двухтомное жизнеописание российского императора Петра I с обзором истории и географии России, составленное Захарием Орфелином и изданное в 1772 г. в Венеции, а в 1774 г. в Петербурге, «Известие о народе славенском» — сохранившееся в рукописи произведение Симеона Пишчевича (1795). Высшим достижением сербской исторической литературы XVIII в. стала «История разных славянских народов» Йована Райча, изданная в Вене в 1794 — 1795 гг.²

Обостренный интерес к истории в условиях национального подъема сербского народа — вполне закономерное явление. Он был свидетельством пробуждения и роста национального самосознания, выражением социальных процессов, свойственных периоду формирования нации. Изучение обстоятельств появления, издания и распространения исторических трудов имеет поэтому важное значение для истории сербского народа и его культуры.

Для сербской литературы XVIII в. и культуры в целом знаменательны прочная и активная связь с Россией, использование разных форм помощи русского народа, в частности в просвещении и книгоиздании. Русско-сербские культурные связи давно стали предметом исторических и филологических разысканий и осмыслений (еще в начале нашего века появились монографии П. А. Кулаковского «Начало русской школы у сербов» и П. А. Заболотского «Русская струя в литературе сербского Возрождения»), однако материал, подлежащий исследованию и интерпретации, настолько богат и разнообразен, что почти каждое новое обращение к источникам открывает россыпи драгоценных сведений³.

¹ Под книжностью здесь подразумевается литература в самом широком значении этого слова, т. е. весь корпус созданных сербами книг и рукописей, в которых языковыми средствами отражена и выражена духовная и материальная культура того времени.

² «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгарь, Хорватовъ и Сербовъ изъ тмы забвенія изытая и во свѣтъ историческій произведенная Иоанномъ Райчемъ архимандритомъ во Святоархаггелскомъ монастырѣ Ковилѣ. Въ Виеннѣ, ч. I—III, 1794; ч. IV, 1795.

³ См., например, М. Б о ш к о в. Руска штампана књига у нашем XVIII веку. «Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду», књ. XVI/2. Нови Сад, 1973, стр. 527—567.

Внимательное изучение книжной продукции сербских литераторов и издателей приносит находки, обогащающие картину сербско-русского сотрудничества в XVIII в. многозначительными деталями. Так, давно известны упоминания современников Й. Раича о предполагавшемся и возможном содействии русских деятелей изданию его книги, однако эти свидетельства не были достаточно определенными и достоверными. Рассматривая обстоятельства публикации исторического труда Й. Раича, Н. Радойчиц писал: «Митрополит Стратимирович отводил России такую же роль в издании „Истории“ Раича, как и в освобождении Сербии. Она была его главной и, естественно, сокровенной надеждой; невозможно поэтому вывить во всей полноте причастность России к этому делу»⁴.

Труд Й. Раича, завершённый, как известно, в 1768 г., оставался в рукописи более 25 лет. Организатором его издания стал митрополит С. Стратимирович после того, как в 1792 г. венская типография Й. Курцбека перешла в руки серба С. Новаковича, связанного с митрополитом и дружбой и деловыми интересами. По словам Н. Радойчица, Стратимирович «здоровым и тонким политическим чутьем уловил политическую потребность в „Истории Сербии“ накануне предугаданного начала решительной борьбы за освобождение сербов»⁵ и передал рукопись Й. Раича новому владельцу типографии.

Выпуск четырехтомного труда (более 2000 страниц печатного текста) требовал больших расходов. Объявленная подписка, несмотря на активный отклик потенциальных читателей (известны имена около 450 „пренумерантов“, уплативших деньги приблизительно за 650 экземпляров книги)⁶, не могла покрыть издательских издержек. Из переписки митрополита стало известно, что сербы рассчитывали на финансовую поддержку со стороны русского посла в Вене кн. Д. М. Голицына. В одном из писем Стратимирович давал издателю указания о тексте посвящения Д. М. Голицыну, которым предполагалось открыть книгу⁷.

Однако эта предусмотрительность оказалась излишней. Д. М. Голицын умер 19 сентября 1793 г., не исполнив, судя по всему, своего намерения финансировать выпуск в свет исторического труда Й. Раича. Поэтому «История разных славянских народов» (по крайней мере, те ее экземпляры, которые пользовались пристальным вниманием специалистов — историков, филологов и библиографов) не имеет посвящения Д. М. Голицыну.

Неожиданные новые сведения о публикации этой книги и об участии русских в ее судьбе обнаружались в экземпляре Раичевой «Истории», принадлежащем библиотеке МГУ. Его первый том (часть I) представляет существенное отличие от известных библиографам экземпляров книги.

Согласно описанию Г. Михайловича (со ссылкой на фонды восьми библиотек Югославии), в части I «Истории» перед титульным листом помещен портрет автора, а за титульным листом следует гравюра — изображение пирамиды с гербами. Затем на непагинированных страницах находятся: «Предисловие к любителю истории», «Расположение Саскиево сербския истории», «Расположение анонимово тояж истории», «Каталог аукторов достоверных, из которых историческая повесть сия составлена» и «Синописис» (т.е. оглавление). После этого начинается основной текст книги⁸.

⁴ Н. Р а д о ј ч и ц Ђ. Српски историчар Јован Рајић. «Посебна издава Српске академије наука», књ. 204. Београд, 1952, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ Ј. Д е р е т и ћ. О издавању и претплатницима Рајићеве «Историје». В књ. Ј. Деретић. Доситеј и његово доба. Београд, 1969, стр. 20.

⁷ Н. Р а д о ј ч и ц Ђ. Там же, стр. 65, 172—173.

⁸ Г. М и х а и л о в и ћ. Српска библиографија XVIII в. Београд, 1964, стр. 282—283. Подобные экземпляры известны и в библиотеках СССР.

В экземпляре библиотеки МГУ находящийся за титульным листом вводный непагинированный отдел расширен и имеет ясную последовательность расположения материалов. В нем появилось посвящение и занимающее шесть страниц обращение к лицу, которому посвящена книга. Затем следуют материалы, находящиеся и в общеизвестном варианте издания, но расположенные в ином порядке: «Синописис», «Расположение» (первое), «Расположение» (второе), «Каталог аукторов» и гравюра (изображение пирамиды).

Текст посвящения (с обращением) в оригинальной орфографии: «Его сіятелству графу Николаю Петровичу Румянцову Ея величества імператрицы и самодержицы всероссійскія тайному совѣтнику и дѣйствительному камергеру; чрезвычайному посланнику и полномощному министру пребывающему во Франкфуртѣ при Майнѣ; орденовъ святаго Александра Невскаго, святаго и равноапостолскаго Владимира кавалеру. Милостивому Государю.

Милостивый государю!

Дѣло сіе прежде двадесяти и пятихъ лѣтъ сочиненное, изъ разныхъ причинъ сокрывено и бесполезно даже до настоящаго времени лежаше, наипаче же того ради, что ни состояніе Г. Сочинителя, ниже другая обстоятелства не дозволиша по желанію издати э. Коликою благоревностію, историческою точностію и прилѣжаніемъ сей, любовію къ единокровнымъ своимъ горящій Славянинъ мужъ, въ сочиненіи Исторіи сея трудился, кая же средства, собственнымъ иждивеніемъ своимъ во вся древнія же и нынѣшнія Славяновъ области путешествовавый онъ, употребилъ есть ко открывенію всѣхъ возможныхъ, яже къ дѣломъ ихъ относятся, оставляется чтецемъ изъ самаго сочиненія судити, полезность же его оцѣнити.

Сочиненію сему сие во мракѣ затмѣнія лежащу, Его Сіятелство покойной Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ благодѣтельнымъ случаемъ о бытіи и состояніи Его обстоятельно увѣдомленъ бывъ, абіе не токмо къ произведенію Его на свѣтъ и всеобщую ползу Славено-Сербскаго Народа наипаче содѣйствоваль, имени же своему посвятити э дозволилъ, но еще благосклоннѣйше изяснитися благоволилъ есть, изданіе и предислѣваніе его взяти подъ благодѣтельное покровительство свое и попеченіе.

Нещастію обаче сбывшуся Его Сіятелству въ самое время умерети, въ немже предуготовляхомся, ползоватися сего толикаго благодѣянія Его, ничтоже менше желающе то, что къ Его Сіятелству должнаго чувствуемъ, явно засвидѣтельствовати, непщумъ сіе наилучше учинити мощи, аще чувствительнѣйшую благодарность нашу къ безсмертному человѣколюбцу сему на жертвенникъ незагадимыя памяти Его предъ достойнѣйшимъ Вашего Сіятелства лицомъ возложимъ, понеже Вы, Милостивый Государю, Родственникъ Его есте, егоже неподражаемый Мужъ сей, яко образъ превыспреннихъ добродѣтелей своихъ, всенѣжнѣйше любяше, сіе къ Вамъ предлюбленіе свое доказавъ пренесеніемъ на Васъ дражайшаго добра своего, еже въ завидимой старости Его единое веселіе Ему бѣ.

Но паче всѣхъ сихъ Вашему Сіятелству самымъ собою вся, яже историческія древности Славяновъ касаются, предмѣтомъ мудраго вниманія же и прилѣжанія своего почитати благоизволяюще, сему же толь благодарному упражненію Вашему давно уже вѣществомъ воспаленія благодарнѣйшія къ Вамъ чувствительности нашея сущу, слѣшшимъ Вамъ наипаче принести дѣло, емуже искусное разсужденіе Ваше во первыхъ правду воздасть.

На вся сія взырая, Ваше Сіятелство, всячески проникнете во всю важность причинъ, имиже ободренни возмнѣхомъ, никому лучше неже Вамъ Исторію сію посвятити мощи, и благоволите сіе благодарности дерзновеніе

наше почести залогомъ признательнѣйшаго высокопочитанія же и благоговѣннѣйшаго нашего, елико къ благодѣлствовавшимъ намъ добродѣтелямъ покойнаго Дяди Вашего, толико и къ Вамъ, Сіятелнѣйшій Государю, егоже еще и скромное, обаче просвѣщеніемъ блистающее великодушіе, не отречется благосклонно воспріяти сіе искреннѣйшее сердцеъ нашихъ устремленіе.

Пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію Вашего Сіятельства Милостиваго Государя покорнѣйшій слуга Стефанъ Новаковичъ, издатель.

Во Виеннѣ 15 авг. 1794»

Итак, из посвящения, обнаруженного нами в одном экземпляре Раичевой «Истории», следует, что опубликованию этого замечательного для своего времени труда способствовали русские дипломаты. Обещание вспомоществования, которое не успел выполнить Д. М. Голицын, принял, по-видимому, на себя Николай Петрович Румянцев, посланник при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне, впоследствии знаменитый меценат, основатель Румянцевского музея. Д. М. Голицыну он приходился племянником, сыном его сестры Екатерины Михайловны и фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. В завещании Д. М. Голицына, бездетного вдовца, его племянники Николай и Сергей названы в числе душеприказчиков⁹.

У Румянцева появился, вероятно, и личный, индивидуальный интерес к капитальному историческому труду серба Й. Раича. Во время пятнадцатилетнего пребывания во Франкфурте он живо интересовался развитием литературы и гуманитарных наук в европейских странах, собирал библиотеку, обращая пристальное внимание «на все то, что касалось отечественной истории»¹⁰. Его помощь предприятию сербов, проникнутому духом славянского патриотизма, представляется вполне естественным актом. При этом Н. П. Румянцев вряд ли был заинтересован в афишировании своей причастности к деятельности австрийских сербов. Может быть, именно этим объясняется отсутствие посвящения в основном тираже «Истории» Й. Раича.

⁹ См. Духовное завещание князя Дмитрия Михайловича Голицына. «Журнал Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Заседание 6 окт. 1885 г.», 1885, стр. 16—22.

¹⁰ А. Старчевский. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории. Отгиск из ЖМНП, 1846, № 1, стр. 4.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ О КОШИЦКОЙ ПРОГРАММЕ

Национально-освободительная борьба чешского и словацкого народов против фашизма в годы второй мировой войны дала истории феномен создания широкого антифашистского Национального фронта, объединяющего не только представителей рабочего класса и примыкающих к нему трудящихся масс, но и представителей антифашистских кругов чешской и словацкой буржуазии, фронта, в котором к моменту освобождения страны роль гегемона прочно удерживал рабочий класс и его партии.

Ни в одной из оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы не было подобного объединения социальных сил в борьбе против фашизма. В Польше, Югославии и Албании все главные политические группировки господствующих классов, даже те из них, которые стояли на антифашистских позициях, в силу разных причин оказались вне фронтов, формирующихся при участии коммунистов. В Чехословакии же сложившийся широкий блок, выступавший за национальное освобождение и восстановление государственной самостоятельности, был результатом сложной, длительной борьбы двух основных классовых сил общества за руководство национально-освободительным движением, борьбы, в которой победу одержал рабочий класс. Поэтому история создания Национального фронта чехов и словаков, история разработки его программы, позволившей рабочему классу и его политическому авангарду стать во главе нации, имеет сегодня не только историческое, но и большое политическое значение.

Рассмотрению этих вопросов посвящена вышедшая в 1975 г. работа чехословацких историков М. Боучека, М. Климеса, М. Вартиковой «Программа революции»¹. До сего времени, несмотря на то, что многие исследователи, рассматривая вопросы развития революции в Чехословакии, касались сюжетов, связанных с разработкой Кошицкой программы, не было еще создано работы, в которой

исследовалась бы сложная картина идейно-политической борьбы коммунистов за руководство национально-освободительным движением, за гегемонию в развивающейся революции. «Программа революции» восполняет этот пробел. Хронологически работа охватывает неполных два года — с 1943 по апрель 1945 г., т. е. до официального принятия Кошицкой программы правительством Национального фронта чехов и словаков.

Приводимый в ней фактический материал — результат истинно исследовательской работы и тщательного изучения как предпринятых ранее документальных публикаций², так и архивного материала³, мемуаров политических деятелей тех лет, материалов прессы.

Столь разнообразный круг источников позволил не только показать эволюцию основных политических направлений в чешском и словацком движении Сопротивления внутри страны и за рубежом, но и вскрыть причины, побудившие политических представителей антифашистских кругов чешской и словацкой буржуазии искать путей соглашения с представителями авангарда пролетариата — коммунистами.

Большой удачей авторов следует считать анализ чехословацко-советских переговоров в декабре 1943 г., и в частности разбор четырех меморандумов Э. Бенеша Советскому правительству по поводу послевоенного устройства страны. Авторы отнюдь не идеализируют фигуру Э. Бенеша как политического деятеля. Отдавая должное его позиции в решении международных вопросов, они подчеркивают, что он был и оставался по-прежнему противником коммунизма. Он надеялся под-

² «Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu», d. 1, 2. Praha, 1966; «Slovenské národné povstanie». Dokumenty. Praha, 1965; «Za slobodu českého a slovenského národa». Bratislava, 1956.

³ Авторы использовали фонды трех архивов ЧССР: Архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ, Архива Национального собрания ЧССР и Военно-исторического архива.

¹ М. Боучек, М. Климес, М. Вартикова. Program revolucie. Bratislava, 1975, 291 s.

писанием чехословацко-советского договора в определенной степени парализовать растущее влияние коммунистов внутри страны и сохранить, хотя и в модифицированном виде, буржуазно-демократическую систему управления, обеспечивающую буржуазии господствующее положение, т. е., говоря его словами, хотел «удержать революцию в разумных рамках» (стр. 42—45).

В работе детально восстановлена и картина переговоров московского руководства КПЧ с Э. Бенешем во время его визита в Москву в декабре 1943 г., в ходе которых Бенеш вынужден был признать, что коммунисты имели наиболее продуманную, наиболее четкую концепцию будущего развития страны. Ему пришлось согласиться с подавляющим большинством предложений руководителей КПЧ относительно политических и экономических преобразований в освобожденной республике и признать компетенцию национальных комитетов как органов новой государственной власти в стране после войны. Результаты этих переговоров авторы книги совершенно справедливо оценивают как «решительный перелом в борьбе за руководство всем национально-освободительным движением» (стр. 80). Этот перелом был достигнут благодаря гибкой политике московского руководства КПЧ, которое в разработке своей концепции развития революции учитывало необходимость сплочения всех сил нации для освобождения страны от фашизма.

Поэтому, выдвигая на первый план необходимость осуществления мероприятий антифашистского, общенационального характера, несколько приглушая их социальное звучание, коммунисты главное внимание сосредоточили на обеспечении условий активного участия масс в создании новых органов власти в послевоенном государстве. Партнеры коммунистов на переговорах в Москве приняли основы этой концепции, что собственно и явилось «важнейшим подтверждением ведущей роли коммунистов в борьбе против фашизма, за новую Чехословакию» (стр. 80).

Большое место в книге занимают сюжеты, связанные с освещением Словацкого национального восстания и влияния его на формирование программы складывающегося Национального фронта. Социальные и экономические мероприятия, проведенные в период восстания в освобожден-

ных районах, ликвидация фашистского режима и создание новых революционных органов власти — национальных комитетов и Словацкого национального совета, гегемония рабочего класса и ведущая роль коммунистов в движении позволили начать реализацию мер, которые были по своей сути прологом социалистической революции.

Восстание оказало существенное влияние на расстановку сил в антифашистском лагере страны и явилось важнейшим фактором, определившим позиции сторон на переговорах, начавшихся в марте 1945 г. в Москве между коммунистами, социал-демократами и представителями буржуазных партий, по вопросам программы будущего правительства.

Кошицкая программа, принятая 5 апреля 1945 г. первым правительством Национального фронта чехов и словаков, как целенаправленная программа национально-демократической революции, отвечая антифашистскому, национально-освободительному содержанию борьбы, открывала возможности коренных перемен политической, общественной и экономической жизни в освобожденном государстве.

Авторы правильно видят корни и истоки этой программы в теоретическом наследии В. И. Ленина, в его работах о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В конкретных условиях Чехословакии это перерастание могло осуществляться путем постепенных революционных структурных изменений всего общественного механизма страны и ее социально-экономической системы.

Принятие Кошицкой программы означало признание представителями буржуазии факта разделения с рабочим классом политической власти в послевоенном государстве. Она открывала пути к углублению революционного процесса в стране, к развитию социалистической революции.

Оценивая работу М. Боучека, М. Глимеша, М. Вартиковой по изучению одного из основополагающих вопросов развития революционного процесса 40-х годов, можно сказать, что объединение усилий чешских и словацких историков дало плодотворный результат — современная чехословацкая историография пополнилась интересным, творческим исследованием.

Г. Мурашко

В. Н. КАЗАК. Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран (1941—1945). М., 1975, 175 стр.

Советская литература о второй мировой войне непрерывно пополняется новыми исследованиями, научно-популярными очерками и воспоминаниями. В них раскрывается всемирно-исторический подвиг советского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашизма. В ряде книг рассказывается о том, как в годы войны, находясь вдали от Родины, советские патриоты продолжали активную борьбу против ненавистного врага. К числу такого рода книг относится и рецензируемая работа харьковского историка и журналиста В. Н. Казака, привлекающая внимание читателя богатым фактическим материалом, повествующим о героизме советских людей. Исследуя проблему участия советских людей в антифашистской борьбе народов балканских стран, автор проделал исключительно кропотливую работу по изучению численности, социального и национального состава советских граждан, бежавших из плена к партизанам Югославии, Болгарии, Румынии, Греции и Албании. Он приводит яркие факты их мужества и героизма, устанавливает имена ранее не известных участников Сопротивления, со многими из которых ему удалось встретиться. Большое внимание автор уделяет боевому содружеству советских воинов и партизан балканских стран, интернациональной солидарности побратимов.

Выход рецензируемой книги имеет большое значение и потому, что В. Н. Казак, рассматривая историографию вопроса, дополняет исследования В. В. Зеленина, В. И. Клокова, М. И. Семиряги, Т. С. Бушуевой и зарубежных историков¹. Он использует значительный круг новых источников, удачно систематизируя и обобщая их, отбирая и подвергая критическому анализу и проверяя с помощью архивных документов.

¹ В. В. Зеленин. Участие советских людей в народно-освободительной войне в Югославии. «Советское славяноведение», 1965, № 6; В. И. Клоков, А. В. Кудрицкий, А. И. Бречак. Далеко від Батьківщини. Українці в антифашистській боротьбі народів Європи (1941—1945 роки), Київ, 1968; М. И. Семиряга. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970; Т. С. Бушueva. Народно-освободительная война в Югославии и участие в ней советских людей. В сб. Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. М., 1973; Ж. Колев, К. Крстанов, М. Константинова, Р. Найденова. Червеноармейци — български партизани. София,

Автор справедливо отмечает, что возрасставшее под революционизирующим влиянием побед Красной Армии освободительное движение балканских народов внесло значительный вклад в разгром фашистских оккупантов, и разоблачает тенденциозные оценки буржуазных фальсификаторов, которые расценивают участие советских граждан в движении Сопротивления не как интернациональную солидарность антифашистов, а как попытку навязать народам Балкан советский государственный строй (стр. 6—7).

В первой главе книги освещается участие советских людей в освободительной борьбе народов Югославии. Автор отмечает, что в Сербии первые советские граждане появились в сентябре 1942 г. (стр. 15). Они бежали из лагерей, рабочих команд и эшелонов. В этой же главе сообщается о нескольких подразделениях, скомплектованных из советских граждан, действовавших на территории Сербии в 1944 г. Показаны действия советского («русского») батальона, которым командовал П. М. Оранский, входившего в состав VII Воеводинской бригады НОАЮ (стр. 17—21). После освобождения Белграда бойцы этого батальона влились в состав Красной Армии. В Хорватии советские военнопленные и «восточные рабочие» появились также с 1942 г. Автор исследует процесс концентрации советских граждан в ротах при частях НОАЮ к лету 1944 г. (стр. 22—24). Большой интерес представляет участие советских партизан в освободительной борьбе трудящихся Словении, где были сформированы 1-я «русская» ударная бригада под командованием А. И. Дьяченко, три батальона и несколько рот (стр. 36—41). В книге приводятся уточненные данные о 1-й «русской» ударной бригаде, в которой сражались около 800 человек. Всего же в Словении воевало свыше 1550 советских людей, 260 из них пали смертью храбрых (стр. 43—44).

По данным автора, на территории Боснии и Герцеговины в 1944 г. также был создан «русский» батальон, три советские роты и взвод интернационалистов, получивший название «Сталинград». Группы советских людей сражались в других частях НОАЮ. Общая их численность в Боснии и Герцеговине составляла около 600 человек (стр. 44—49). Осенью 1943 г. лагеря советских военнопленных появились и в Черногории. Часть из них пополнила Зетский отряд. Из другой части в конце ноября 1944 г. в 5-й Черногор-

1964; Ј. Вујошевић. Црвеноармејци у партизанима. Руски батаљони. «Комунист», 1963, № 323, 324.

ской ударной бригаде был сформирован батальон из 140 советских граждан. Всего в Черногории воевало более 300 советских людей (стр. 51—55). В Македонии в составе ряда рот и батальонов, составленных из советских граждан, сражались приблизительно 520 человек (стр. 56—66).

Участие передовых представителей из русской эмиграции в антифашистской борьбе народов Югославии освещается впервые. Автор справедливо отмечает, что патриотическая и прогрессивная часть эмигрантов, отмежевавшись от реакционного большинства, участвовала в партизанских операциях с 1941 г. Они помогали партизанам, подпольщикам, распространяли сводки Совинформбюро, устраивали саботаж на производстве. В конце 1941 г. они образовали в Белграде «Союз советских патриотов», который оказывал помощь пленным, вел пропаганду в пользу СССР (стр. 67—68).

По подсчетам В. Н. Казака, в частях НОАЮ и партизанских отрядах сражалось не менее 6100 советских граждан, которые действовали в составе 1-й бригады, 11 отдельных батальонов, 20 рот, 3 взводов и т. д. Из них погибло около 650 человек (стр. 73). Автор справедливо указывает, что командование НОАЮ использовало военный и политический опыт советских специалистов в штабах, в артиллерийских и других технических подразделениях.

Во второй главе освещается антифашистская борьба советских граждан в Греции, Албании, Болгарии и Румынии. С 1942 г. советские люди находились в 20 лагерях в Греции. В 1943 г. из бежавших советских военнопленных во 2-м полку ЭЛАС был сформирован первый батальон. Автор отмечает, что и при других частях были созданы подразделения из советских граждан (стр. 74—81). Приток советских людей в ЭЛАС усилился весной 1944 г. Всего в Греции сражалось около 1380 советских патриотов. Из них были сформированы 1 батальон, 3 роты и 1 взвод. Более 130 человек отдали свою жизнь за свободу греческого народа (стр. 90).

В книге сообщается, что осенью 1943 г. гитлеровцы привезли советских граждан в Албанию на строительные работы, откуда они вскоре бежали. Из них была сформирована рота, влившаяся в ряды албанских партизан. Всего в Албании сражалось более 130 советских граждан (стр. 91—93).

Советские граждане участвовали также в движении Сопротивления болгарского народа. Среди них были и болгары-политэмигранты. Часть советских военнопленных бежала из румынских лагерей, эшелонов; другую часть вместе с болгарскими политэмигрантами забрасывали самолетами и подводными лодками. Многие десантники погибли в обстановке об-

лав (стр. 95—97). Самая большая группа советских бойцов сражалась в болгарском интернациональном партизанском батальоне, организованном в апреле 1944 г. (стр. 106—107).

После победы Красной Армии под Сталинградом в Румынии усилилось движение Сопротивления, в котором, как отмечает автор, приняли участие и советские десантники, военнопленные и гражданские лица, угнанные на принудительные работы и содержавшиеся примерно в 35 лагерях (стр. 109), где советские люди вели самоотверженную борьбу. В книге освещено участие советских военнопленных в восстании румынских антифашистов в конце августа 1944 г. (стр. 115—123). В антифашистской вооруженной борьбе румынского народа участвовало около 870 советских граждан (стр. 130).

Третья глава важна потому, что в исторической литературе до сих пор не было обобщающих данных о численности, социальном и национальном составе советских людей — участников движения Сопротивления на Балканах. В. Н. Казак в значительной степени восполняет этот пробел. Его подсчеты и аргументированное исследование представляют значительный интерес для определения вклада советских граждан в антифашистскую борьбу балканских народов. В этой борьбе участвовало до 9 тыс. советских людей. Из них были сформированы 1 бригада, 12 батальонов, 24 роты, более 20 взводов, 1 партизанский отряд (стр. 132—133).

Автор на убедительных примерах показывает, что советские люди внесли значительный вклад в движение Сопротивления, оказали большую помощь командованию и партийному руководству в боевых операциях и политической работе. Советские бойцы действовали часто на решающих участках сражений, нанося чувствительные удары оккупантам. В. Н. Казак указывает, что за самоотверженную борьбу более 500 советских людей были награждены югославскими орденами и медалями (стр. 161—162).

Несмотря на перечисленные достоинства, книга не лишена некоторых недостатков. Так, 1-я Воеводинская бригада, в которой также находились советские граждане, дислоцировалась до конца августа — начала сентября 1944 г. в Восточной Боснии², а не в Сербии или воеводинской области Среме (стр. 16). Автор не указывает четко и определенно, что в партизанском движении народов Югославии участвовала в основном эмигрантская молодежь, порвавшая с белогвардейским прошлым своих отцов и в борьбе

² «Зборник докумената и података о Народноослободилачком рату Југословенских народа», т. I, кн. 11. Београд, 1955, стр. 317, 381; т. IV, кн. 18, 1958, стр. 115—116; «Grad borbe i slobode». Београд, 1964, с. 254.

против врагов СССР стремившаяся заслужить право возвращения на Родину. Искажена фамилия А. И. Пасечникова (стр. 72). Местами встречаются повторения.

Несмотря на указанные недостатки, книга в целом представляет собой полезный вклад в советскую историографию об активном участии наших граждан в освободительной борьбе антифашистов стран Юго-Восточной Европы за мир, демокра-

тию и социализм в годы второй мировой войны. Эта совместная борьба побратимов еще больше укрепила дружбу трудящихся балканских стран с советским народом, являясь ярким свидетельством выполнения советскими патриотами своего интернационального долга.

С. Л. Каиров

О. П. МОРОЗОВА. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975, 288 стр.

В рецензируемой книге освещается жизнь и деятельность Б. Шварце, одного из руководящих деятелей левого крыла красных накануне восстания 1863 г. В литературе мы не находим исчерпывающего освещения деятельности этого революционера¹. О. П. Морозова впервые воссоздала полноценную научную биографию Б. Шварце, дала развернутую оценку его деятельности, восполнив, таким образом, пробел в исторической литературе. Она тщательно изучила обширную литературу и печатные источники, выявила архивные материалы, многие из которых были впервые ею опубликованы.

О. П. Морозова показывает Б. Шварце не исключительной личностью, не одиноким благородным энтузиастом, а представителем передового отряда революционного движения, носителем прогрессивных идей, выдвинутых его временем. Политическая биография Шварце раскрывается в работе на широком фоне исторических событий от 60-х годов и до конца XIX в. Поэтому монография имеет большой научный интерес. В ней широко показаны характерные черты и особенности польского революционного движения второй половины XIX в., русско-польских революционных связей, а частично и русского общественного движения.

В книге жизненный путь Б. Шварце прослеживается с детских лет и до его смерти после возвращения из ссылки. Не все в его биографии представляется возможным выяснить с одинаковой полнотой и обстоятельностью, в частности его революционную деятельность в 1860—1862 гг. Автором сделано все возможное, чтобы осветить и этот период, избежав при этом недостаточного аргументированных утверждений и гипотез.

Деятельность Шварце в Белостоке была связана с важными вопросами восстания: характером польской революцион-

ной пропаганды, оценкой программы польской демократии по украинско-белорусско-литовскому вопросу, формами конспиративной и агитационной деятельности в канун восстания. Автор монографии убедительно показывает, что Б. Шварце придал белостокской организации боевой характер, сделал ее крепкой опорой левого крыла красных.

Первые же годы пребывания Б. Шварце в Королевстве Польском выдвигают вопрос, до сих пор остававшийся в тени: причины идейной эволюции Шварце из «мерославчика» в революционера-демократа. На примере Б. Шварце автор показывает, как менялось отношение к Мерославскому многих польских демократов, подчеркивая, что одного факта признания авторитета Мерославского в вопросах практики революционной борьбы недостаточно для навешивания ярлыка «мерославчик». В период подготовки восстания не один Шварце видел в Мерославском демократа и революционера, всегда готового к тому, чтобы возглавить армию повстанцев. Только отношение генерала к кардинальным вопросам восстания (аграрному и взаимоотношений с революционерами России) вызвало разочарование среди его сторонников (стр. 39). Шварце пришел к истинной оценке Мерославского ранее многих других, и оценка его была резко отрицательной. Впоследствии Шварце даже обвинял «мерославчиков» в подделке обращения Центрального национального комитета (ЦНК) с призывом Мерославского на пост диктатора (стр. 275).

Впрочем, это его обвинение объясняется недостаточной информированностью. Указанное обращение было опубликовано Мерославским в 1864 г. с описанием печати, скреплявшей документ. Исходя из того, что на печати было изображено не только польского орла и литовского всадника (как на печати ЦНК), но и архангела Михаила, Шварце заявил, что документ сфальсифицирован. Однако Шварце не знал и не мог знать, что через месяц после его ареста возник проект создания, одновременно с началом вооруженного восстания, легального Нацио-

¹ См., например, M. Złotorzyska. Bronisław Szwarce. «Niepodległość», 1933, t. VIII, z. 2 (16), s. 161—184; S. Strumph-Wojtkiewicz. Opowieść o Bronisławie Szwarcem. Warszawa, 1953.

нального правительства, для которого и была изготовлена новая печать с указанными изображениями. Именно ею и было скреплено приглашение Меровского. В дальнейшем, поскольку Национальное правительство так и осталось тайным, а указанной печатью было скреплено всего четыре документа, рисунок ее для Шварце (как и для многих других) оказался неизвестным, что и явилось поводом выдвинутого им обвинения.

В работе О. П. Морозовой впервые дается обстоятельный обзор деятельности Б. Шварце в Центральном национальном комитете. Деятельность этого руководящего центра революционного движения — одна из труднейших и до сих пор не уясненных до конца проблем 1863 г. (монографического исследования о ЦНК, как известно, нет).

Автор убедительно показала роль Шварце в комитете, его влияние на радикализацию движения, вклад в техническую подготовку восстания, участие в выработке аграрной программы и, наконец, практическое содействие осуществлению польско-русского революционного союза.

Дальнейшая судьба Шварце — это не только исключительная героическая борьба, нестигаемая революционная стойкость шлисельбургского узника и сибирского ссыльного. В книге освещается дальнейшее развитие взглядов Шварце, его литературные интересы и связи с русскими общественными деятелями, практическое участие в деятельности «Красного Креста Народной воли». Шварце был едва ли не единственным из вождей левого крыла красных, которого в 70—80-е годы судьба вплотную столкнула с русской действительностью и русским подпольем, и это не может не представлять интереса для историка освободительного движения.

Хотя для исследовательницы биографии Б. Шварце история «Красного Креста Народной воли» была в сущности сюжетом побочным, О. П. Морозова внесла весомый вклад в изучение революционного народничества 80-х годов, проведя кропотливую работу по собиранию и изучению источников по этой проблеме и дав обстоятельный очерк деятельности Томского центра «Красного Креста». Ей принадлежит приоритет в введении в научный оборот архивных материалов, в том числе программного документа томских родовольцев «Главная цель сибирской организации»².

О. П. Морозова широко использовала также обширный рукописный архив Б. Шварце, в значительной степени со-

стоящий из стихотворных опытов вернепского периода ссылки. В поэтическом наследии Шварце, поэта-дилетанта, исследовательница сумела выявить важные элементы для воссоздания его биографии и идейных исканий.

В последние годы жизни Шварце выступал в печати с работами по истории восстания 1863 г. Ценные выводы и наблюдения сделаны О. П. Морозовой при анализе и оценке его историографических работ. Изложенная Шварце концепция развития восстания выделялась на фоне историографии того времени. В ряде своих положений он предвосхитил позднейшие оценки польского освободительного движения прогрессивными историками. О. П. Морозова подчеркивает, что самое важное из свидетельств значимости Шварце как историка — это наличие у него общей концепции восстания, которая имела четкую идеологическую основу.

Глубокое ощущение эпохи, обширная эрудиция, тонкость суждений, хороший литературный язык делают труд О. П. Морозовой заметным явлением в историографии.

Хотелось бы вместе с тем отметить, что некоторые затронутые в книге вопросы заслуживают более пристального исследования. Так, например, говоря об аресте Шварце, автор не уделила должного внимания находившейся в захваченном полицией бумажнике революционера и «написанной на двух лоскутках бумаги за печатями Центрального революционного комитета программе революционного комитета на Руси с объяснением отношений его к центральному комитету». А ведь это был один из важнейших документов подготовки восстания — соглашение ЦНК и Провинциального комитета на Руси о взаимоотношениях и совместных действиях. Оно явилось результатом переговоров представителей киевского комитета (Э. Ружицкий и А. Хамец) с варшавским руководством и было заключено за четыре дня до ареста Шварце. Составленный в двух экземплярах, документ скреплен всеми тремя печатями ЦНК³. По-видимому, эта процедура требовала известного времени, тем более, что соглашение еще должно было быть утверждено на заседании Комитета. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что 11(23) декабря в кармане Б. Шварце находились оба экземпляра документа. К тому же не исключено, что в этот день он должен был передать один экземпляр киевским представителям. Последнего из-за ареста Шварце не произошло, и тем самым соглашение фактически в таком виде реализовано не было. Оба экземпляра попали

² О. П. Морозова. Бронислав Шварце и «Красный Крест Народной воли». В сб. «Революционная Россия и революционная Польша». М., 1967, стр. 315—367.

³ Документ опубликован в кн. «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.». Киев, 1964, стр. 459—460.

в руки следственных властей, один из них ныне хранится в Библиотеке им. В. И. Ленина⁴. Представляется неоправданным опущение данного эпизода в рецензируемой книге, тем более, что автор подробно останавливается на обстоятельствах причастности Шварце к аналогичным соглашениям ЦНГ с галицийской, познанской и виленской организациями (стр. 84—85).

Шире могли быть освещены и некоторые другие вопросы. Так, говоря о столкновении Шварце с редактором «Стражницы» И. Шицем, следовало дать более полную оценку позиции последнего и роли его

газеты (стр. 65). Упомянув список солдат-католиков гарнизона крепости Верный, обнаруженный у Шварце, автор не пишет, имеются ли какие-либо сведения о тех лицах, которые указаны в этом списке (стр. 123).

Жаль, что в книге отсутствуют хотя бы краткий хронологический перечень основных событий в жизни героя, перечень его произведений, как опубликованных, так и оставшихся в рукописи, который дал бы представление о его литературно-публицистическом наследии (ведь только стихотворений у Б. Шварце около двухсот), именно указатель.

⁴ ГБЛ, ф. 324, д. 7, л. 116.

Н. П. Митина, Ю. И. Штакельберг

В. LOPUSZAŃSKIE. «Stowarzyszenie ludu polskiego (1835 — 1841)». Geneza i dzieje. Kraków, 1975

В. ЛОПУШАНСКИЙ И. «Содружество польского народа (1835 — 1841)»

История польского национально-освободительного движения 30-х годов XIX в., в частности история польских конспиративных организаций, хотя по этой проблематике имеется мемуарная литература, все еще не изучена в достаточной мере. По существу можно говорить о двух работах, посвященных этому вопросу: Ю. Краевского¹ и С. Кеневича². Эта тема была затронута также в общих работах официального характера³.

По истории «Содружества польского народа» вообще не было специальных работ. Из многочисленных польских подпольных организаций второй половины 30-х годов XIX в. именно эта заслуживает особого внимания, ибо в отличие от других, более локальных, она имела общепольский характер. Ей и посвящена рецензируемая монография. Однако следует отметить, что работа значительно выходит за рамки темы, в ней освещается не только история Содружества, но фактически и история польских конспиративных организаций 1835—1841 гг.

Источниковедческая база монографии велика. Автор использовал большой круг источников и литературы на польском, русском, украинском, немецком, французском, итальянском, английском языках. Он изучил материалы, хранящиеся

в архивах Кракова, Вроцлава, Львова, Вильнюса, Киева.

Автор освещает деятельность «Содружества польского народа» в Кракове, Львове, Вене, Западной и Восточной Галиции, на этнически непольских землях Белоруссии, Литвы и Украины, пытается выяснить, действовала ли организация на польских землях, входивших в состав Пруссии (к сожалению, материалов по этому вопросу немного).

Прежде всего отметим положительные черты работы. Автор собрал и обобщил большой фактический материал, в том числе архивный; охарактеризовал основные аспекты деятельности Содружества; подчеркнул участие и роль украинцев Галиции в революционной борьбе, особенно питомцев духовных семинарий, подверг критике великодержавную линию руководства Содружества.

По нашему мнению, особенно удачно освещен национальный вопрос в Галиции. Автор правильно показывает генезис украинского возрождения в Галиции, подвергая одновременно критике ограниченность программы Содружества в национальном вопросе, что нашло свое выражение уже в самом названии организации. Несомненно, что своим активным участием в ней украинцы Галиции привлекли большое внимание руководства этой организации.

Однако работа не свободна от некоторых недостатков. Вызывают сомнения хронологические рамки работы. На наш взгляд, о деятельности Содружества можно говорить в пределах с 1835 по 1839 г. (от основания организации до смерти Ш. Конарского и разгрома «конарщины»), с той оговоркой, что на коренных поль-

¹ J. K r a j e w s k i. Tajne związki polityczne w Galicji. Lwów, 1903.

² S. K i e n e w i c z. Konspiracje galicyjskie (1831—1845). Warszawa, 1950.

³ M o r i t z v o n S a l a. Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. Wien, 1867; Н. В. Б е р г. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862. М., 1873.

ских землях и в Галиции она существовала еще меньше (до 1837 г.). Дискуссионным следует считать утверждение (стр. 108), что поглощение конспиративных ячеек Содружества «Молодой Сарматией» и «Заговором польских демократов» будто бы ничего не изменило в деятельности этих организаций. На стр. 155 говорится об опубликовании австрийским автором М. Ф. Залей «Писем к друзьям крестьянства» (народа). Внимательно просмотрев книгу М. Зали, не находим этого. На стр. 70 М. Залей приводит лишь известную историю с литографированным стихотворением Ю. Горашкевича, начинающимся от слов «По-над горами, по-над борами...», в котором Ю. Горашкевич призывал украинских и польских крестьян совместно выступить с косами в руках против своих угнетателей — панов.

Дискуссионным может быть также отрицание того, что И. Кульчинский сам писал агитационные произведения. Австрийский окружной комиссар в Золочеве Фестенбург и вслед за ним президент земского управления в Галиции барон Криг приписывали Кульчинскому авторство интересного воззвания «Письмо к экономам»⁴.

Указанные недостатки не могут изменить общей положительной оценки работы. Перед нами результат большого труда — содержательная и нужная книга.

⁴ ЦДИА УССР во Львове, ф. 152, оп. 2, д. 665, л. 27, 43, 44.

В. А. Борис

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ МОЛДАВИИ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

В рецензируемой монографии¹ Д. М. Драгнев стремится выявить типологические особенности феодальных отношений, предопределивших своеобразие смены общественно-экономических формаций в Юго-Восточной Европе, на примере аграрной эволюции в Молдавском княжестве в конце XVII — начале XIX в. Привлеченный при этом сравнительно-исторический материал, относящийся к соседним славянским странам (Польша, Болгария, Югославия и др.), представляет интерес для славистов, изучающих типологию позднефеодальных отношений в этих странах.

В исследовании рассматривается ряд дискуссионных проблем: изменения в аграрной эволюции в связи с внутрiformационными и межформационными сдвигами в период позднего феодализма, роль типа хозяйств в демографических процессах, принципы систематизации сельскохозяйственных структур и определение соотношения отраслей в этой структуре и некоторые другие.

Автору удалось не только установить некоторые закономерности, относящиеся к аграрной истории Молдавского княжества, но и высказать предположения о характере сходных процессов в славянских странах (об общих чертах миграционных процессов в Дунайских княжествах и южнославянских землях, о характере экономического упадка в этих странах и др.). Работа построена на основе изучения об-

ширной русской и иностранной литературы и большого количества материалов из архивов СССР и Румынии.

За последние два десятилетия в результате исследований советских ученых был пересмотрен ряд основных проблем истории Молдавии периода перехода от феодализма к капитализму, что вызвало необходимость пересмотреть аналогичные проблемы и в истории соседних стран юго-востока Европы. Так, до 1960 г. почти все советские и румынские историки исходили из априорного предположения, что основное место в сельском хозяйстве Молдавии и Валахии XV и последующих веков занимало земледелие. Только в 1960 г. на киевском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы был обоснован тезис о том, что в Молдавии в XV—XVIII вв. в сельском хозяйстве первое место занимало не земледелие, а животноводство; для Румынии это положение было выдвинуто в 1957 г. Однако при всей убедительности этого мнения необходимо было подкрепить его конкретными историческими материалами. Рецензируемая книга в этом отношении — одна из наиболее фундаментальных.

Автор подразделил территорию Молдавии на три хозяйственно-географические зоны и провел исследование по каждой из них. Он убедительно доказал относительно небольшую роль зернового хозяйства в Молдавии в изучаемый период; в среднем по Молдавии, по подсчетам автора, запашка на одно хозяйство равнялась около 1,6 десятины.

Основное внимание в монографии уделяется установлению типологии феода-

¹ Д. М. Драгнев. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.). Кишинев, 1975, 286 стр.

лизма Молдавии. Молдавские историки, в том числе и автор монографии, выделяют Молдавию и Валахию в особую зону со своеобразными чертами перехода от феодализма к капитализму. Этот процесс в общих чертах характеризовался тем, «что он сопровождался переходом от преимущественного развития товарного животноводства к преимущественному товарному земледелию, от господства феодально-государственных отношений собственности к частно-феодальной, от иноземного гнета к его ослаблению и ликвидации» (стр. 5). Реформы, проводившиеся в Молдавии в XVIII в., были связаны с этими процессами.

Обычно историки при изучении социального строя Молдавии исходят из того, что центральное место в молдавском селе занимала вотчина феодала с барской запашкой и что развитие капиталистических отношений сопровождалось ростом товарного земледелия. Д. М. Драгнев доказал, что в Молдавии даже у наиболее крупных феодалов вотчинные посевы были незначительны, они не превышали 50 фалч (около 65 га); ясно, что товарность зернового хозяйства вотчин до начала XIX в. могла быть только очень небольшой (стр. 212). Основой вотчинного хозяйства в Молдавии было прежде всего животноводство.

В связи с установлением типа хозяйства Д. М. Драгнев подробно останавливается на демографических процессах. Он убедительно опровергает существующее в литературе мнение о массовой миграции населения из Молдавии в Трансильванию (стр. 175 и след.), показывает, что вопреки мнению многих историков подвижность населения никак нельзя связывать с системой животноводческого хозяйства. Отгонное скотоводство было связано с оседлым населением, которое не было склонно легко менять местожительство.

В монографии рассматривается экономический упадок Молдавии в конце XVII — середине XVIII в. Автор показывает значение социально-экономических реформ XVIII в., в первую очередь налоговых реформ (стр. 141—147). Отмечается, что некоторые из них оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие страны, ибо способствовали общественным отношениям в стране к условиям, создавшимся в связи с установлением господства централизованного способа эксплуатации крестьян. Автор отмечает значительные сдвиги в экономическом развитии страны вследствие ограничения ига Османской империи после Кучук-Кайнарджийского мира

1774 г., которым завершилась русско-турецкая война, и улучшение в это время конъюнктуры на мировом рынке для молдавских товаров.

Специалистам известно, что о Молдавии XVIII в. сохранилось очень мало цифровых материалов. Д. М. Драгнев обогатил исследования этого периода находкой ряда статистических источников, кроме того, он сам составил статистические таблицы по материалам отдельных грамот, например, о величине молдавских сел (стр. 207), о бюджете монастырских вотчин (стр. 259), ряд таблиц о распределении вотчин по уездам и по их категориям. Исходя из суммы налогов, собираемых по уездам, выведена поуездная численность населения и его динамика (табл. 9 на стр. 170—171) и т. д.

Некоторые таблицы книги представляют интерес для экономгеографов наших дней, но иногда их ожидают «сюрпризы». Например, на стр. 51 показана площадь лесов по уездам Молдавии в начале XIX в. Из таблицы видно, что по шести цинутам, которые охватывают территорию Молдавской ССР, леса занимали от 2,1 до 8,5% их площади, а известно, что в наши дни в Молдавской ССР леса занимают 6,0% ее площади и что за прошедшие полтора столетия количество лесов уменьшилось, а не увеличилось, как видно из таблицы. Такое расхождение, по-видимому, объясняется тем, что для статистиков наших дней и статистиков начала XIX в. понятие «лес» не одинаково. К такой таблице необходимы специальные комментарии.

В некоторых случаях в качестве источника используются донесения цинутных исправников, но ведь это весьма ненадежный источник, особенно в отношении точности цифр. Например, величина запашки на один крестьянский двор, выведенная по таким данным по всей Молдавии, как отмечено выше, достигала 1,6 десятины. Это очень низкий показатель. В данном случае, по-видимому, нужно было подчеркнуть относительное значение этих показателей. Ведь известно, что еще в предыдущем веке крестьяне Молдавии укрывали часть посевов от налогообложения, засевали небольшие участки в лесах и т. д. Разумеется, эти посевы не попадали в сводки исправников.

В целом же работа Д. М. Драгнева дает яркую картину феодальных отношений на юго-востоке Европы в период позднего феодализма. Вместе с тем в ней отмечаются особенности типологии феодальных отношений в соседних славянских странах.

Н. А. Могов

Е. П. НАУМОВ. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма. М., 1975, 335 стр.

Е. П. Наумов известен своими исследованиями средневековой истории Сербии. В рецензируемой работе он рассматривает в первую очередь структуру феодального сословия страны и эволюцию государственности, а параллельно с этим — эволюцию земельной собственности, состоящие имущественных привилегий и ряд других вопросов.

Автор начинает с характеристики состояния вопроса в литературе, с оценки источников (стр. 3—35) и следует далее к общей оценке социального развития страны в XII—XV вв. Известные сомнения вызывает тезис о «резком сслоином» (выделено мною. — М. Ф.) отделении всей раннефеодальной верхушки Сербии от простого народа» (стр. 58). Киннам, на которого ссылается Е. П. Наумов, этих данных не подтверждает, да и вряд ли по отношению к XII в. можно вести речь о таких успехах сословной стратификации в Сербии. Но в целом первая глава дает ясное представление о том хозяйственном и общественном фоне, на котором базируется исследование основных проблем монографии.

Во второй главе автор рассматривает два ведущих сюжета — характер феодальной собственности и структуру правящего класса. Подзаголовок гласит: «Динамика сословной и социальной системы», можно было бы добавить «и владельческой», но обе проблемы изучены действительно динамично. Шаг за шагом Наумов проводит свой анализ по четырем временным отрезкам: конец XII — начало XIII в., 1230-е годы — начало XIV в., XIV в., первая половина XV в. Проследим за ходом мысли автора.

Исходная точка эволюции крупного землевладения — это состояние, когда такое землевладение уже создано, но оно (светское землевладение!) еще ограничено имущественными правами широкого круга родственников («братии»); задачей монарших пожалований и является отстранение этой «братии». «Основная и наиболее характерная черта» XIII в. — бурный рост церковных владений (стр. 98). Это «земельное обзаведение» (удачная характеристика!) происходит, как известно, за счет монарших щедрот, дарения светских вотчинников во всяком случае неизвестны, и Наумов отказывается объяснить последнее обстоятельство утратой источников (стр. 101, прим. 120). На его взгляд, здесь оказывается нежелание светских собственников усиливать «чуждую» им церковную организацию (стр. 101). На мой взгляд, убедительнее второе объяснение, приводимое автором: рядом была Босния, где «еретической» (богомильской)

церкви земельные дарения не были известны.

Основное внимание автор, однако, сосредотачивает на анализе прав, которыми располагали земельные собственники на земли, полученные от правителя, ибо термины «село», «метохия» о характере этих прав еще ничего не говорят. Много позднее появляется широко известный термин «баштина». Автору нельзя отказать в убедительности, когда он отвергает попытки найти баштину до конца XIII в. (стр. 109). Е. П. Наумов считает, что необходимо было элиминировать права родственников, для того чтобы феодальная собственность сформировалась окончательно. Отметим это, ибо здесь рождается одно попутное соображение, связанное с проблемами истории крестьянства, т. е. выходящее за рамки монографии.

Разве для того чтобы феодальная собственность сформировалась сколько-нибудь полно, нужно преодолеть сопротивление только со стороны родственников, так сказать права «по горизонтали»? Разве не было необходимости в уничтожении прав «по вертикали», прав крестьян? Эти права создавались столетиями, и вотчинник, только что получивший землю, а возможно, и рискующий потерять ее через некоторое время (примеры массового перераспределения земли приводит сам Е. П. Наумов чуть ниже), просто не успевал это землю «освоить». Мне кажется, что здесь имело бы смысл задаться вопросом о том, какую роль в становлении феодальной собственности играет факт существования вековой собственности общинника на землю.

Так известно, что ст. 65 и 174 Закона Стефана Душана именуют баштиной также и крестьянские наделы, и Наумов совершенно прав, отмечая, что понятие «баштина» служило для обозначения земельной собственности и крестьян и вотчинников (стр. 111). Следуя мысли о баштине общинника или крестьянском аллоде — развитие феодализма в Сербии шло в принципе по тем же путям, что и в остальной Европе (об этом хорошо говорит автор в начале книги), многое становится ясным: и наличие общинной категории «жребий» (а тем более «полуждребица», половинный надел) в руках у королевы Елены, и понятие «наместие», равно близкое и крестьянам и вотчинникам (об этом очень выразительно говорится на стр. 111, прим. 145), и одинаковая для обоих видов баштины — феодальной и крестьянской — обязанность выполнять государственную службу и платить налог («сок»). Наконец, хорошо

известна семантическая эволюция понятия «аллод» в тех славянских землях, где была принята латинская лексика; употребляемое вначале преимущественно для обозначения крестьянского надела (см. далматинские картулярии XI в.), оно стало затем синонимом вотчинного ядра — доменциальной запашки (см. урбарии XVI в.).

Но вернемся ко второй главе. В XIV в. источников больше и аграрная эволюция приобретает более отчетливый характер. Наряду с баштиной появляется прония, растет число пожалований в пользу церковных собственников (видимо, до 600 селений с учетом утраченных грамот), множатся владения светских вотчинников — так автор толкует ст. 108 и 134 Душанова Законника о дарении в баштину целых жуп (стр. 131). Но самая яркая характеристика развития землевладения приходится на время развала сербо-греческого царства во 2-й половине XIV в.

Взаимосвязанно рисуя борьбу в среде господствующего класса и эволюцию землевладения, автор показывает, что распад царства был предопределен грандиозным перераспределением земельной собственности, начавшимся еще до смерти Душана (стр. 135 и сл.). Яркое прослежено процесс создания новых вотчин (63 селения чельника Мусы — стр. 137—140). При этом баштина, как родовая, так и «записная» — полученная, остается преобладающей формой земельной собственности, а удельный вес проний, вопреки существующим мнениям (например, Д. Янковича), оказывается невелик (стр. 144).

Заслугой Наумова является то, что он аргументированно подтвердил свое, ранее (в 1963 г.) высказанное мнение о секуляризационных процессах, начавшихся в сербском обществе после 1355 г. По его подсчетам, в славянских областях сербского государства за столетие (примерно 1355—1450) у церкви было захвачено около 100 селений или $\frac{1}{5}$ ее имуществ, и автор отмечает антицерковную тенденцию в качестве закономерного явления в развитии феодального землевладения (стр. 147). Характерны локальные различия: в Зете церковная собственность реально сокращалась, а в Сербии вместе с этим шел и процесс роста — новые пожалования монастырям составили около 200 селений, и при этом снова из рук монахов и будущих династов.

Далее следуют интересные наблюдения о судьбах землевладения в «деспотовине» — Северной Сербии. Особенно примечательны выводы о превращении проний в баштины, с разрешения монарха (стр. 153), и о все более широком территориальном распространении проний (стр. 156). Несколько неожиданна мысль автора о «тенденции к сближению проний с любым имуществом или собственностью»

в венецианской Зете в XV в. (там же): так трактуется постановление венецианца Сегредо, наместника Котора (1440). Убедительно доказан тезис — о постепенном переходе правителей Северной Сербии, деспотов, к новой системе пожалований, от земельных к денежным. За полустолетие (1400—1450) церкви пожаловано лишь 58 селений (сюда входит и 23 возвращенных), в 1428—1459 гг. в монастырскую собственность не перешло ни одного селения из числа государственных или дворцовых (стр. 161). Вместо земель монахам предлагаются денежные выдачи, и Е. П. Наумов, на наш взгляд, совершенно прав, отмечая, что таким путем правительство сохраняло земельный фонд, и так сократившийся в результате турецкого нажима, ставило церковных феодалов в большую зависимость от себя и удовлетворяло запросы афонских монахов, в эту беспокойную эпоху считавших земельные владения невыгодными. К этому списку объяснений следует добавить, по моему мнению, и то, что в распоряжении деспотов оказались значительные денежные средства — это время отмечено подъемом золотодобычи¹. Наумов достаточно тонко объясняет перемены в системе земельных пожалований — это одно из лучших мест в книге.

В немногочисленных источниках начала XIII в. автор выделяет существование двух прослоек в составе правящего класса — «вельмож» и «воинов» (стр. 74). Он указывает на два новых термина: «властели» (верхушка класса) и «боляре» (либо весь класс, либо низшее дворянство) — и хочет видеть в этом доказательство наличия в сербском обществе «ч е т к и х с и с т е м (выделено мною. — М. Ф.) сословной терминологии» (стр. 77). Вряд ли здесь можно говорить о четкости, тем более, автор далее признает, что «картина сословных обозначений ... была... вередко крайне зыбкой» (стр. 78, 79), и это легко объяснить неоднородностью правящего класса. Обозначение «боляре» практикуется лишь в 1230—1240-х годах и исчезает в начале 50-х; может быть, в связи с устранинием болгарской группировки знати (стр. 82, 86) ищут новый термин для правящего класса, расширяется социальная значимость понятия «властели» (стр. 92) — здесь выводы автора звучат весьма доказательно. Важно и то, что автор дает яркую характеристику источников — актов монаршей канцелярии, диплома-

¹ И Б о ж и ћ. Српске земље у доба Стефана Лазаревића. «Моравска школа и пано доба». Београд, 1972, стр. 111—122. Только этой работой можно, пожалуй, рекомендовать пополнить обширный список литературы, изученной автором (ее анализ см. во «Введении», стр. 5—20).

тической переписки, сочинений книжников (стр. 79—97). И вывод, завершающий этот развернутый анализ — о постепенном переходе от разнообразия сословных наименований к уравниванию их (под общим обозначением «бояре») и к унифицированному «властели» (стр. 97—98), звучит логично и обоснованно.

У меня вызывает сомнение лишь мысль, которая относится, правда, к дворянству последующего, XIV в., к «властеличичам». Е. Наумов начинает с правильного указания на тождество властеличичей и византийских архонтопулов (т. е. «детей архонтов») и прибавляет: архонтопулы в поздней Византии были не менее полноправны, чем архонты. Но как быть с прямым указанием Законника Душана на то, что за обиду властеличича платят меньшие штрафы, чем за обиду властели (ст. 50)? Вероятно, следовало об этом сказать подробнее, не ограничиваясь заключением, что эти градации «искусственные, надуманные» (стр. 134), а самих властеличичей назвав «эфемерным и искусственным сословным подразделением светской знати» (стр. 141). Верно отмечен здесь самый факт, еще не нашедший объяснения, — появление термина «властеличичи» только в 1349 г., в Душановом Законнике, факт интересный, тем более что история феодализма и в других странах Европы знает примеры обозначения отдельных слоев правящего класса с помощью семейно-родственной терминологии (например, «дети боярские»). Такая система обозначения в средневековом обществе была вполне органичной и естественной.

Заключая исследование двух первых проблем монографии — структуры господствующего класса и природы феодального землевладения, Е. П. Наумов справедливо отмечает, что развитие феодальных отношений оказывается более сложным и противоречивым процессом, чем это обычно представляется (стр. 174). Весь предшествующий анализ это убедительно доказывает, подкрепляя тезис о наличии локальных и сословных группировок в составе правящего класса.

Третью главу — о сербской государственности — автор начинает с выяснения вопросов о политической структуре и феодальной идеологии сербского государства в конце XII — начале XIII в. Он отвергает мысль И. Божича об отсутствии в средневековой Сербии удельной системы и рассматривает Зету и другие территории в качестве удельных княжеств. Эта мысль о наличии системы уделов в раннем сербском государстве развивается им и далее — политической целью правителей этого времени является преодоление удельного принципа в государственной практике (стр. 187, 195), а если сохранившиеся памятники политической мысли и не сообщают об этом принципе, то исключительно с целью

замалчивания. Этот ход мысли мне представляется вполне оправданным.

В главе о развитии государственности рассматривается идея сословного представительства, роль соборов в жизни Сербии. Собрания знати отмечены еще в конце XII в., соборы становятся заметным явлением уже в первой половине XIII в., и автор отмечает роль церкви, создавшей к этому времени мощную организацию, в системе этих соборов. Но хотелось бы видеть более полное освещение их роли для того, чтобы называть эти соборы сословным представительством в полном смысле этого слова, а не эпизодическими собраниями знати. Фискальных функций, целей обложения, столь привычных для сословных собраний других европейских стран, в практике сербских соборов мы почти не видим. Роль сербских соборов в середине XIV в. станет двойственной — с одной стороны, они будут играть по-прежнему централизующую роль, с другой, возникая на местах, они будут способствовать феодальному распаду страны (стр. 278—279).

В 1220—1270 гг. успехи политической централизации очевидны. Они выражаются в ликвидации уделов, в появлении в королевской титулатуре обозначения «король сербских и приморских земель» и термина «самодержец», вызванного, по мнению Наумова, не внешнеполитическими (как думал Г. Острогорский), а внутриполитическими нуждами, в устранении местных правителей. Автор прослеживает изменение титулатуры монарха при Душане — к «королю и самодержцу Сербии и Романии», а затем к «царю Сербов и Греков».

По-новому рисуются основные направления распада сербо-греческого царства. Конечно, центробежные тенденции являются в это время ведущими — отдельные династии даже не упоминают в своих грамотах имени верховного правителя (стр. 284), а патриарх издает грамоты не церковного, а светского назначения (стр. 286) и чеканит собственную монету. И тем не менее действуют и центростремительные силы — создается система соподчиненных княжеств, патриархия становится гарантом государственного единства, создаются родословы, летописи, серии похвальных слов, утверждающие идею единовластия. Все эти явления, удачно истолкованные Наумовым, объясняют и новое, последнее объединение сербских земель в составе «деспотины» в канун турецкого завоевания.

К сожалению, приходится отметить, что Е. П. Наумов нередко пишет такими усложненными периодами, насыщенными отступлениями, придаточными оборотами, доводами и контрдоводами, что читать его работу очень нелегко.

Конечно, не частности, а главное направление определяет впечатление от исследования Е. П. Наумова. Избрав для рассмотрения такую важную тему, как эволюция государственности, построив свой анализ на тонком истолковании памятников социально-политической мыс-

ли и обосновав свои выводы исследованием отношений собственности, он написал работу, необходимость в которой остро ощущалась в нашей славистике.

М. М. Фрейденберг

МОНОГРАФИЯ О БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКЕ

Рецензируемое издание¹ объединяет ряд предыдущих, дополненных и существенно переработанных работ известного болгарского фольклориста Стояна Джуджева². Одна из целей издания — служить учебным пособием по вузовскому курсу музыкальной фольклористики, который в течение многих лет читается автором монографии в Софийской консерватории. Вместе с тем большая часть монографии посвящена исследованию теоретических основ болгарского музыкального фольклора. Автор стремится вскрыть общие нормы и правила построения болгарской народной мелодии. В этом направлении Ст. Джуджев проделана огромная работа. Детальные анализы ритмики, мелодики, ладо- и формообразования болгарской народной музыки выполнены им с учетом органической взаимосвязи в песне — слова и музыки, в танце — музыки и движения.

Теоретические основы болгарского музыкального фольклора приведены автором в логическую систему и изложены последовательно и убедительно. Поэтому монография Ст. Джуджева представляет большой интерес для исследователей как болгарского фольклора, так и фольклора других славянских народов.

Монография состоит из одиннадцати частей³.

В первой части автор дает определение музыкального фольклора и его специфических признаков, указывает место музыкальной фольклористики в системе общественных наук.

Вторая и третья части посвящены систематизации музыкально-фольклорного материала в традиционном музыковедческом аспекте. Основу второй части состав-

ляет исчерпывающий обзор структуры тактового строения болгарской народной музыки. В третьей части последовательно показывается использование в болгарском фольклоре таких звуковых систем, как пентатоника, диатоника, хроматика и энгармоника.

В четвертой части монографии автор вводит читателя в проблематику того круга музыкально-фольклористических исследований, в котором два основных компонента произведений народного музыкально-поэтического творчества (слово и напев) анализируются в неразрывном единстве. В этом разделе сформулированы исходные положения морфологии болгарского песенного фольклора. В основу морфологического описания народно-песенных произведений Ст. Джуджев справедливо кладет песенную ритмику, как наиболее устойчивый морфологический признак (т. I, стр. 367). В связи с этим автор, наряду с понятием «такт», вводит более корректные с точки зрения специфики фольклорного материала понятия «ритмический стереотип» и «ритмическая схема» (стр. 353, 354 и след.), а также понятия «мелодическая стилизация» (ладо-интонационный каркас напева) и «ритмическая стилизация» (получение такой ритмической схемы песни, в которой исключен так называемый внутрислоговой раслев, — стр. 373). Сопоставление между собой стилизованных ритмических схем песенных вариантов дает возможность не только классифицировать песенный материал, но также изучать происхождение и эволюцию его основных слогоритмических форм.

Изучение морфологии песенного фольклора является важнейшим аспектом теоретико-фольклористического исследования. В рецензируемой монографии этот аспект освещается широко.

Значительное место в болгарском музыкальном фольклоре занимает танцевально-плясовой жанр — различного типа хоро, существующие в виде вокальных напевов и инструментальных наигрышей. Для их теоретического осмысления необходим одновременный учет не словесного и музыкального компонентов фольклора, а музыкального и хореографического. Поэтому в пятой части монографии Ст. Джуджев подробно изучает общие

¹ Ст. Джуджев. *Българска народна музика*. Учебник, т. I, София, 1970, 512 стр.; т. II, София, 1975, 607 стр.

² «Българска народна хореография». София, 1945; «Теория на българската народна музика», т. I, Ритмика и метрика, София, 1954; т. II, Мелодика, 1954; т. III, Морфология и прозодия, 1956; т. IV, Общи въпроси на музикалната етнография, 1961 и др.

³ В оглавлении второго тома допущена опечатка — пропущено указание на пятую часть (см. стр. 382).

вопросы теории народного танца и особенности болгарской народной хореографии.

Большинство произведений болгарской народной танцевальной музыки является инструментальными пьесами, хотя встречаются и песенно-вокальные танцевальные мелодии. В этой связи большое значение приобретает изучение народных инструментов. Хотя болгарская инструментальная музыка бесписьменной традиции изучена явно недостаточно (как и соответствующие разделы фольклора других славянских народов), материалы первой части II тома монографии дают о ней достаточно полное общее представление. В разделе «Музыкальная органология» (т. е. инструментоведение) описано 16 типов инструментов, образующих в совокупности оригинальный болгарский народный инструментарий.

Во второй части II тома Ст. Джуджев вновь обращается к вокально-песенной сфере болгарской народной музыки, исследуя морфологию так называемых безмензурных (т. е. не поддающихся тактовому членению) песен, имеющих свободный ритм и развивающихся на основе поэтической ритмики словесного текста, разрабатывает типологию данной разновидности песен, подробно исследует специфику орнаментики, изучает различные формы речитатива.

Третья часть II тома отведена народнопесенному стихосложению. Здесь дается почти исчерпывающий обзор структуры слоговых схем болгарского народного стиха, устанавливается соотношение его слогоритмической структуры с тактовым строением мелодии.

В результате исследования песенного стиха автор приходит к выводу, что для выявления характерных морфологических признаков на родной песни, для установления генетических связей между фольклорными видами, родами, жанрами, классами и отдельными формами необходима предварительная научная обработка материала. Научный аппарат, применяемый для такой обработки, Ст. Джуджев разрабатывает в четвертой части II тома.

Одним из интереснейших и важнейших аспектов рецензируемого исследования является настойчиво и в большинстве случаев убедительно проводимый автором лингвистический подход к изучению песенного фольклора. Отталкиваясь от известной гипотезы о происхождении песенного фольклора из живой народной речи на ранних этапах развития человеческого общества, Ст. Джуджев приходит к выводу о правомерности и плодотворности приложения к песенному материалу методов и понятий, выработанных сравнительным языкознанием (т. I, стр. 367; т. II, стр. 254 и др.). Специальное место этому вопросу отведено в пятой части II тома (стр. 382—463). Первый раздел этой части так и озаглавлен — «Язы-

ковые и музыкальные законы». Второй раздел посвящен вопросам музыкальной семантики (музыкально-звуковой сигнал, соотношение означаемого, значимого и значения в фольклорно-песенном языке, функциональность звуковых сигналов).

В заключительной части на основе предшествующего теоретического анализа дано подробное морфологическое описание трех групп болгарских песен, построенных на основе: 1) четырехсложника — простого, двойного и тройного, 2) пятисложника, 3) шестисложника. Исследуя морфологические связи различных песен внутри каждой из названных трех групп, Ст. Джуджев особое внимание уделяет характерному именно для болгарской народной песенности явлению так называемой хемиольности, т. е. широкого употребления в песенной речи вместо двукратного — полуторакратного соотношения слогов. Слух воспринимает такое соотношение как перебой метрической пульсации, периодическое повторение которого создает прихотливый ритмический рисунок и придает напеву своего рода «восточный колорит».

Выполненное Ст. Джуджевым морфологическое описание песенных типов со всей очевидностью показывает, что происхождение хемиольных песен не связано с особенностями болгарской песенно-стиховой ритмики, что хемиольные песни достаточно равномерно «пронизывают» все жанры болгарского песенного фольклора и образуют в нем стилистический слой, равный или сопоставимый по мощности со слоем нехемиольных песен. Наличие двух резко различных ритмико-стилистических пластов является характерной особенностью болгарской народной песни, отличающей ее от народнопесенных культур некоторых других славянских народов.

Генезис хемиольности как ритмико-стилистического явления в болгарской народной песне остается пока нераскрытым. Ст. Джуджев рассматривает формы с полуторакратным удлинением слогов как промежуточное звено между изохронными формами и формами с двукратным удлинением слогов. Существует в литературе и противоположная точка зрения, согласно которой хемиольная форма оказывается промежуточным звеном не в процессе аргументации слогоритмической структуры, как у Ст. Джуджева, а в процессе ее редукции⁴. Обе точки зрения представляются нам излишне механистическими, формальными. На наш взгляд, объяснение существа этого явления следует искать не в формальных принципах песенного ритмтворчества, учитывать которые, конечно, тоже необходимо, но в специфике некоторых

⁴ К. К в и т к а. О ритме болгарского танца «Рученица». «Избранные труды в двух томах», т. I. М., 1971, стр. 177—190.

древнейших элементов болгарской пляски, ритмические стереотипы которой так прочно укоренились в обобщенной (по терминологии Ст. Джуджева — стилизованной) слоговой ритмике болгарской песни.

В этой связи приходится упрекнуть Ст. Джуджева в переоценке значения поэтического ритма в формировании обобщенной слоговой ритмики песенных типов (см., например, т. II, стр. 379—380, 475—485 и др.). Эта переоценка привела автора в ряде случаев к некорректной стилизации фактического ритма (т. II, стр. 171—178, 483—484 и др.), в результате которой хемиольная специфика обобщенной слоговой ритмики примеров № 49, 222 и др. оказалась полностью нивелированной.

На наш взгляд, слоговая структура стиха по отношению к обобщенному слоговому ритму песни играет роль глубинного ритмического субстрата, на который накладываются всевозможные ритмоформулы трудовых движений, древнейших плясок, магических телодвижений и т. п. Уже на ранних этапах развития фольклорного песнетворчества этот основной ритмический уровень песенной ритмики при-

обретает известную автономию, проявляющуюся в том, что носители песенного фольклора, используя древнейшие ритмоформулы и их элементы, начинают прибегать к свободному ритмоторчеству, независимому от производственно-магической и плясовой функции исходных ритмоформ. Результатом такого «свободного» ритмоторчества является то многообразие ритмических форм, которое мы наблюдаем в произведениях устной традиции. Понятно, что ритмическая специфика субстрата также находит свое отражение в фиксируемых записях песен результатах ритмоторчества. Однако было бы ошибкой сводить типологическое своеобразие песенной ритмики исключительно к ритмической специфике песенного стиха. В этой связи заметим, что даваемое Ст. Джуджевым понятие изоморфизма обобщенной слоговой ритмики (т. II, стр. 365 и др.) слишком сужено и нуждается в пересмотре.

В целом монография Ст. Джуджева «Болгарская народная музыка» — значительное достижение болгарской фольклористики.

А. А. Банин, Л. Г. Канчавели

W. HERNICZEK-MOROZOWA. *Terminologia polskiego pasterstwa górskiego*. Cz. 1. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975 (Prace Instytutu języka polskiego, № 4)

В. ГЕРНИЧЕК-МОРОЗОВА. *Терминология польского горного пастушества*

Славянская диалектная лексика привлекает все большее внимание исследователей. В поле их зрения — интуитивно или осознанно — оказываются прежде всего те лексические группы, элементы которых достаточно четко соотносятся с соответствующими сферами реальной действительности (т. е. языковая сегментация весьма близка к сегментации внеязыковой), ибо именно такие группы позволяют вывести некоторые общие закономерности лексико-семантического развития, выработать методы сравнительно-типологического изучения словарного состава диалектов и языков. В этой связи вполне понятно обращение к диалектной географической, метеорологической, ботанической и подобной номенклатуре, а также к названиям, связанным с явлениями материальной и духовной культуры народа¹ (хотя в обла-

сти этнографической исследователь сталкивается с рядом специфических трудностей, источник которых — возможность несовпадения конкретных реалий при тождестве их функций).

Так, в последние годы усилился интерес к лексике горного пастушества, являющегося важной отраслью хозяйственной деятельности населения таких зон, как Карпаты, Балканы.

В издании «Prace Instytutu języka polskiego» (№ 4) напечатано начало монографии В. Герничек-Морозовой «Терминология польского горного пастушества», представляющее собой диалектный словарь (около 1500 словарных статей). В подготовленной к печати второй части соответствующая лексика будет рассмотрена тематически, что позволит всесторонне изучить ряд лексикологических

¹ Например, большинство монографий польской серии «Słownictwo Warmii i Mazur», представляющей уникальное явление в славянской диалектологии, посвящено лексике сельского хозяйства, транспорта и коммуникаций, астрономии,

родственных отношений и т. п. Напротив, не стала предметом рассмотрения лексика, связанная с обозначением понятий и предметов, общих для многих народов (для сферы которых «система семем» более автономна по отношению к «системе реалем»).

проблем, например, явление диалектной синонимии. Третья часть посвящается историко-этимологическим и лингвогеографическим разысканиям в сфере указанной терминологии. Таким образом, исследование В. Герничек-Морозовой задумано не просто как пополнение конкретных сведений об инвентаре соответствующих польских терминов, но и, несомненно, как итоговая работа, призванная очертить большой круг задач и аспектов, подлежащих в дальнейшем углубленной и систематической разработке. Последнее тем более важно, если иметь в виду назревшую в настоящее время необходимость объединения усилий ученых разных стран для планомерного сбора лингвистического материала по данной теме в пределах всего карпатского региона².

Польские пастушеские термины рассматриваются автором на фоне диалектной лексики всей зоны польского Подкарпатья (стр. 9); однако, подчеркивается на стр. 32, книга не претендует на то, чтобы дать полный состав этого лексического разряда.

Одно из неоспоримых достоинств ее — введение в научный оборот значительного объема новой информации как относительно лексем, выступающих в качестве терминов пастушества, так и уточнения значений отдельных терминов. Среди терминов, вероятно, не приводившихся в прежних публикациях, — клички животных (*beri, bukiet, duńci, jagoda, kłupania, ktopicha, lida, nero, norek, niedziocha, śródula, wiśnia, wewiórka* и т. п.) и другие слова, преимущественно экспрессивного характера (*bej dak, bekon¹, bisaga, bryjka, chmara, sumbał, draga, duchandziak, dużo, gimajny, hulajnoga, kieczoga, koraga, krzapak, mierynda, percic, podrostek, puszka, puczyć, ryba, serce, wilczur, wrotolik* и под.). К сожалению, такие случаи никак не обозначены в «Словаре», и хотя около трети словарных ста-

тей не содержат иных материалов, кроме авторских, из этого не следует, что в е данные термины впервые выявлены В. Герничек-Морозовой: многие из них — производные (димиутивы, deverбативы и др.), а также широко известные, общепотребительные (*dział, góra, mleko, ogień, róg, ucho, wierch* и под.) или сугубо диалектные (*huba, mirtuk, mulka, sanior[k]a* и т. д.) слова, уже фиксировавшиеся в различных словарях и других источниках.

Значительное пополнение реестра польских терминов пастушества стало возможным благодаря привлечению, помимо авторских материалов, собранных по специальной программе в семи пунктах южной Польши, также и рукописного материала этнографического архива университета в г. Лодзь (в частности, большую ценность имеют транскрибированные записи М. Каминской). Данные, извлеченные из печатных источников (атласов и некоторых словарей) вводятся в текст сравнительно редко, лишь для сравнения.

К сожалению, автор отказался от первоначальной идеи широко использовать опубликованные работы, что, несомненно, обогатило бы словник и во многих случаях позволило бы полнее охарактеризовать семантику содержащихся в нем лексем. Например, из РТР, т. III (статья А. Дроздовского) можно было бы включить термины *sugaja, curkana, bausista, bielica, slogosz, burzenie* и др., из РТР, т. IV (статья Б. Кончинской-Яворской) — *ospór, zaostrzyk, chorągiewka, akulorka, piszczata, krúžlik* и под.; кроме слова *suzjka* следовало бы, вероятно, учесть вариант с мазурением — *szjka* (Lud VIII, 39; РТР III, 113; *Viehzyt*, 433 и др.) и прилагательное *śuły, szuły* (AJPP № 157), *śuły* (ASI № 458); в книге, среди глаголов, обозначающих процесс случки овец, нет *parzać się*, зафиксированного в AJPP (№ 162; также: *Hogodyska-Gadkowska*, № 26), о его употреблении по отношению к другим животным см. AJPP (№ 204, 205), *Świętek*, 23; *Olesch*, 200 и др. В словарной статье *straga* отсутствует значение 'загон (для доения овец)', известное по другим источникам (SWarsz.; AJPP № 167, RFW X, 13; *Matlakowski*, 372), ср. и вариант 'огороженная часть загона, которая примыкает к окнам, через которые овцы идут на дойку' (РТР III, 71) и др.; для *basówka* указано: 'budynek, szafas pasterski...', между тем, как в RFWX (стр. 269) отмечено и 'zagroda pasterska na half'; помимо выделенных в книге значений слова *watra*, в литературе фиксируется и значение 'огонь' (SWarsz.; *Matlakowski*, 124; РТР IV [А. Шифер] № 5, 6, 25, 26), также 'zarzewie pod gołym niebem w szafasie lub na kominie', 'ogień ~' («Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego», t. 10, стр. 24) и под., интересен и специальный термин *wieczna watra* (РТР

² Значительно интенсивнее в последние годы разрабатываются этнографические аспекты проблемы, что находит отражение в появлении большого числа фундаментальных исследований типа «Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala» (t. I—VIII) (далее РТР), сборников «Viehzyt und Hirtenleben in Ostmitteleuropa» (Budapest, 1961) (*Viehzyt*), «Viehwirtschaft und Hirtenkultur» (Budapest, 1969), монографии: *J. P o d o l á k. Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier* (Bratislava, 1967) и т. д. В рамках Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат деятельности подкомиссии отгонного скотоводства придается особое значение, так как «специфика этого типа хозяйства... во многом определила весь этнографический облик жителей Карпат» (см. «Карпатский сборник». М., 1972, стр. 5).

III, 20); кстати, у автора были основания указать в своем «Словаре» значение «огонь», ср. приводимое им толкование: *watra* 'ogień w szalasio, ... w odróżnieniu od zwykłego ognia' (с. Жабница, обл. Живец). Относительно названия *bundz* автор пишет, что оно считается «гордским», однако фиксация его в ряде публикаций заставляет отнести к подобному утверждению критически: термин известен на Подгале (РТР III, 19, 72, 98), в р-не Н. Татр: *bunc... mele se guo na brúnže... (Bubak, 13), в обл. Татр — bondz (Hołub-Paciewiczowa, 231), в р-не Санок — Лесно: bunc («Etnografia polska», VI, 54) и др.*

Автор высказывает мысль, с которой нельзя не согласиться, о том, что пастушество весьма затруднительно вычленил из более широкого культурного контекста, в действительности оно тесно связано с иными сферами человеческой деятельности (например, с земледелием), поэтому значительная часть терминов синкретична, так как принадлежит — в той или иной мере — различным сферам лексики (см. стр. 32, 9); автор полагает правомерным включить в «Словарь» ряд типично горных оронимов (и даже образованных на их основе топонимов). Так, статья *bania* содержит значения: «сосуд для молока» и «глубокое место в реке (где моют овец)», статья *cerchła* — «поляна на месте вырубленного леса» и «топоним», *dział* — «кусок поля, леса» и «топоним», *rozтока* — «две расходящиеся дороги, место между ними», «горные потоки» и «топоним», *kieszoга* — только «топоним» и т. д. Но вместе с тем, вероятно, может вызывать удивление отсутствие в словаре междометий для подзывания и отгона животных (констатация этого факта, без мотивировки, содержится на стр. 33).

Как правило, в работе уместно разграничиваются самостоятельные значения. Примером тонкого описания семантики может служить статья *żetyca*. Автор дает лишь одно (инвариантное) значение: «*serwatka owcza (gotowana lub surowa)*»; кажется, что есть основания выделить также значения «*gorsza, ze spodu kotła*» и «*łusta, z wierchu kotła...*», однако, как видно из контекстов и толкований, в действительности мы имеем дело уже не с термином *żetyca*, а с терминами *podlejszy żetyca*, *ceńko zentyca* — в первом слу-
чае и *gruba zyntyca*, *gesto zentyca* — во втором, ср. отсылки к статьям «*podlejszy*», «*gruby*» (однако автор непоследователен, не давая отсылку — соответственно — к «*gesty*», «*gruby*»). Вместе с тем указанная лексикографическая проблема не всегда, на наш взгляд, решается удачно. Так, для *hurda* в словаре приведены значения: 1) «*lepsza żetyca łusta... z wierchu kotła*» и 2) «*gorsza żetyca ze*

spodu kotła, rzadka, też kwaśna». Однако из толкований, приведенных в статье, устанавливается, по крайней мере, еще одно — «*łusta piana (разр. наша. — Г. К.) z kawalkami sera...*» (кстати оно фиксируется и некоторыми источниками: *horda* «*łuste części żetycy...*» — Lud, II, 140; *hurda* «*łuszcz który wydziela się na powierzchni razem z ściętą lacto albumina*» — Lud VIII, 45 и т. д.). Достаточно сложное значение слова *gielata* могло бы быть дифференцировано следующим образом: «...naczyynie do dojenia... używane... na wodę i inne płyny (1) lub [naczynie] do przechowywania czegoś, np. bryndzy...» (2), то же относится и к *gielatka* (в некоторых публикациях находим: *gielotka, gielatka* «*fasczka na masło...*» — Spr. IV, 355, 376, *gielatka* «сосуд для масла, сыра, брынзы»... — Ram., 17) и под.

Поскольку историко-этимологическое исследование данной лексики отнесено в специальную часть, которая будет напечатана позднее, замечания такого рода вообще не следовало бы, по нашему мнению, включать в «Словарь», однако они иногда даются (ср. *lajbik* — из нем. *Leibchen, fusakle* — заимствование из немецкого); указывается, что *h* в *kohutek* — под словачским влиянием (но для *hala, huba, honelnik, ohlawka* и под. аналогичное объяснение отсутствует). Кроме того, с частью замечаний этимологического характера не всегда можно согласиться. Так, автор, вероятно, исходит (стр. 106) из общности происхождения слов *kurty* и *kornuty*, что ошибочно; неправильно сопоставление (на стр. 170) *skórlat co skorłup (Stp. mag.)* и *skarłuc (MAGP № 547)*; сомнительно и сопоставление *groj* и *grań* (стр. 70), поскольку возведение *groń(groń)* к *grań* (например, Ф. Славский) не является единственной этимологической версией — допускается и сближение с рум. *grui (диал. grui)* (подробнее см. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 109 и след.).

Обзор литературы (в основном лингвистической), сделанный В. Герничек-Морозовой во «Вступлении», дает довольно полное представление об изучении этого лексического разряда как в самой Польше, так и в некоторых зарубежных странах. Библиография, содержащаяся в книге, весьма значительна, но, разумеется, далеко не исчерпывает всего богатства литературы, посвященной рассмотрению данной проблематики. По-видимому, полный ее учет реально и невозможен; тем не менее среди лингвистических работ хотелось бы видеть, например, следующие: S. Łukasik. *Pologne et Roumanie aux confins des deux peuples et deux langues (Paris-Varsovie, 1938)*, Zb. *Gołab*. Генетички врски међу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент в ова подрачје

{«Македонски јазик», X, № 1—2, Скопје, 1959), Н. Horodyska-Gadkowska. *Polskie słownictwo gwarowe z zakresu hodowli zwierząt domowych* (Warszawa — Wrocław — Kraków, 1967), среди этнографических — исследования, напечатанные в сборнике «Viehwirtschaft und Hirtenkultur» (Budapest, 1969), некоторые работы из серии «Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala» и др.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что первая, словарная, часть монографии В. Герничек-Морозовой несомненно вызовет интерес широкого круга специалистов. Можно предсказать появление не одной рецензии, оценивающей как труд в целом, так и отдельные его аспекты, в том числе и собственно лексикографический. Линг-

висты и этнографы будут с нетерпением ожидать завершения публикации ценной работы польской исследовательницы³.

Г. П. Клепикова

³ Большинство сокращений, встречающихся в рецензии, совпадает с сокращениями, принятыми В. Герничек-Морозовой в ее книге; кроме того, см. Bubak — J. B u b a k. *Teksty gwarowe ze wsi Zab w pow. Nowotarskim*. Kraków, 1966; Olesch — R. O l e s c h. *Der Wortschatz der polnischen Mundart von St. Annaberg*. I. Wiesbaden, 1958; Ram.— S. R a m u ł t. *Gwara ślemieńska*. Poznań, 1930; Świętek — J. S w i ę t e k. *Lud nadrański (od Gdowa po Bochnię)*. Kraków, 1893.

RYSZARD STYPUŁA. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Państwowe wydawnictwo «Wiedza powszechna», Warszawa, 1974, 560 s.

РЫШАРД СТЫПУЛА. Русско-польский и польско-русский словарь пословиц

Сопоставительная паремнология имеет большое значение для анализа генетических и типологических сходств и различий языков, для более глубокого изучения национальной специфики разных народов. Большая серия паремнологических сборников, регулярно издаваемых редакцией «Восточная литература»¹, убедительно показывает важность таких лексикографических сопоставлений.

В славистике, к сожалению, традиция подобных изданий, начатая более века назад фундаментальным трудом Ф. Челаковского², почти не продолжается: за это время вышло лишь несколько сборников пословиц и поговорок, в которых сопоставляется славянский материал³. Тем своевременнее кажется выход в свет русско-польского и польско-русского словаря пословиц, составленного Рышардом Стыпулой.

Этот словарь — довольно полное собрание русских и польских пословиц и поговорок: каждая часть включает более 1500 паремнологических единиц. Причем Р. Стыпула, опираясь на современные источники (в основном использован словарь В. П. Жукова и сборник польских пословиц в трех томах под ред. акад. Ю. Кшижановского), стремится отразить прежде всего пословицы, активно употребляемые в современных языках. «Отсев» архаичных, периферийных, окказиональных единиц проводится с большим тактом и вкусом, постоянно учитываются особенности того и другого языка и эквивалентный потенциал каждой пословицы. Характерно, например, что в сборник не входят, как правило, узко локальные и специфически национальные пословицы (например, многие единицы с именем собственным, некоторые каламбурные, ассонансные, рифмованные и тавтологические), которые могли бы излишне усложнить сопоставительное описание. Широко используя традиционный паремнологический фонд русского и польского языков, автор в то же время смело вводит в сборник современные выражения, не «освященные» еще длительной фиксацией или имеющие международный характер (ср. *Время — деньги*, *На ошибках учатся*, *Тот не ошибается, кто ничего не делает*, *Чистота — залог здоровья* и под.).

Современный характер сборника проявляется и в способах описания материала. Здесь чувствуется рука опытного лексикографа — автора известных в ПНР и СССР двуязычных словарей. Тщательно продумано распределение материала, сис-

¹ Библиографию см. Г. Л. П е р м я к о в. *Избранные пословицы и поговорки народов Востока*. М., 1968. Автор этого сборника, предложивший оригинальную классификацию материала, активно способствует выходу в свет паремнологических изданий по восточным языкам.

² Ф. г. L. Č e l a k o v s k ý. *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha, 1852; 2-е издание (Й. В. Новак и А. Гинка) — 1893 г.; 3-е (подготовленное К. Дворжаком) — 1949 г.

³ Галицко-руські народні приповідки. Зібрав, упорядкував і пояснив Іван Франко. Львів, 1901—1910, т. I—III; Балканска народна мъдрост. Сост. Н. И. Икономов. София, 1968.

тема отсылок и демонстрации межъязыкового параллелизма, постоянно учитывается семантическая однотипность некоторых тематических групп пословиц и поговорок.

Основной способ подачи материала в сборнике — алфавитный. Вместе с тем, многие пословицы и поговорки (особенно относящиеся к активным семантическим полям) сопровождаются серией синонимов или тематически связанных выражений. Такие синонимично-тематические гнезда обычно концентрируются вокруг одной пословицы или поговорки, которая, по видимому, кажется автору наиболее употребительной. Так, например, для пословицы *Każdy sobie rzerpkę skrobie* Р. Стыпула приводит 2 русских эквивалента и 5 польских синонимов и параллелей (стр. 355). Подобный прием оживляет строго алфавитный порядок расположения материала, облегчает его широкое использование при изучении языков и в какой-то мере компенсирует отсутствие тематического указателя в сборнике. Читатель, благодаря отсылкам на соответствующие варианты, синонимические и тематические ряды пословиц, может отыскать ту семантическую «микросистему», к которой относится нужное ему выражение. Весьма экономным лексикографическим приемом являются отсылки на лексические и семантические варианты пословиц и рациональное описание лексических, морфологических и словообразовательных вариантов, подаваемых в скобках [например, *Pomału (powoli) (naj) dalej (zajedziesz)* — s. 441].

Подбор эквивалентов в обеих частях произведен с максимальной точностью, сопоставляемые единицы часто аналогичны не только по общему смыслу, но и по стилистической характеристике. Ориентация в обильном материале облегчает русский и польский указатель стержневых слов. Украшением сборника, весьма уместным в изданиях подобного рода, являются иллюстрации Ст. Кажмерчика, остроумно обыгрывающие двуплановость пословиц и поговорок.

Принципы сопоставительного описания пословиц и поговорок, выработанные Р. Стыпулой, представляют большую ценность уже как первый опыт подобного рода. Несомненно, что этот опыт будет во многом использован в будущих изданиях славянской паремологии. Именно поэтому, однако, следует более детально обсудить некоторые из этих принципов.

В кратком (к сожалению, излишне кратком) предисловии Р. Стыпула разграничивает три типа отношений между описываемыми им пословицами и поговорками: варианты (обозначаемые знаком \rightarrow 'смотри'), синонимы (\approx) и тематически связанные между собой единицы ($=$ 'сравни'). Это, теоретически весьма стройное распределение, осуществить на практике оказалось весьма трудным. Фактически

в сборнике все эти знаки смешиваются, нередко заменяя друг друга и «обслуживая» все три вида единиц, разграничиваемые ими.

Так, знак вариантности (\rightarrow) неоднократно применяется как отсылка к синонимам одного ряда [ср. *Дорого яичко к великому (светлому) дню* \rightarrow *Дорога ложка к обеду*; *Курице не петя петулом* \rightarrow *Вороне соколом не бывать*; *Czyja siła, tego prawda* \rightarrow *Racja* *mocniejszego zawsze lepsza* *bywa*; *Każde grabie do siebie grabią* \rightarrow *Każdy sobie rzerpkę skrobie* и др.], знак синонимичности как отсылка к вариантам (ср. *Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть* = *Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется* и под.), а знак тематической связанности обозначает как варианты [ср. *Готовь сани летом, а телегу зимой* \approx *Летом готовь сани, а зимой телегу*; *Кто другому яму роет (копает), тот сам в нее попадет* \approx *Не рой другому яму (ямь), сам в нее попадешь*; *Трус своей тени боится* \approx *Робкого и тень страшит* и др.], так и синонимы (ср. *Грех воровать, да нельзя миновать* \approx *Криво рак выступает, да иначе не знает*; *Денежка дорожку прокладывает* \approx *Золотой молоток и железные ворота отпирает*; *Хвали день по вечеру* \approx *Не хвали пива в сусле, а ржи — в озики* и под.). Причем нередко различие между двумя последними категориями, декларируемое знаками \approx и $=$, объективно установить невозможно [ср. *Деньги к деньгам льнут (идут)* \approx *Деньга на деньгу набегает* = *Деньга деньгу наживает*; *Чей хлеб-соль ешь, того и песенку поешь* \approx *Чье вино, того и заздравнице, Кому служи, тому и славу (песню) пою* = *На чьем возу сижу, того и песенку пою*], либо под один из этих знаков подводятся различные категории — например, и синонимы, и варианты пословиц (*Добрая слава в углу сидит, а худая по всему свету бежит* \approx *Добрая слава лежит, а дурная далеко бежит*, *Худые вести не лежат на месте*)⁴.

Такую непоследовательность в применении предложенных помет можно было бы поставить составителю сборника в упрек, если бы она не была обусловлена и объективно. Трудность заключается прежде всего в том, что границы между вариантом, синонимом и тематически связанной пословицей далеко не всегда четко определимы.

Отношение «вариант : синоним» в сфере паремологии осложняется широкой лексической варируемостью компонентов пословиц. Лексическая же их вариантность, как известно, может привести к значительной трансформации обра-

⁴ В целях экономии места мы приводим иллюстрации непоследовательности в применении данных знаков лишь на русском материале, но их не меньше и в польско-русской части сборника.

за, т. е. к превращению их из вариантов в синонимы. Кроме того, сам статус лексической вариантности пословиц весьма неопределен: ее трактуют то как синонимию, то как вариантность.

Отношение «синоним : тематически связанная пословица» еще более сложно, поскольку между тематической близостью и семантической тождественностью в данном случае существует весьма тесная зависимость. Часто, как показывают иллюстрации рецензируемого сборника, тематическая связанность сводима именно к широко понимаемой синонимии. Таково, например, отношение пословиц *Każdy w swym domu ran* и *Wolność Tomku w swoim domku* или *Jaki dudek taki czubek* и *Jaki ran, taki kram*, выражаемое Р. Стыпулой знаком=, и мн. др. Строгое разграничение «тематической связанности» и синонимии в таких случаях весьма проблематично.

Таким образом, как показывает опыт словаря Р. Стыпулы, в изданиях подобного рода разграничение лексических вариантов, синонимов и тематически связанных пословиц весьма сложно осуществить на практике. Возникает вообще вопрос о целесообразности такого разграничения, вызванного, в сущности, необходимостью комбинировать два принципа описания паремиологического материала: алфавитный и тематический (resp. синонимический). Причем эта необходимость не кажется вынужденной: постоянные отсылки на соответствующие синонимы и тематически связанные пословицы скорее излишне загромождают сборник, приводят к неоднократным повторениям, тем более, что и во 2-й части (польско-русской) русские синонимические ряды вновь дублируются довольно большими группами — уже как эквиваленты к польским. Возможно, более экономным было бы строго алфавитное распределение материала (как, например, в словаре В. П. Жукова), с демонстрацией синонимических, лексико-вариантных и тематических связей в особом тематическом указателе⁵: такой указатель более полно характеризовал бы то семантическое поле, в которое входят описываемые алфавитно единицы. Более конкретные — эквивалентные — отношения могли бы найти отражение при сопоставительной характеристике материала (так, польские синонимы и в данном словаре хорошо отобраны в русско-польской части, а русские — в польско-русской).

Специфика вариантности пословиц накладывает отпечаток на их лексикографическое описание. Нужно сказать, что Р. Стыпула во многом учитывает эту специфику, весьма экономно описывая мор-

фологические, словообразовательные и лексические варианты. Алфавитный порядок, однако, не всегда оправдывает такую экономию. Это относится прежде всего к лексическим вариантам, особенно тем, где варьированию подвергается начало пословицы. Так, вариант *Знать волка и в овечьей шкуре* дается в статье *Видать (знать) волка и в овечьей шкуре*, а в соответствующем месте нет отсылки на *знать*. В то же время в пословице *Знать (видать) сову по полету* именно компонент *знать* выводится как исходный, а на *видать* соответствующий вариант не приводится. Аналогично описанию, например, пословиц № 1069, 1121, 132, 1186, 1545 и др. Нужно ли говорить, что при таком расположении материала читатель, особенно читатель не искушенный в русской паремиологии, может вообще не найти некоторые широко употребительные и встречаемые в литературе пословицы. Действительно, даже русский читатель не сразу сможет отыскать, например, известную пословицу *Волос долог, да ум короток*, поскольку она дана под менее известной формой у *бабы волос долог, да (а) ум короток*. Более последовательной в этом отношении кажется позиция В. П. Жукова, сопровождающего в своем словаре каждый пословичный вариант отсылкой на исходную единицу. Разумеется, и здесь могут возникнуть трудности — прежде всего трудности разграничения исходного и вторичного варианта⁶. Однако, при последовательных отсылках ни один вариант не будет для читателя утрачен.

В сборниках подобного типа, как показывает классический труд Ф. Челаковского и опыт издания восточных паремиологических собраний, необходим дословный перевод каждой пословицы. Этот перевод может служить тем фоном, на котором лучше видны структурно-семантические сходства и различия соответствующих иноязычных аналогов. Кстати, в сборнике Р. Стыпулы не всегда ясно, дает ли автор к некоторым пословицам абсолютный эквивалент или дословный перевод. Таковы «польские» пословицы, весьма напоминающие кальки, сделанные

⁶ Этой трудности не всегда удается избежать и Р. Стыпуле. В частности, иногда неясно, по какому принципу определяется исходный вариант: по активности употребления, по «типичности» образа или по актуальности компонентного состава. В некоторых случаях в этом заметно «давление» польского аналога: так, выведение в качестве исходного варианта пословиц *Тихая вода берега подмывает* (стр. 224), как кажется, обусловлено активностью соответствующей модели в польском языке: *Cicha woda brzegi rwie (podrywa)*. Для русских в данном ряду более активной является пословица *В тихом омуте черти водятся*.

⁵ Рациональным могло бы быть распределение пословиц по тематическим группам, предложенным Г. Л. Пермяковым (там же).

составителем, как *Nawet stara krowa lubi byka* (рус. *И старая корова любит быка* — стр. 84), *Nawet z duzego osla slonia sie nie zrobi* (рус. *Из большого осла все не выйдет слона* — стр. 85), *Łyżka morze nie wyszperiesz* (рус. *Ложкой моря не исчерпашь* — стр. 114), *Trafiło ziarnko między żarna* (рус. *Угодило зернышко промеж двух жерновов* — стр. 231), *Chrzan od rzepu nie lepszy (nie słodszy)* (рус. *Хрен редьки не слаще* — стр. 240) и мн. др. Характерно, что эти пословицы уже не приводятся в польско-русской части сборника и не фиксируются богатейшим польским сборником под ред. Ю. Кшижановского.

Следует отметить, что лексикографическое разграничение дословного перевода пословиц от их иноязычного эквивалента особенно необходимо для материала родственных языков, где число схождений весьма велико. В противном случае составитель сборника рискует стать «автором» некоторых пословиц.

Подобное разграничение, впрочем, отнюдь не излишне и для межъязыковых эквивалентов. Здесь сходство, как и при лексической паронимии, нередко оказывается «ложным другим переводчиком». Для паремиологического материала весьма типична ситуация, когда при структурно-семантическом тождестве пословицы оказываются весьма разными по расположению на оси «центр : периферия» языкового употребления. Так, активной в современном русском языке пословице *Из песни слова не выкинешь*, действительно, соответствует польская *Z pieśni słowa nie wyrzucić* (s. 86). Однако, такое абсолютное тождество обманчиво: ведь малоупотребительная польская пословица — довольно позднее заимствование из русского⁷. Подобное же соотношение характерно для эквивалентов *Glupi (i w artece) gozimi nie kupi* активной в польском и периферийной рус. *Чего не дано, в аптеке не купишь* или польск. *Sicha woda brzegi gwie (podgruwa)* и рус. *Тихая вода берега подмывает*. Вероятно, в сборниках, где сопоставляются пословицы близкородственных языков, такие узуальные различия должны особо оговариваться, хотя, конечно, точная характеристика такого рода далеко не всегда возможна.

Наконец, весьма важной проблемой при составлении подобных сборников является отбор материала. Как кажется, этот материал должен быть относительно однородным с точки зрения включаемых единиц. Принципиальное значение здесь имеет вопрос разграничения пословиц и поговорок. Оставляя в стороне теоретиче-

скую сторону этого вопроса⁸, следует подчеркнуть, что несмотря на определенные сходства (в основном генетического порядка), эти два вида единиц характеризуются довольно различными параметрами. Это прежде всего различие в структуре — синтаксически замкнутой для пословиц и синтаксически «разомкнутой» для поговорок-устойчивых сочетаний, и различие в семантике, носящей характер законченного суждения у пословицы и предикативной (resp. оценочной) у поговорки. Из этих различий вытекает и более яркий, по сравнению с пословицами, национальный колорит поговорок-фразеологизмов (что, в частности, проявилось и в словаре, где для поговорок приведено минимальное количество полных эквивалентов — в отличие от пословиц, где таких польско-русских схождений весьма много) и вследствие этого необходимость особого лексикографического подхода к этим двум разрядам паремиологии. Характерно, что уже Ф. Челаковский при сопоставлении славянских пословиц и поговорок вынужден был фактически отказаться от параллельного описания поговорок и рассматривать их в особой части, где сопоставительный план был сведен до минимума, а Г. Л. Пермяков отводит им особое место в своей структурной классификации и по-особому их описывает.

Действительно, необходимость различного лексикографического подхода к разным по типу паремиологическим единицам видна и при анализе рецензируемого сборника. В него попадают и поговорки-фразеологизмы типа *вот где собака зарыта*, и устойчивые сравнения (*дела, как сажка бела* и под.), и народные анекдоты или шутки (№ 712, 1333, 1336, 1525, русской части), и единицы иного типа (№ 722, 1280, 1442). При таком широком охвате материала возникает, естественно, опасность спорадического отражения того или иного типа единиц. Этой опасности не избежал и сборник Р. Стыпулы, в котором поговорки описаны довольно случайно и неполно. Дополнить сборник поговорочным материалом нетрудно, обратившись к любому фразеологическому словарю: ведь, в сущности, обороты такого рода — это фразеологические единицы. Однако, такое дополнение рискует превратить словарь пословиц и поговорок во фразеологический словарь, что не было целью сборника Р. Стыпулы уже судя по его названию. Чтобы этого не произошло, необходимо, как кажется, более четко определять корпус сопоставительных паремиологических сборников, разграничив (хотя бы при внутреннем рас-

⁷ Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich, red. naczelny Ju. Krzyżanowski, t. 2. Warszawa, 1970, s. 917.

⁸ См. об этом, например: А. Н. Кожин. О разграничении пословиц и поговорок. Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 204, сер. рус. яз., вып. 14. 1967, стр. 5—12.

пределении его частей) поговорки лексикографически.

Можно было бы отметить и некоторые частные недочеты сборника, в основном связанные с отбором материала — например, введение в основной корпус словаря некоторых окказионализмов (например, *Ты ему дело, а он — собака бела*) и в то же время пропуски некоторых весьма распространенных в русском и польском языках пословиц (например, рус. *Стерпится, слюбится*; *Ученье свет, а неученье тьма*; *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало* и др.). Однако такие недочеты не определяют общий характер сборника.

И если обсуждение некоторых принципов его составления и может вызвать дискуссию, то лишь потому, что словарь Р. Стыгулы — серьезный и новаторский труд. Этот словарь является не только добротным пособием для всех, кто изучает русский и польский языки, но и служит надежным материалом для научных сопоставительных штудий. Несомненно, книга известного польского словарника станет стимулом для активной лексикографической разработки славянской паремологии, необходимость которой уже давно назрела.

В. Мокиенко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Ст. СТОЙКОВА

Прошло уже семь лет со дня смерти одного из выдающихся болгарских языковедов проф. Стойко Иванова Стойкова, чье имя хорошо известно в научных кругах славистов и балканистов.

Ст. Стойков (1912—1969), заложивший основы болгарской теоретической и экспериментальной фонетики, явился создателем новой школы диалектологов и фонетистов в Болгарии, первым составителем сводного обзора болгарских говоров, пионером исследований болгарских говоров методами лингвистической географии.

Его перу принадлежит около 300 работ, в которых рассматриваются вопросы фонетики и фонологии, лексикологии и морфологии, правописания и графики, диалектологии и истории языка, социолингвистики и терминологии. Не были чужды ученому и проблемы общего языкознания и ономастики, истории болгарской литературы и журналистики, методики преподавания болгарского языка в школе.

Высокой оценки научной общественности удостоились вышедшие под его руководством и при непосредственном участии тома Болгарского диалектологического атласа. Среди его многочисленных монографических описаний отдельных говоров, отличающихся глубиной, точностью и ясностью, особое место занимает капитальное исследование современного диалекта банатских болгар в двух частях: «Банатский говор» и «Лексика банатского говора».

Крупный ученый, отличный диалектолог, выдающийся организатор научной работы, внимательный, отзывчивый человек, полный оптимизма и искрящегося юмора, — таким мы знали проф. Ст. Стойкова, чьей светлой памяти посвящен сборник лингвистических исследований, изданный Институтом болгарского языка Болгарской академии наук¹.

Внутреннего объема (более 600 стр.) сборник ип memoirum, состоящий из введения и четырех разделов: I. Фонетика и фонология; II. Диалектология; III. Грамматика. Лексикология; IV. Историческая диалектология. Этимология. — включает в себя работы 102 авторов, коллег и учеников проф. Ст. Стойкова (из Болгарии, Советского Союза, Польши, Чехословакии, Румынии, ГДР, США, Югославии, ФРГ, Австрии, Венгрии и Франции).

Сборник открывается статьей покойного профессора К. Мирчева о жизни и научной деятельности проф. Ст. Стойкова, в которой дается высокая оценка лингвистического наследия ученого и подчеркивается его огромный вклад в болгарское языкознание. В своих воспоминаниях «Памяти друга и товарища» проф. С. Б. Бернштейн (СССР), отмечая научные заслуги Ст. Стойкова, раскрывает достоинства его как ученого и человека. Затем приводится библиография научных трудов, статей, рецензий, переводов проф. Ст. Стойкова, тщательно составленная одним из его учеников М. Сл. Младеновым.

Далее следуют 98 исследований, небольших по объему, тематически разнообразных и ценных в научном отношении.

В разделе I сборника можно ознакомиться с работами польских ученых В. Дорошевского, З. Штибера по фонологии, Е. Линцы (СРР) о развитии носовых гласных в болгарском языке, Э. Скаттона (США) о метатезе плавных и ъ в болгарских глаголах, Д. Тилкова в соавторстве с А. Мишевой (Болгария) по установлению частотных характеристик основного тона ударяемых гласных в болгарском литературном языке, В. К. Журавлева (СССР) о минимальных парах и характере фонологических оппозиций. Проф. Ю. С. Маслов (СССР), исследуя болгарскую графику, орфографию и ее основные принципы, в целом оценивает сложившуюся систему болгарского правописания как очень рациональную и удобную.

¹ «В память на професор Стойко Стойков (1912—1969). Езиковедски изследвания». София, 1974.

Недавно скончавшийся видный болгарский языковед проф. Л. Андрейчин полагает, что отклонения от установленных литературных норм в языке Пенчо Славейкова, возможно, являются выражением субъективных позиций поэта или же неосознанным проявлением черт родного говора. Отмечая некоторые особенности ботевских рифм, проф. П. Динев (НРБ) указывает, что эти рифмы нуждаются в исследовании с точки зрения грамматического и лексического состава и их истории.

М. Янакев (НРБ), исходя из анализа фразового ударения в предложениях, содержащих формы прошедшего предварительного времени и обстоятельства времени, предлагает разграничивать фразовое (логическое) и «темпоральное» ударение. Н. В. Котова (СССР) убеждает в необходимости произвести экспериментальное исследование степени палатальности *л* перед *е* и *и*, его близости к средневропейскому *л*, результаты которого, быть может, приведут к пересмотру трактовки вопроса о корреляции твердость — мягкость (палатальность) в болгарском литературном языке и особенно в болгарских диалектах.

Некоторые статьи затрагивают проблемы сравнительного славянского языкознания. К ним относится статья болгарского слависта проф. И. Лекова «К вопросу о двояком — фонетическом и фонологическом — сопоставлении вокализма и консонантизма славянских языков», где ставится вопрос о необходимости интегрального изучения систем гласных и согласных, взятых воедино, как функционально неделимых в своем развитии; С. Утешеного (ЧССР) «К изучению лексико-семантической дифференциации славянского языкового континуума (на примере семантики континуанта прасл. **xudь*)»; М. Георгиевой (НРБ) «Интонация одного вида эллиптических вопросительных предложений в болгарском и русском языках»; М. Ромпортла (ЧССР) «Фонологический статус мягких заднеязычных в славянских языках»; Г. Ожеховской (ПНР) о западнославянских описательных формах запрета и их параллелях в южнославянской языковой группе; К. Горалека (ЧССР) «Корреляции согласных в чешском и болгарском языках».

В разделе II знакомимся с работами таких известных диалектологов, как Ф. Славски, Е. Русек (ПНР), Й. Шютц (ФРГ), П. Ивич (СФРЮ), Я. Белич (ЧССР), А. Габовштак (ЧССР), Г. Болдока, Э. Врабиц, Й. Пэтруц (СРР), Ст. Кабанов, Б. Симеонов (НРБ), Н. И. Толстой, И. А. Дзедзелевский (СССР) и др. Большую часть раздела составляют статьи многочисленных учеников проф. Ст. Стойкова, посвященные отдельным вопросам диалектной фонологии, фонетики, лексикологии, морфологии, диалектному словообразованию,

синтаксису, например: «Окончание мн. числа *-e* у односложных существительных мужского рода» Т. Бояджиева; «Некоторые проблемы болгарской диалектной лексикологии» В. Радевой; «К вопросу о прошедших временах в некоторых северо-западных болгарских диалектах» Д. Вакарелской-Немови; «К характеристике побудительных предложений в болгарских диалектах» М. Лилова и др.

Особый интерес представляет лингвогеографическое описание семантики глагола *чувам* 'слушать' [*чувам*, 'беречь, расти', 'заботиться', выполненное М. Сл. Младеновым, который устанавливает еще одну изоглоссу, существенно подтверждающую новое диалектное членение болгарского языка, предложенное проф. Ст. Стойковым в 1963 г.

Привлекает внимание исследование Э. и И. Кочевых (НРБ), в котором рассматриваются особенности диалектной реализации межсловных диерем — такто-разделов и фразоразделов на материале двух балканских говоров, в которых твердые согласные на конце слов характеризуются *ъ*-образной вокальной окраской. М. Чалыков (НРБ) приводит новые аргументы в пользу гипотезы о болгарском происхождении частиц будущего времени *за* и *са* в болгарских диалектах.

Благодаря исследованию Г. К. Венедиктова (СССР) читатель знакомится с первой страницей истории болгарской диалектологии: Вук Караджич (вопреки авторитетному мнению И. Добровского и других ученых, считавших болгарский наречием сербского) был убежден в самостоятельности болгарского языка в ряду других славянских языков и уже в 1816 г. впервые высказал мысль о том, что болгарский язык имеет наречия. Характерной чертой начального периода в изучении болгарских диалектов являлось то, что ими занимались иностранные ученые (В. Караджич, П. И. Кешен, а также В. Копитар), которые строили свои суждения о диалектных различиях болгарского языка, опираясь на живую речь небольшого числа болгар, проживавших за границей. На материале болгарских говоров в Молдавии и на Украине провели свои исследования советские диалектологи Э. И. Зеленина (СССР) (термины пчеловодства) и Е. В. Чешко (СССР) (функции предлога *за*).

Н. И. Толстой (СССР), описывая параллелизм рефлексов *ъ* и *'а* в одном из странджанских говоров, выдвигает несколько вопросов, связанных с историей *ъ* в юго-восточных болгарских говорах. Проф. И. А. Дзедзелевский (СССР) публикует свои заметки по лингвогеографии и этимологии украинских диалектных слов *ягли* 'пшено' и *ягни* 'вид кушанья'.

В интересной статье Т. В. Поповой (СССР) и Б. Велчевой (НРБ) на мате-

риале глаголов 2-го спряжения из нескольких диалектных систем и литературного болгарского языка рассматривается проблема участия — неучастия акцентного чередования при оформлении двух глагольных оппозиций: 1) между значениями настоящего времени и аориста и 2) между значениями 1-го лица единственного числа и не 1-го лица единственного числа в плане одного временного значения («настоящее время»). Иначе говоря, дается анализ морфологического акцентного чередования в глаголах 2-го спряжения как одного из признаков диалектной типологической характеристики современного болгарского языка.

В разделе III со статьями о глагольных временах выступают М. Деянова (НРБ) и Э. Станкевич (США), по проблемам синтаксиса — болгарские лингвисты Е. Дограмаджиева, К. Иванова, Р. Ницолова и Г. Валтер (ГДР), о семантике прилагательных — И. Пенчев (НРБ) и М. Карась (ПНР), о наречиях — Кр. Чолакова, Ст. Стефанов (НРБ), по вопросам фразеологии — К. Ничева, С. Спасова-Михайлова (НРБ). В. Попова (НРБ) приводит частотные характеристики словоформ в научных болгарских текстах, подвергнутое ею статистической обработке. Цв. Македонска (НРБ) говорит о роли и месте церковнославянизмов в образовании новоболгарского литературного языка в 30-е годы прошлого столетия.

По вопросу о границах «настоящего исторического» у исследователей, занимающихся употреблением глагольных времен в болгарском языке, нет единства. «Настоящим историческим», по мнению И. К. Буниной (СССР), следует называть лишь такое употребление форм настоящего в сообщении о прошлых событиях, которое предусматривает авторскую установку на конкретное, «репортажное» изложение фактов и характеризуется текстуальной противопоставленностью по этому признаку форм группы настоящего времени формам группы аориста.

Е. И. Демина (СССР) в самых общих чертах обрисовала картину становления системы модальных оппозиций болгарского предикатива и место в ней времен плана прошлого, какими он представляется автору в итоге многолетних наблюдений над болгарским глаголом.

В статье «Грамматическая связь существительного — предикативного определения с подлежащим» М. Г. Рожковская (СССР) приходит к выводу, что в функции предикативного определения существительное может иметь только обусловленную закономерностью управления форму, дублирующую форму существительного, от которого синтаксически зависит, и что род и число существительного — предикативного определения независимы от рода и числа подлежащего, а часто наблюдаемый паралле-

лизм в роде и числе с точки зрения законов синтаксической связи — лишь простое совпадение, объясняемое смысловым согласованием существительных.

Е. А. Захаревич (СССР) рассматривает словообразовательные типы носителей признаков, на которые указывает основа относительного прилагательного, причем предмет ее внимания — только то производные слова, значение которых мотивируется относительными прилагательными, входящими в состав конкретных словосочетаний. Э. Пернишка (НРБ) описывает словообразовательные и семантические тенденции относительных прилагательных в современном болгарском литературном языке.

В разделе IV по отдельным вопросам исторической диалектологии выступают болгарские ученые К. Мирчев, И. Гыльбов, Р. Русинов, а также И. Хамм (Австрия), В. Бланар (ЧССР), И. Манкен (ФРГ). Проф. П. Кирай (ВНР) впервые дает палеографическую и языковую характеристику среднеболгарского кириллического кодекса, хранящегося в Будапештской государственной библиотеке им. Сечени под условным названием «*Evangelium bulgaricum in Ungaria scriptum*». А. Минчева (НРБ) в своей работе анализирует ранее не описанные случаи румынского влияния в предложных конструкциях, употребительных во влахоболгарских грамотах XIV—XV вв. Наблюдения В. П. Гудкова (СССР) над изменениями лексики в текстах Вука Караджича проливают свет на процесс нормирования лексического фонда сербохорватского литературного языка.

Историков русского языка, несомненно, заинтересуют работы Р. Якобсона (США) о расшифровке так называемой Гнездовской надписи и Д. Станишевой (НРБ) об истории флексий родительного падежа единственного числа *-a* и *-u* имен существительных мужского рода в русских диалектах.

Обращает на себя внимание статья К. Гутшмидта (ГДР), интересная тонкими наблюдениями над акцентной системой глагола в самоковском говоре, отраженной в греческо-болгарском разговорнике 1831 г.

В сборнике представлены этимологические разыскания таких известных лингвистов, как В. Георгиев, Р. Бернар, И. Дуриданов, И. Вукович, Г. Михайлэ, К. Костов.

Для специалистов по ономастике небезинтересными окажутся статьи С. Иванчева, С. Илчева (НРБ), касающиеся отдельных фонетических явлений в болгарской антропонимике, Г. П. Клепиковой (СССР) об ареалах и семантике географических терминов с корнем **bar* и М. Выгленова по этимологии топонима *Кормяно*.

В небольшой заметке, естественно, невозможно охватить все опубликованные

в сборнике работы, однако важно подчеркнуть, что все они в той или иной мере затрагивают вопросы, входящие в широкий круг научных интересов проф. Ст. Стойкова.

Лингвистический сборник памяти проф. Ст. Стойкова — новое свидетельство плодотворного развития международного

сотрудничества в области славистики и балканистики.

В заключение хотелось бы высказать удовлетворение высоким качеством полиграфического исполнения, прекрасным художественным оформлением книги.

Э. А. Григорян.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1976 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

А б р а м я н А. Г. Участие армян в антирурских войнах польского народа в XV—XVII веках. В кн. Братское содружество. Ереван, 1976.

А р ш Г. Л. Балканские проекты И. Каподистрии накануне греческой революции 1821 г. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Б а р а н В. Д. Слов'янська археологія. III міжнародний конгрес у Братиславі (7—14 сент. 1975 г.). Вісн. АН УРСР, 1976, № 5.

Б а т ю к А. Ф. Тактика Коммунистической партии Польши по отношению к интеллигенции (1923—1933 гг.). В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1976.

Б о ч к а р е в а С. И. Русская периодическая печать о событиях в Сербии 1878—1885 гг. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1976.

В а л е в Л. Б., С л а в и н Г. М. Отклики Сталинградской битвы на Балканах. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

В и н о г р а д о в К. Б. Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х годов XIX в. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Г и б и а н с к и й Л. Я. Проблемы Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Г и г о в Т. Апрельское восстание в Болгарии (К 100-летию восстания). Воен.-ист. журн., 1976, № 4.

Юрий Крижанич в зарубежной историографии (1940—1979 годы.) «История СССР», 1976, № 1.

Г р е к о в И. Б. Конференция советских и польских историков (Сухуми, 28—30 окт. 1975). Вопр. истории, 1976, № 5.

Г р о с у л В. Я. Генезис революционного социализма на Балканах и россий-

ское революционное движение. (О существовании на Нижнем Дунае секции первого Интернационала.) В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Г у с ь к о в а Е. Ю. Достижение Сербией автономии и национально-освободительное движение на Балканах. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Д ы м к о в с к и й Е. 1-я армия Войска Польского в сражениях за Поморье. Воен.-ист. журнал, 1976, № 3.

З е л е н и н В. В. Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

З у е в а Н. В., Ш а т о х и н а Е. М. Русские проекты реформ в европейской Турции в 1867 г. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

И в а н о в И. «Золотой» некрополь Варны. «Природа», 1976, № 2.

К о н а к о в Н. К. Расстановка классовых и политических сил в Болгарии после 9 сентября 1944 г. Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, № 8. История, яз., лит., вып. 2.

К о р о б о в и ч А. Армянский суд в городе Замостье. В кн. Братское содружество. Ереван, 1976.

Л е ш и л о в с к а я И. И. Идеологическое развитие южнославянских народов Австрийской империи в период национального пробуждения. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Л и м о н о в Ю. О. «Хроніка Польщі» Матвія Меховського та її давноруські джерела. Укр. іст. журн., 1976, № 3.

М а к о в а Е. С. К характеристике экономического облика городов Юго-Восточной Европы в период позднего феодализма (По загребским материалам XVI—XVII вв.). В кн. Балканские ис-

следования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Мельников Г. П. Социально-экономическая структура Праги в первой половине XVI в. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1976.

Новичев А. Д. Танзимат и балканские народы (1839—1853). В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Оганесян М. Л. Исторические связи армянского и польского народов. В кн. Братское содружество. Ереван, 1976.

Первая научная конференция комиссии «Балканы в современную эпоху». В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Писарев Ю. А. Восстание в Боснии и Герцеговине и европейские державы (1875—1878 гг.). «Новая и новейшая история», 1976, № 2.

Писаренко З. П. Марксистская литература о причинах образования Балканской Антанты. Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1976, № 1.

Погребенник Ф. Відгомін балканських подій 1876 р. на Україні. «Всесвіт», 1976, № 5.

Полосин В. В. Славянский термин в сочинении средневекового путешественника-араба. «Народы Азии и Африки», 1976, № 1.

Полюшко Д. Ф. О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Рахматуллаев А. Первые среднеазиатские сведения о славянах. «Статьи по филологии», Душанбе, 1976, вып. 5.

Сардачук П. Д. КПЗУ на чолі революційних боїв львівського пролетаріату на весні 1936 р. Укр. іст. журн., 1976, № 3.

Сидельников С. И. Советская и болгарская историография Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии. Вопр. истории, 1976, № 4.

Советов П. В. Феодализм в Юго-Восточной Европе и османское завоевание (Типологические сдвиги в Дунайских княжествах). В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Спиваковский Е. И. Из истории распространения ленинизма коммунистическими партиями балканских стран в период между двумя мировыми войнами. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Стеблій Ф. І. Вплив повстання декабристів на розвиток суспільно-політичного руху в Галичині. Укр. іст. журн., 1976, № 4.

Титова А. А. Позиции польских политических партий в сейме по вопросу об

аграрной реформе (ноябрь 1922 г.— май 1923 г.). В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1976.

III Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. (Бухарест, 4—10 сент. 1974 г.). В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Фірсов М. І. Інтернаціональна місія радянських військ у визволенні Чехословаччини. Укр. іст. журн., 1976, № 5.

Фрейдзон В. И. К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Черных Е. Н. На пороге несостоявшейся цивилизации. «Природа», 1976, № 2.

Чубарьян А. О. Из истории установления дипломатических отношений между Советским Союзом и странами Юго-Восточной Европы в 20—30-е годы. В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Шопов И. Некоторые проблемы обучения истории в Народной Республике Болгарии. «Преподавание истории в школе», 1976, № 3.

Юрьев Ю. А. Международная конференция историков в г. Сараево, посвященная столетию восстания в Боснии и Герцеговине и Восточному кризису 1876—1878 гг. «Новая и новейшая история», 1976, № 2.

2. Культура

Арнольд А. И., Кучмаев А. И. К. Несостоятельность концепций антикоммунизма и ревизионизма по вопросам строительства социалистической культуры. Вопр. истории КПСС, 1976, № 5.

Белоусов В. Памятники борьбы в Югославии. «Декоративное искусство СССР», 1976, № 5.

Бернштейн И. Жанровая структура современного романа. Вопр. лит., 1976, № 2.

Бечка И. Садриддин Айни в Чехословакии. «Памир», Душанбе, 1976, № 4.

Брадиштилова М. Болгарский театр 60—70-х годов XIX в. и национально-освободительное движение. В кн. Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1976.

Бромлей Ю. В., Грацианска Я. Н. Н. Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат. В кн. Карпатский сборник. М., 1976.

Валериус С. Актуальные проблемы современной скульптуры стран социалистического содружества. «Искусство», 1976, № 5.

Вачинская М. Современный театр и молодежь (На материалах ПНР). В кн. Искусство и идеологическая работа партии. М., 1976.

Ведіна В. Правда життя і правда літератури. «Всесвіт», 1976, № 6.

Верабей А. Л. М. Танк — переключатель творчества А. Мицкевича. Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, 1976, № 3.

Вервес Г. Д. Про подальшу реалізацію слов'янського проекту ЮНЕСКО. Рад. літературознавство, 1976, № 2.

Виноградова А. Н. Сравнительный анализ славянских колядных песен карпатского региона (украинские колядки и польские коледы). В кн. Карпатский сборник. М., 1976.

Гаккебуш В. Нотатки з Варшавського міжнародного фестивалю театрів. «Всесвіт», 1976, № 4.

Гершкович А. А. О некоторых типологических сходжениях в формировании театра стран Центральной и Юго-Восточной Европы. (Конец XVIII — середина XIX в.). В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Гершкович А. А. Театр и национальная культура. В кн. Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1976.

Главное направление художественного прогресса (На второй научной конференции ИМЛИ «Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы»). Вopr. лит., 1976, № 5.

Голенкова З. Т. Социологические проблемы высшего образования в ев-

ропейских социалистических странах. Социолог. исследования, 1976, № 1.

Горина Л. В. Антиеретическое сочинение Ефимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г. (К истории болгаро-русских культурных связей конца XIV — начала XVI в.). В кн. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Горожанкин В. К. Архитекторы Украины — братской Болгарии. Стр-во и архитектура, Киев, 1976, № 4.

Грулих В. О понятии системы коммунистического воспитания в высших учебных заведениях. В кн. Формы, методы и средства коммунистического воспитания студентов в вузах социалистических стран. М., 1976.

Гузар З. П., Кацнельсон Д. Б. Маловідома рецензія І. Франка на збірку віршів польського поета Аурелія Урбанського «Бунт». Укр. літературознавство, Львів, 1976, вип. 26.

Гусев В. Е. Фольклорно-этнографические материалы в «Сербских летописях» (1825—1830). (К 150-летию Матицы Сербской и ее «Летописца»). Сов. этнография, 1976, № 2.

Гусев В. Е. Фольклор и общество. (Симпозиум болгарских фольклористов.) Сов. этнография, 1976, № 3.

Данилова А. Е. От любительского театра к профессиональному (к истории сербского, хорватского и словенского театров). В кн. Театр в национальной культуре страны Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1976.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1976, № 3

Ц. Антова, Е. Нончева. Известные письма Христо Ботева и Любена Каравелова; П. Динков. Христо Ботев и развитие болгарской литературы; И. Тодоров. В творческой лаборатории Х. Ботева; Ц. Унджиева. Об одном мотиве и об одном образе в поэзии Возрождения; С. Таринска. Ботев и первый социалистический кружок в Бухаресте; А. Калоянов. Запись новой народной песни о Х. Ботеве; Н. Дончев. Ботев во Франции и Италии; Г. Цанев. Историческое повествование в эпоху Возрождения; С. Коларов. Между обманчивым миром и сказочным; К. Еленков. Самонаблюдение и творчество; М. Науман. Исторические аспекты перемены функции литературы в наше время.

№ 4

А. Спиридонов. Георгий Кара slav в среднее поколение прозаиков; И. Радев. Современная болгарская де-

ревия в творчестве двух прозаиков; Г. Цанев. Пенчо Славейков — личность и творчество; Н. Пантелеева. Эстетические воззрения П. И. Славейкова о сущности творчества и о своеобразии писателя; И. Паси. Портреты нравов. Лабрюйер: «Характеры»; И. Динков. И. Вазов на рубеже двух эпох; Р. Димчева. Теория Р. Эмота о происхождении сатиры; Б. Мирчев. Поэзия и правда у Э. Т. А. Гоффмана.

«Език и литература», 1975, № 4

Е. Теодоров. Болгарский народный эпос; С. Иванчев. К вопросу о создании национальной болгарской ботанической терминологии; Г. Неделчев. Жанровая форма и поэтический синтаксис «Диких рассказов» Хайтова; В. Николова. Влияние импрессионизма на «Рыцарский замок» Ясенова.

№ 5

К. Петкова. Советская тема в публицистике Хр. Смирнского; Х. Винк-

вист. Вербальность и номинальность отглагольных существительных в современном болгарском литературном языке; С. Стоянов. Относительно различия *летитъ/лѣтъ ти* в Азбучной молитве; М. О дра н. Влияние словацкого языка на язык болгар, живущих в Словакии.

№ 6

К. Т о п а л о в. Сюжетная модель поэзии Возрождения — типология поэтического мышления; В. Бакалова. Синтаксические особенности и функции междометий; П. Радева. Группа приставочных глаголов в современном болгарском литературном языке; П. Пенев. Диалектные различия в развитии юса большого в среднеболгарский период.

1976, № 1

Л. С е л и м с к и. О сущности и классификации сложных слов в славянских языках; Н. Пантелеева. Нравственно-психологическая и эстетическая сущность одиночества в поэзии П. Славейкова; Б. Ангелов. Произведения древнеболгарского писателя Иеремии; М. Попова. Глаголы с двумя одновременно реализующимися валентностями в современном болгарском литературном языке.

«Български език», 1975, № 6

25 лет журналу «Български език»; А. Давидов. Мерданский список Паксиевой истории второй половины XIX в.; Р. Ионская. Глагольные времена и наклонения в языке Й. Кырчовского; М. Сл. Младенов. Из истории болгарской диалектологии. Неофит Рилски — родоначальник болгарской диалектологии; Вл. Мурдаров. Категория вида у отглагольных существительных.

1976, № 1—2

К. Мирчев. Проф. Любомир Андрейчин. (4 IV 1910 — 3 IX 1975). Вклад проф. Л. Андрейчина в болгарское языкознание; К. Иванова, Б. Николаев, П. Пашов, Й. Пенчев, В. Станков. Проф. Л. Андрейчин и болгарская грамматика; В. Попова, Хр. Пыррев, Ст. Жерев, Р. Цойнска. Исследования проф. Л. Андрейчина по истории болгарского литературного языка; Е. Георгиева, М. Лилов, Л. Манолова, Вл. Мурдаров. Проф. Л. Андрейчин и развитие языка; Кр. Чолакова. Вклад проф. Л. Андрейчина в болгарскую лексикологию и лексикографию; Т. Владимирова, К. Димчев, М. Иванов, Л. Ставрева. Вклад проф. Л. Андрейчина в теорию и практику обучения болгарскому языку; В. Попова. Библиография

трудов проф. Л. Андрейчина (1970 — 1975); Ив. Лекоев. Асимметрия формы и содержания в славянских грамматических категориях; Вл. И. Георгиев. Некоторые особенности болгарских звательных форм; М. Лилов. Принципы развития современного литературного языка; Е. Георгиева. Языковая система, стиль и пунктуация; Св. Иванчев. К вопросу о сущине в современном болгарском языке; М. Янакиев. Число в болгарской глагольной парадигме и его морфемное выражение; Б. Николаев. Числительные — основное средство выражения количества; З. Генадиева — Мутафчиева. Случаи немодального употребления модальной частицы *да*; М. Деянова. Из сопоставительной польско-болгарской синтагматики.

№ 3

Ив. Харлампиев. Проблема сохранения языкового богатства Вазова; Ст. Буров. Статистические наблюдения над местом ударения в именах существительных в современном болгарском литературном языке; Е. Георгиева. Языковая система, стиль и пунктуация.

«Zeitschrift für Slawistik», 1975, № 5—6

Г. Вальтер. Заседание Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков; Ф. Данеш, М. Грелл, К. Хаузенблас, З. Главса, М. Комарск, Я. Корженски, Р. Мразек. Проект теоретической концепции грамматики чешского языка; М. Грелл. Семантически модифицируемые компоненты в структуре предложения; О. Уличны. К вопросу о связи между синтаксически релевантными семантическими признаками сказуемого и семантикой падежей в чешском языке; Й. Мистрик. Способ выражения в гипертасисе; Дискуссия: И. Новотны, Ф. Михалк, С. Иванчев, П. Адамец, О. Лешка, Р. Лясковски, М. Ивич, М. Грелл. Фрагменты из новелл Томаса Манна; З. Тополинская. Семантическая интерпретация и формальный анализ именных групп в фрагментах из прозы Томаса Манна; М. Гроховский. Принципы классификации семантических связей между предикативными членами предложения; С. Карольяк. К характеристике предикативных членов предложения; К. Писаркова. Возможности и задачи лингвистического анализа текста; Р. Лясковски. О функциональных классах слов; А. В. Бондарко. Проспект функциональной морфологии русского языка; Р. Ружичка. О соотношении синтаксиса и значения предложения; Х. Вальтер. Полисемия финитных глагольных форм в

болгарском языке и их моносемантизация; К. Горалек. К вопросу о так называемом грамматическом стандарте; М. Ивич. Теоретический и методологический аспекты понятия конденсации; П. Сгалл. О семантике депредикации; А. Е. Михневич. Синтаксическая конденсация и типы полипредикативных структур; Я. Качала. Грамматический и семантический аспекты синтаксической конденсации.

1976, № 1

В. Калвайт. Предисловие; Г. Зенгейст. О тематике международной литературоведческой научной конференции «Ответственность за судьбу мира»; Г. Ломидзе. Многонациональная советская литература в исторической борьбе с фашизмом; С. Жулкевский. Литература в условиях подполья; Э. Зёнтек. Опыт войны с точки зрения исторической и народной традиции в Польше; Б. Крефт. Воспоминания об истоках югославского рабочего театра; Т. Жечев. Антифашистская борьба и развитие современного болгарского романа; Ш. Влашин. Чешские антифашистские писательские организации в 30-е годы; Ф. Йожеф. Венгерская антифашистская литература в начале 20-х годов; Г. Шауманн. Преодоление будничного как эстетическая проблема в советской литературе 20-х — 30-х годов; К. Каспер. Историко-гуманистическая установка рассказов Чингиза Айтматова; Р. Хагер. О значении Великой Отечественной войны для формирования человеческого характера в произведении В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы»; Н. Тун. Интерес к Толстому в годы второй мировой войны и его отражение в литературе; Ф. Мерау. «Люди одного костра» (1936 г.) Сергея Третьякова; И. Зихазе. «Weitung des künstlerischen Raums» в Чехословакии. 1933 — 1938 гг.; Л. Артюнов. Тема Великой Отечественной войны и развитие социалистического реализма в современной советской литературе.

«Kwartalnik Historyczny», 1976, № 3

Я. Драбина. Контакты Вроцлава с Пием II и римской курией в 1458 — 1564 гг.; Х. А. Фернадес — Сантамария. Восстание «комунерос»: Алонсо де Кастрильо и средневековый конституционализм; Э. Вартель. Вопрос о парцелляции немецких поместий на территории Польши в 1920 — 1939 гг.

«Przegląd Historyczny», 1976, № 1

М. Г. Кравфорд. Рим и греческий мир. Экономические взаимоотношения; М. Дроздовский. Государственный бюджет Речи Посполитой в поль-

ской политической литературе XVIII в.; Т. Малецкая. Капиталы США в польских банках в межвоенный период; Г. Белгак, П. Ставецкий. Переговоры польских и французских штабов в Париже (май 1924 г.); Ш. Рудницкий. Неизвестный документ о деле Сильвестра Воеводского.

«Z pola walki», 1976, № 2

Б. Радляк. Деятельность организации СДКПиЛ в 1902 — 1903 гг.; В. С. Неволна. III Конгресс Коминтерна и Коммунистическая рабочая партия Польши; Р. Домбровский. Деятельность заграничного комитета Польской социалистической партии с октября 1939 по сентябрь 1941 г.; Б. Гонсеница-Сташечек. Коммунисты и антифашистские национальные фронты в Европе в период второй мировой войны; Е. Павлович. Концепции развития социалистической революции в международном коммунистическом движении в 1945 — 1947 гг.

«Pamiętnik Literacki», 1976, № 2

И. Лоссовска. Очерк сентиментальной проблематики в романах Михала Дымитра Краевского; В. Вейнтрауб. Парижские лекции Мицкевича. Некоторые текстологические вопросы; Р. Ныч. Номо irreguietus. Нищественство в творчестве Вацлава Бернга; М. Корцаля-Делаперрьер. Творчество Яна Бженковского в свете французских конструктивистских тенденций; К. Цисевски. От истории просвещения к истории литературы; М. Гловиньски. Лесьмян: поэзия отрицания.

«Slavia orientalis» 1976, № 1

Э. Вуйцик. Польша и Россия в XVII в.; Г. Курнис. Декабристы и польский вопрос; Т. Шишко. Н. Лесков и украинская литература; В. Вильчиньски. Поэзия Владыслава Сырокомли на Украине; Т. Позьняк, В. Райгоша. Янка Купала и Людомир Михаил Роговски; Я. Чиквин. Источники раннего творчества Леониды Мартынова; М. Балий. Суффиксальное субстантивирование имен прилагательных в украинском языке; Я. Вавжинчик. О грамматическом виде избранной группы польских и русских имен существительных.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Международная комиссия по истории славистики была учреждена на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958 г.) по инициативе Международного комитета славистов, стремившегося путем создания соответствующих комиссий и комитетов скоординировать различные направления, существующие в современной славистической науке. Перед комиссией по истории славистики была поставлена задача содействовать всестороннему изучению вопросов истории славяноведения в рамках отдельных славянских и неславянских стран, где ведутся исследования в этом направлении и разработке проблематики, имеющей общее значение для развития этой области науки. Первым председателем этой Комиссии был избран профессор Московского Государственного университета Н. К. Гудзий.

Научная программа деятельности Комиссии, ее состав и принципы научной работы рассматривались на заседании, состоявшемся в 1960 г. в Вене, на котором присутствовали представители из 16 стран. На нем особое внимание было уделено определению самого предмета истории славистики и методу научного изучения данной проблематики. Состоялась широкая научная дискуссия по вопросу о том, как следует понимать термин «история славистики». Ограничивается ли он только историей славянской филологии, или нужно понимать его шире и относить сюда также историю взаимоотношений славянских стран в области культуры, а также историю славянских народов вообще.

Была сделана попытка решить вопрос, следует ли рассматривать историю славянской филологии как «историю науки», т. е. как историю рассмотрения и решения славистических проблем, или как исследование совокупности научных трудов и деятельности представителей этой дисциплины в исторической перспективе.

Несмотря на то что на данном заседании ученые не пришли к единому мнению, уже сама постановка этих вопросов имела большое значение для разработки научных критериев при исследовании историко-славистической проблематики.

Принятая на венском заседании Комиссии программа ее научной деятельности в основном ориентировала ученых на сбор библиографических материалов и составление библиографических справочников по истории славянской филологии.

На V Международном съезде славистов, проходившем в 1963 г. в Софии, состоялось очередное организационное совещание членов Международной комиссии по истории славистики, на котором на пост ее председателя был выдвинут видный ученый, филолог-славист из Австрии, профессор Ягодич, под руководством которого состоялось международное заседание Комиссии в Геттингене (1964 г.).

На этом заседании вновь были поставлены на обсуждение вопросы о предмете и методе работы Комиссии и решено, что она должна сосредоточить свое внимание на изучении истории таких филологических дисциплин, как славянское языкознание, славянское литературоведение, славянский фольклор. Целью научных устремлений Комиссии должно быть стать написание всеобъемлющей истории славянской филологии, построенной по энциклопедическому принципу, где должны найти отражение вопросы как общетеоретического, так и конкретного характера, такие, например, как деятельность отдельных выдающихся славистов-филологов.

Ориентация ученых, занимающихся вопросами истории славяноведения, на изучение узко филологической проблематики не отвечала представлениям значительной части специалистов, трактующих этот предмет в широком общепросторическом аспекте. Именно этими причинами объясняется третья дискуссия по вопросу о предмете и методе истории славистики на очередном заседании Международной комиссии в Штиржине (Чехословакия, 1967 г.) под председательством профессора Карлова университета К. Горалека.

Видные ученые-слависты — чл.-корр. ЧСАН К. Горалек, академик БАН П. Динек, академик ЧСАН Б. Гавранек, представляющие в Международной комиссии научную общественность славянских стран, в своих выступлениях отстаивали точку зрения, что история славистики не

может оставаться узко филологической дисциплиной. По их мнению, эта специфическая область науки должна включать в себя наравне с языковедческим и литературоведческим исторические, историко-культурные и социально-политические аспекты.

Как заявил проф. К. Горалек, нельзя ограничивать предмет истории славистики изучением только истории лингвистики, литературы, народного творчества и т.п., так как в этом случае «неизбежно теряется идеологическая сторона»¹. Только всестороннее изучение истории всех славяноведческих дисциплин позволит достаточно эффективно решать весь комплекс сложных вопросов, стоящих сегодня перед славистической наукой.

Другая часть видных ученых-славистов отстаивала принципы научного направления работы Международной комиссии, принятые на вевском и геттингенском совещаниях. Эта группа ученых (в большей части из западных стран) выразила мнение о целесообразности и в дальнейшем продолжать изучение истории только филологических дисциплин, имея в виду перспективную цель — создание энциклопедии славянской филологии.

Эта острая научная полемика, хотя и не привела к каким-либо определенным решениям, имела, безусловно, положительное значение. Давая оценку совещанию в Штиржине, один из его участников д-р Я.Петр отмечал, что это заседание можно назвать успешным уже потому, что оно открыло возможности для проведения научной дискуссии по вопросам современного состояния славистической науки. «Конфронтация противоположных точек зрения, — пишет он, — относительно перспектив дальнейшей работы Комиссии убедительна ученых в общем для всех понимании важности обсуждаемой проблематики и показала истинное значение тех задач, которые предстоит решить Международной комиссии в процессе ее дальнейшей работы»².

Три первых международных заседания Комиссии, хотя и не решили вопрос о научном направлении ее работы, но тем не менее научные дискуссии по этому поводу создали необходимые для решения этой задачи предпосылки. Благодаря этому последующая деятельность Комиссии приобрела более конкретный характер. В течение первых десяти лет существования Международной комиссии по истории славистики были установлены контакты и укреплены научные связи между славистами различных стран мира и тем самым

созданы благоприятные условия для ее дальнейшей деятельности.

Советские ученые активно включились в работу Международной комиссии по истории славистики после 1970 г., с момента избрания на пост председателя Комиссии директора Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова. По мнению советских специалистов, для плодотворной работы этого международного органа необходимо было четко определить круг научных проблем, которыми должна заниматься Комиссия; устранить недостаточную координацию исследований в данной области науки, найти наиболее эффективные формы международного сотрудничества.

Разрешить стоящие перед Комиссией научные и организационные вопросы отчасти помог симпозиум по истории славянской филологии, который состоялся в Праге в октябре 1971 г. Главным результатом работы симпозиума явилось выяснение некоторых основных проблем методологического характера. Было обращено внимание на то, что сам предмет истории славистики требует особенного исторического подхода, учитывающего социально-политический аспект. История славистики теперь стала трактоваться не как узко филологическая область науки, а как одна из дисциплин общей истории.

Формулируя основные задачи, стоящие перед Международной комиссией по истории славистики, П.Ржегачек и З.Урбан в своей информационной заметке о проведении симпозиума 1971 г. отмечают, что важнейшей ее задачей было признано «создание на современном научном уровне синтетического образа истории мировой славистики, который должен заменить монументальный, но сегодня уже во многом устаревший труд Ягича»³.

Решения пражского симпозиума были положены в основу перспективного плана работы Комиссии, принятого на очередном заседании в Москве в июле 1972 г.

Считая основной целью ее деятельности — создание синтетической истории мировой славистики, было признано целесообразным начать подготовку проблемных сборников по истории славистики с участием видных ученых различных стран, в которых освещать как общие проблемы славяноведения в разные исторические этапы его развития, так и частные вопросы, такие, например, как развитие славяноведения данной страны, характеристика школы и направления в славистике, портрет крупного ученого-слависта и т. д.

¹ T. Bešta, J. Kurz. Symposium o dějinách slavistiky ve Stříně 1967. «Slavia», 1969, № 38, s. 540.

² J. Petr. Symposium o dějinách slavistiky. «Jazykovědné aktuality». Praha, 1967, s. 41—43.

³ L. Rehaček, Z. Urban. Symposium o dějinách slovanske filologie. «Slavia», 1972, № 41, s. 348—351.

Задачи планируемого многотомного труда состоят в освещении достижений славяноведческой мысли, начиная с конца XVIII в. и до наших дней, а также в уточнении единых методологических и теоретических критериев исследования. Как отметил в своем выступлении на пражском заседании 1975 г. председатель Комиссии Д. Ф. Марков, «один из важнейших методологических вопросов истории славяноведения связан с правильной оценкой соотношения между внутренними закономерностями развития данной отрасли науки и влиянием общих исторических условий, т. е. факторов социально-политических и идейных, без учета которых невозможно ни правильно оценить наиболее существенные поворотные пункты в развитии славистики, ни точно определить саму суть рассматриваемых процессов». Именно эти методологические вопросы предлагается рассмотреть в подготавливаемой серии международных сборников.

Подобного рода издание будет способствовать дальнейшему укреплению научных связей между учеными разных стран и обмену научными достижениями между славистами — историками, этнографами, филологами, фольклористами и др., что поможет осуществить перспективный план Комиссии — написание всеобъемлющего труда по всемирной истории славяноведения.

На заседании Международной комиссии по истории славистики в Варшаве в конце августа 1973 г. было принято решение о расширении и уточнении национальных представительств в Международной комиссии с целью максимальной активизации ее научной и организационной деятельности. Был положительно решен вопрос о создании серии международных сборников по истории славистики и принят конкретный план их подготовки, предложенный советской стороной.

План сборника «Методологические проблемы мировой славистики» подготовили советские специалисты. Сборник по истории славистики конца XVIII и первой половины XIX в. предложено было курировать чехословацким специалистам, сборник по истории славистики периода второй половины XIX в. — югославским, сборник периода конца XIX и начала XX в. (до 1918 г.) — болгарским, сборник по истории славистики периода между двумя мировыми войнами — польским ученым.

В октябре 1975 г. в Праге состоялось специальное заседание Комиссии, на котором были обсуждены и приняты планы-проспекты этих сборников. Большинство славянских стран обязалось выпустить сборники к VIII съезду славистов, т. е. в 1978 г.

Характеризуя первый методологический сборник, открывающий серию, зам. председателя Международной комиссии

д-р ист. наук В. А. Дьяков отметил, что при его составлении советские слависты руководствуются принципом проблемного построения исследуемого материала. В сборнике выделено три основных раздела. В первом дается характеристика предмета славяноведения и метода его исследования, а также рассматриваются вопросы периодизации истории славистики как в международном масштабе, так и в более узких национальных рамках.

Во втором разделе рассматриваются отдельные методологические доктрины, их объективная обусловленность и научное значение. Это прежде всего идеи славянской взаимности, различные концепции славянофильства, компаративистика и др. научные течения, имевшие широкое распространение как в славянских, так и неславянских странах.

В третьем разделе характеризуются методологические дискуссии на международных форумах славистов.

Чехословацкий сборник хронологически охватывает период с 1780 по 1848 г. Это начальный этап формирования истории славистики как науки, период, когда определяется основная проблематика славистических исследований. Поэтому главный тематический круг вопросов современной международной славистики специалисты ЧССР считают целесообразным связать с проблематикой славистической науки начального этапа ее развития, интерпретированного в широком международном аспекте. Первая часть сборника посвящена вопросам международных связей, взаимозависимости и контактов, нашедших свое отражение в истории славистической науки. Особое внимание в этом разделе будет уделено теме славянской взаимности и вопросам борьбы за национальную независимость славянских народов.

Характер исследований, помещенных во второй части данного сборника, носит более конкретный характер. Они посвящены вопросам изучения начального периода истории славистики в различных странах, и внимание здесь будет акцентировано на специфических проблемах, свойственных данной стране и нашедших свое отражение в истории национального славяноведения. В этой части сборника предполагается осветить вопросы начального этапа развития польской, русской, югославской и французской славистики.

В третьей части сборника чехословацкие специалисты предполагают дать работы биографического характера, посвященные жизни и деятельности выдающихся ученых-славистов, чьи работы оказали существенное влияние на развитие международной славистики, таких как И. Добровский, Б. Линде, А. Востоков и др.

Приблизительно по тому же принципу предполагают построить свой сборник

болгарские специалисты. В нем будут даны обзоры, характеризующие состояние славистической науки конца XIX и начала XX в. (до 1918 г.) в ряде стран как славянских (Россия, Украина, Белоруссия, Польша, Болгария, Чехия, Словакия, Сербия, Хорватия), так и неславянских (Германия, Австрия, Англия, Италия, Франция, США и скандинавские страны). В данном сборнике, как и в чехословацком, предполагается также поместить несколько статей о деятельности выдающихся ученых-славистов И. Шишманова, В. Ягича и др.

К VIII Международному съезду славистов предполагают издать сборник польские коллеги. Это последний по хронологии сборник, охватывающий время 1918—1939 гг. Польские специалисты предполагают построить свой сборник не по принципу проблемного исследования славистической тематики, а, учитывая специфику развития международного славяноведения в эти годы, считают более целесообразным дать характеристику развития отдельных славистических дисциплин, таких как языкознание, литературоведение, история и этнография.

Как справедливо отметил в своем докладе председатель Комиссии Д.Ф. Марков — серия сборников даст много в смысле накопления необходимого для синтеза материала. Однако важнейшая задача сборников состоит в выработке единого методологического подхода к той массе фактов, которые уже введены

в научный оборот или будут выяснены дополнительно. Работа над серией международных сборников поможет выяснить основной круг методологических проблем, исследование которых представляется особенно важным на начальной стадии работы. «Решение кардинальных вопросов истории славяноведения, — отметил Д. Ф. Марков, — будет успешнее, если ученые при их разработке будут базироваться на основных принципах материалистической диалектики, используя также достижения современной компаративистики».

Создание пятитомной серии международных сборников — это только первый этап большой совместной работы ученых-славистов многих стран. Конечная цель их исследовательской работы — написание синтетического труда по истории мировой славистики — задача сложная и многоплановая, требующая максимальной концентрации научных сил в международном масштабе. Именно этими причинами обусловлено особое внимание Международного комитета славистов к данной проблематике, о чем свидетельствует его решение, принятое на последнем заседании, включить историю славистики как одно из основных научных направлений в программу очередного VIII съезда славистов, провести который предполагается в Загребе — Любляне в 1978 г.

Н. Прокофьева

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОБЩЕКАРПАТСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ

С 16 по 19 июня 1976 г. в Ужгороде проходила конференция по Общекарпатскому диалектологическому атласу. Настоящая встреча явилась очередной в серии совещаний и конференций по лингвогеографическому изучению языков и диалектов карпатского ареала и созданию ОҚДА, проводимых в рамках международного сотрудничества академий наук и университетов ряда европейских социалистических стран.

IV Международная конференция по ОҚДА была организована по инициативе Ужгородского государственного университета и проведена при активном участии Института славяноведения и балканистики АН СССР, координирующего всю работу по ОҚДА в Советском Союзе. Помимо указанных организаций в работе ужгородской конференции приняли участие сотрудники Института общественных наук АН УССР и Института языка и литературы АН МССР. Зарубежные страны представляли: проф. А. Заремба (Институт славянской филологии Краковского университета), проф.

А. Вашек (Институт чешского языка ЧСАН), проф. П. Ондрус (Братиславский университет им. Я. Коменского), доц. Ю. Кришаква и доц. З. Ханделова (Кошицкий университет им. П. Шафарика), проф. М. Младенов (Институт болгарского языка БАН).

Состоявшаяся конференция носила рабочий характер, что отличало ее от предыдущих совещаний, посвященных в основном общеметодологическим проблемам. Главной задачей конференции явилось обсуждение украинской части программы-вопросника будущего атласа, постановка и решение ряда научных и научно-организационных проблем, связанных с созданием вопросника ОҚДА (структура вопросника, характер формулировки вопросов и пр.), а также обсуждение принципов подбора населенных пунктов для сетки обследования ОҚДА, приблизительное определение их числа и густоты.

На открытии конференции ее участников приветствовал проректор Ужгородского государственного университета

проф. Н. А. Лакиза, вступительное слово произнес проф. С. Б. Бернштейн, после чего были заслушаны краткие сообщения о состоянии разработки национальных программ ОЖДА в странах-участницах.

Основная часть заседаний была посвящена обсуждению украинского индекса, причем в ходе его предпринималась попытка фронтального сопоставления отдельных фрагментов украинского, польского, словацкого, венгерского и молдавского индексов. Работа над материалом списка вызвала ряд ценных замечаний и дополнений, касающихся его состава, методики сбора, способов построения вопросника. Значительное внимание было уделено обмену мнениями относительно построения сетки обследуемых пунктов. Существенно важными оказались соображения о распределении гущений пунктов обследования, высказанные А. Зарембой и М. Младеновым. По их мнению, при составлении сетки должны приниматься во внимание следующие аспекты: а) степень диалектной дифференциации на исследуемой территории; б) культурно-этнографический аспект, а именно, необходимость уделять особое внимание районам с наиболее сохранившейся культурной и хозяйственной традицией, в) учет общей территории распространения каждого языка или диалекта. В результате дискуссии было признано целесообразным для установления окончательного числа и расположения пунктов подготовить в СССР карту-схему карпатского региона и принять в качестве предварительного реше-

ния три варианта количества населенных пунктов: максимум — 220, минимум — 110, среднее — 165, распределив их (по усредненному варианту) примерно следующим образом: Украина — 50, Молдавия — 20, Венгрия и венгерские говоры Закарпатья — 15, Польша — 20, Словакия — 20.

На конференции была намечена повестка дня следующей V Краковской международной конференции, куда решено включить: а) утверждение единой программы-вопросника ОЖДА; б) обсуждение инструкции к программе-вопроснику, методики сбора материала, принятие решения о транскрипции при сборе материала, о практической форме создания картотеки собранных материалов; в) обсуждение и утверждение сетки обследования ОЖДА.

Конференция поддержала инициативу Словацкой академии наук относительно создания при Международном комитете славистов специальной комиссии по языковым контактам.

В решении, принятом участниками конференции, констатируется, что IV Международная конференция по ОЖДА проделала большую научную и научно-организационную работу и явилась важным этапом в создании ОЖДА, отмечается также хорошая организация работы конференции и выражается признательность ректорату Ужгородского государственного университета и кафедре венгерской диалектологии филологического факультета.

И. Калужская

CONTENTS

The CC CPSU October Plenum and the development of the socialist community *A. I. Nedorezov*. Klement Gottwald and the revolutionary transformation of Czechoslovak society. *T. M. Islamov, A. Kh. Klevanskij*. The Liberation movement of the Slavonic Peoples and national programmes of Russia's and Austro-Hungary's social democrats. *G. Piastro*. The political-educational work in the Soviet troops and among the population of Bulgaria (The Third Ukrainian Front. September 1944 — May 1945). *E. Uribes*. Balkan Crises of 1911 and the European powers. *I. Svetlov*. Monuments of People's Poland. *A. A. Turilov*. The monuments of South Slavonic Literature in Russian book collections of the late XV—XVII Centuries (on the materials of old Russian bibliography). *S. M. Tolstaya*. To the typological characteristic of the category of palatal character in the Slavonic languages. 3

From the history of Slavic Studies

P. A. Dmitrijev, G. I. Safronov. The first post-war scientific session on Slavic Studies 89

PEOPLE, EVENTS, FACTS

D. Moravec (Yugoslavia). Ivan Cankar's revolutionary role in the Slovenian and Yugoslavian theatre. *F. I. Steklova*. Mystery of a letter. *V. P. Gudkov*. To the clearing of the circumstances of the publication of Jovan Raich's «History of various Slav Peoples» 97

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

G. Murashko. The New study of historians of Czechoslovakia on the Košice Programme. *S. L. Kairov, V. N. Kazak*. Adopted Brothers. The Soviet people in the Antifascist struggle in the Balkan peoples 1941—1945. *N. P. Mitina, Yu. I. Shtakelberg, O. II. Morozova*. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. *V. A. Boris, B. Lopuszański*. «Stowarzyszenie ludu polskiego (1835—1841)». *N. A. Mokhov*. A Study on agrarian history of late feudal Moldavia. *M. M. Freidenberg, E. P. Naumov*. Ruling class and State power in Serbia of XIII—XV Centuries. Dynamics of social and political system of Serbian feudalism. *A. A. Banin, L. G. Kanchaveli*. A Monograf in Bulgarian popular music. *G. P. Klepikova, W. Hemiczek-Morozowa*. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. *V. Mokijenko, Ryszard Stypuła*. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. *E. A. Grigorian*. Linguistic collected essays in memory of Professor St. Stojkov 110

Bibliography

The main articles and materials of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the soviet periodicals in 1976 (continued). The Contents of Foreign Periodicals 134

SCIENTIFIC LIFE

N. Prokofijeva. Activity of the International Committee on the History of Slavic Studies. *I. Kaluzhskaya*. The Fourth International Conference on «The All-Carpathian Dialectological Atlas» 139

Технический редактор *Е. В. Синуцина*

Сдано в набор 11/X-1976 г. Т-22422 Подписано к печати 27/XII-1976 г. Тираж 1230 экз.
 Зак. 1243 Формат бумаги 70×109/16 Усл. печ. л. 42,6 Бум. л. 41₂ Уч.-изд. л. 14,6

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891